

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ЦЕНТР ИНФОРМАТИЗАЦИИ, СОЦИАЛЬНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И НАУКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2007

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2007**

ББК 72.4(2)
Н 34

***Центр научно-информационных исследований
по науке, образованию и технологиям***

Ответственный редактор
д-р. филос. наук, профессор *А.И.Ракитов*

Наукoведческие исследования: Сб. науч. тр. / РАН.
Н 34 ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образова-
нию и технологиям; Отв. ред. Ракитов А.И. – М., 2007. –
174 с.
ISBN 978-5-248-00299-3

В результате целого ряда противоречивых и непродуманных реформ Россия с 90-х годов XX в. начала сильно отставать в научно-техническом и социальном развитии. В сборнике обсуждаются перспективы России войти в число наиболее передовых стран планеты, восстановить свой интеллектуальный, научно-технический, экономический и оборонный потенциал и превратиться в общество высоких технологий. Это качественно новый этап социально-исторического развития.

As a result of the whole series of contradictory and unthoughtful reforms, Russia beginning in the 90s looks retarded in the social and scientific development. The edition there discusses perspectives of Russia to join the most developed countries and restart its intellectual potential conversing in the society of higher technologies as a qualitatively new stage of the development.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00098).

ББК 72.4(2)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.И. Ракитов.</i> Стратегическая перспектива России: Есть ли шанс создать общество высоких технологий	4
<i>М.Г. Делягин.</i> Место России в кризисах глобализации.....	35
<i>Ю.В. Грановский.</i> Наука России – экономика России (в поисках стратегии)	53
<i>Е.В. Балацкий.</i> Взаимные преимущества западной и русской моделей сообщества экономистов	74
<i>А.А. Храмчихин.</i> Некоторые тенденции в развитии Китая: Возможные источники угрозы безопасности России	100
<i>С.В. Карелов.</i> Информационная постиндустриальная модернизация – остался ли у России этот шанс?	135
<i>Игумен Иннокентий (Павлов).</i> Христианский взгляд на государственную стратегию России	154

А.И. Ракитов

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА РОССИИ: ЕСТЬ ЛИ ШАНС СОЗДАТЬ ОБЩЕСТВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Истина, даже если она совершенно банальна, не становится от этого менее истинной. В десятках тысяч журнальных статей и монографий утверждается, что главным фактором социально-экономического развития современного общества являются интеллектуальные ресурсы. Высокоразвитые государства, обладающие наибольшей военной, промышленной и финансовой мощью, постепенно трансформируются в общества, основанные на знаниях. Подавляющее большинство специалистов, занимающихся прогнозированием научно-технологического развития, образования и перспектив глобальных трансформаций в обозримом будущем, не сомневаются в этом утверждении. Но его банальность опасна тем, что оно само не подвергается научному исследованию, глубинному философскому анализу. Однако здесь сразу же возникают два вопроса: действительно ли общества, основанные на знаниях, начали возникать и развиваться лишь в XX в.; являются ли знания, пусть даже самые сложные и современные, абсолютной доминантой, определяющей гарантированное устойчивое постоянное преимущество высокоразвитых государств? Эти вопросы подсказаны историческим опытом, свидетельствующим, что даже самые мощные империи прошлого, располагавшие лучшими для своего времени военными, техническими, экономическими и организационно-управленческими знаниями, рано или поздно не только разрушались, но и бесследно исчезали.

В наше время существует единственная сверхдержава – США, которая в определенном смысле является особой современной империей, использующей в качестве доминант управления и подчинения технологическое, научное и образовательное превосходство и гигантские преимущества своей финансовой системы.

Однако глобальные изменения последних пяти лет заставляют усомниться в абсолютном превосходстве и неодолимости этих доминант. Но, как бы то ни было, остается неоспоримым то, что на протяжении XX в. сложилось твердое убеждение, что решающим фактором дальнейшего развития человечества являются интеллектуальные ресурсы. Утверждая это, следует сразу же задать вопрос: что же собственно имеется в виду под интеллектуальными ресурсами, в чем их привлекательная сила, их преимущество над другими доминантами в глобальном и региональном развитии?

Давайте немного задержимся на обсуждении роли интеллектуальных ресурсов в развитии и совершенствовании человечества. Я утверждаю, что не существует никакой общепринятой, общезначимой и одинаково понимаемой научным сообществом и политическими элитами интерпретации понятия «интеллектуальные ресурсы». В большинстве работ, посвященных роли и функции интеллектуальных ресурсов в развитии современного общества, речь идет преимущественно о научных, теоретических знаниях, к которым относятся не только естественно-научные, математические и технико-технологические знания, но также знания социально-гуманитарные, в первую очередь экономические, политические и управленческие, рассматривающие проблемы внутренней и внешней политики государств и региональных союзов, стратегию выработки и достижения государственных и межгосударственных целей. Обычно считают, что интеллектуальные ресурсы как доминантный фактор развития общества стали возникать и разрабатываться на современном цивилизационном уровне лишь в течение последних трех – максимум четырех столетий. Такое понимание является достаточно ограниченным.

В соответствии с новейшими археологическими данными человеческое общество начало формироваться несколько миллионов лет назад. Высшие приматы, которых можно рассматривать как древнейших предков человека, появились, по мнению ряда специалистов, около 5 млн. лет назад¹. Некоторые исследователи считают,

¹ Я сошлюсь на интересные данные, содержащиеся в книге «История человечества» [8]: 1) «первые обезьяны почти одновременно появились в Африке и Южной Америке примерно 35 млн. лет тому назад» (с. 39); 2) «в 1960 г. Лики открыл в местонахождении Форт Тернан, имеющем возраст 14 млн. лет, несколько фрагментов челюстей существа, которое он назвал кенияпитеком и отнес к предкам человека» (с. 40); 3) «поскольку шимпанзе, гориллы и все гоминидовые старше 1,5 млн. лет имеют исключительно африканское происхождение, можно полагать, что эта ветвь

что признаками человека обладают такие гоминиды, как *Homo erectus* (человек прямоходящий) и *Homo habilis* (человек умелый). Другие склоняются к мнению, что в полном смысле людьми могут называться лишь неандертальцы (0,13–0,03 млн. лет назад) и вытеснившие их *Homo sapiens sapiens* (0,12 млн. лет назад) [3, с. 36]. При этом важнейшим признаком человека многие палеоантропологи, философы и публицисты уже в XIX в. считали способность производить орудия труда. Человек, с этой точки зрения, отличается от некоторых высших приматов, которые и сейчас обитают в Африке и способны для решения отдельных задач, связанных с добыванием пищи, использовать палки или камни. Однако эти инструменты не создаются ими специально, а находятся, так сказать, в готовом виде.

Орудия или инструменты используются и некоторыми другими высшими млекопитающими. Палмеры упоминают белых медведей, выдр и др. [15]. Ф.Энгельс в своей брошюре «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [20] утверждал, что человек, овладев прямохождением на задних конечностях, освободил передние конечности, с помощью которых он создавал орудия труда, добывал пищу, строил жилище, обустроивал его и т.д. Труд, в свою очередь, привел к развитию и совершенствованию рук, а это повлекло за собой развитие мозга, умственной или, как мы сказали бы сейчас, интеллектуальной деятельности. Однако этот подход не согласуется не только с фактами, но даже с концепцией К.Маркса, который в «Капитале» отмечал: «Пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [11, с. 189].

Таким образом, и данные современной археологии, и философский анализ приводят к одному и тому же заключению. Человек «начинается» тогда, когда высшие приматы, гоминиды, создают каменные орудия, выполняющие роль режущих или скребущих ин-

после разделения с понгидовыми (орангутанг и сивапитек) является чисто африканской. На этом континенте залежи возраста от 5 до 10 млн. лет более редкие и более бедные, чем залежи того же периода в Евразии: только одна эта разница может объяснить кажущееся преобладание понгидовых над гоминидовыми.

Как мы видели, это последнее предсемейство к периоду, который биология и палеонтология определяют в 5–6 млн. лет, в свою очередь подразделяется в ветвь больших африканских обезьян и панидовых (название произошло от *Pan troglodytes*, шимпанзе) и на ветвь гоминидовых, включающую только два вида: австралопитеков («обезьяна южная») и собственно человека – *Номо*» (с. 41–42).

струментов. И это требует не просто прямохождения и освобождения передних конечностей, а совершенно особых свойств, к которым относятся: способность ставить осмысленную цель небиологической деятельности, создавать интеллектуальную модель или хотя бы примитивный проект конечного продукта, планировать деятельность в виде технологической цепочки, включающей в себя нахождение подходящих горных пород, их транспортировку к месту изготовления орудий, отщепление каменных сколов, полировку поверхности, создание инструментов с одним или двумя лезвиями и т.д. [13]. Дальнейшее совершенствование орудий также предполагает все более сложную интеллектуальную работу¹.

Итак, я подхожу к первому выводу: биологическая эволюция постепенно стала переходить в социобиологическую и социальную эволюцию именно благодаря тому, что у предков человека, высших гоминид, появился особый ресурс, особый механизм, или способность, предпосылать собственно физической трудовой деятельности интеллектуальный проект и соответствующий план. Археологические данные позволяют утверждать, что такая способность развивалась очень медленно на протяжении сотен тысяч и даже миллионов лет. Она сопровождалась интеллектуальными находками и потерями, заблуждениями и открытиями, но несомненно, что трудовая деятельность в ее современном понимании должна была опираться на способность предков человека и первобытных людей предпосылать чисто физической деятельности деятельность интеллектуальную.

Мы не знаем, как и почему появилась эта способность. Возможно, это был результат каких-то генетических мутаций. Пока у нас нет достаточно надежных эмпирических данных, которые позволили бы сформировать более точные суждения об отмеченном обстоятельстве. Но безусловно, что среди бесконечного числа природных ресурсов, используемых для поддержания жизнедеятельности живыми организмами, появился ресурс, присущий только человеку. Именно этот ресурс обусловил переход от биологической к социальной эволюции.

Реализованные через систему трудовой деятельности интеллектуальные ресурсы, их постепенный, но безостановочный количественный рост и качественное усложнение привели к тому, что

¹ Детальное описание процессов изготовления орудий и способов их использования можно найти в коллективной монографии «История человечества» [6].

человек стал повелителем природы¹, а его деятельность из «природной» в значительной степени превратилась в «антиприродную».

Поэтому к первому выводу следует добавить второй. Он гласит, что интеллектуальные ресурсы представляют собой обоюдоострое оружие. Они не только полезны, не только желанны и спасительны, но могут быть и крайне опасными, угрожающими самому существованию рода человеческого. Развивать и обосновывать этот вывод излишне. Поэтому я ограничусь напоминанием о некоторых наиболее негативных последствиях реализации интеллектуальных ресурсов и возникающих на их основе технологиях и системах артефактов. К их числу относятся: экологический кризис, возникновение и распространение пустынь, уменьшение массы наземной флоры, являющейся главным источником кислорода, загрязнение и сокращение общего объема пресной воды, опасность катастроф, возможность которых постоянно возрастает в связи с развитием атомной энергетики, быстрое распространение пандемических и эпидемических заболеваний, связанное с развитием наземных коммуникаций, авиации и водного транспорта, изменение структуры питания, особенно в развитых странах, где наряду с увеличением объема потребляемого продовольствия постоянно присутствуют различные угрозы здоровью, связанные с химизацией сельского хозяйства, появлением различного рода химических пищевых добавок, расширение производства и потребления искусственных наркотиков, появление так называемых озоновых дыр, появление различного вида опасностей, связанных с массовым распространением аппаратуры мобильной связи, телевидения и других источников излучения, негативно влияющих на здоровье человека. Эти и многие другие негативные последствия в значительной степени уравниваются полезными последствиями некоторых видов интеллектуальных ресурсов и их технологических реализаций. Поэтому эйфории по поводу развития интеллектуальных ресурсов и соответствующих технологий все чаще противопоставляется научно-технологический алармизм, позиции которого укрепляются по мере создания все более мощных устройств, предназначенных для войны и массового уничтожения людей.

¹ Стоит специально отметить, что мысль эта отчетливо сформулирована еще в 1 книге Бытия (Бытие 1:28). Говоря о первых людях, Библия передает директиву Творца: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

Теперь, пожалуй, можно точнее сформулировать, что имеется в виду, когда говорят об интеллектуальных ресурсах. Ответ чрезвычайно прост: интеллектуальные ресурсы – это знание. Знание в какой-то зачаточной эмбриональной форме можно обнаружить, например, у высших животных и даже у насекомых. Так, медоносные пчелы, исполняя определенные «танцы», передают знания или, точнее, информацию о местах максимальной концентрации медоносных растений и маршрутах, которые нужно знать, чтобы долететь до них и вернуться обратно в родной улей. Но в действительности это не знание в полном смысле, по крайней мере, в том, в каком мы употребляем это понятие, говоря о знаниях человека. Мы не знаем, как и когда, по какой причине и под влиянием каких биологических, биохимических или биофизических процессов сложилась система формирования и передачи информации у пчел и муравьев [2, 5]. Но несомненно, и это подтверждено многолетними наблюдениями, что способы передачи информации, которыми они пользуются, на протяжении миллионов лет биологической эволюции практически не менялись. По крайней мере, скорость их модернизации не превосходит скорость этой эволюции. Знания же человека от тысячелетия к тысячелетию, от столетия к столетию, от десятилетия к десятилетию, а в наши дни буквально в месячные и недельные сроки развиваются все быстрее, касаются все большего числа явлений, объектов, процессов и событий, постоянно совершенствуются, уточняются. Поле их практической применимости постоянно расширяется. Этим мы обязаны прежде всего языку.

Разумеется, можно в каком-то условном смысле с довольно сильными ограничениями говорить о языке жестов у насекомых и высших животных. Некоторые виды последних, например, дельфины, киты [19], человекообразные обезьяны, обладают даже развитой звуковой сигнализацией. В последние годы появились исследования, сообщающие о том, что высшие приматы обладают языком, который можно перевести на человеческий, «расшифровать», и что они способны понимать человека. Но пока эти утверждения носят гипотетический, условный характер. Но даже если эти гипотезы подтвердятся, можно утверждать, что языком как сложной вербальной системой, насчитывающей десятки и даже сотни тысяч слов, имеющей грамматику, позволяющую создавать в сжатые интервалы времени огромные массивы новых знаний, обладают только люди. Поэтому указание на то, что у некоторых высших животных имеются зачатки знаний, вовсе не означает, что они располагают на-

стоящими интеллектуальными ресурсами как главным источником, определяющим их развитие и преимущества в эволюционной динамике. Различия между зачаточными формами знания у животных и знаниями человека гораздо больше, чем различия между желудом и дубом. И хотя дуб вырастает из небольшого желудя, никто в знойный день не сможет воспользоваться тенью желудя, чтобы уберечься от жары.

Итак, интеллектуальные ресурсы – это информация об окружающей нас природе, обществе, человеке, а также знания о различных технологиях, навыках и умениях. Знания всегда выражаются в языке. И это обуславливает четыре важнейшие особенности интеллектуальных ресурсов человека. Первая – способность к трансляции непрерывно развивающихся знаний от поколения к поколению. Вторая – кумулятивный характер знания – способность к накоплению, сохранению и запоминанию. Третья – способность к трансформации знания, в том числе и с помощью искусственных языков (языки современной науки и технологии, математическая символика, чертежи, рисунки, схемы, языки машинного программирования). Четвертая – социальная, этническая, профессиональная и конфессиональная дифференциация людей, объединенных в более или менее значительные целостности. Эти целостности по мере развития человечества приобретают все более сложную структуру и состоят из множества групп, различающихся по своим социальным, экономическим, политическим, технико-технологическим и иным функциям. Со временем (и это надо особенно подчеркнуть) в человеческих сообществах появляются социальные группы или слои населения, специализирующиеся на выработке, хранении, использовании, трансляции знаний, обучении новых поколений, модернизации устаревших знаний и выработке интеллектуальных ресурсов, ориентированных на решение как общезначимых, так и узкогрупповых задач. Причем по мере развития человечества количество таких специализированных задач растет. В XX в. в некоторых сферах деятельности этот рост приобрел экспоненциальный характер.

Здесь мы вплотную подходим к одному из важнейших вопросов современности: создание систем профессиональных знаний и соответствующих социальных групп, занимающихся выработкой, развитием, трансформацией, модернизацией и трансляцией знаний. Но прежде чем перейти к обсуждению этой проблемы, я считаю важным заметить, что профессионализация деятельности вообще и в первую очередь познавательной деятельности является исключительной особен-

ностью *Homo sapiens sapiens*. Все дельфины одного вида, например афалина, плавают и охотятся совершенно одинаково и одинаково владеют всеми жизненными навыками. То же самое можно сказать о слонах, волках, шимпанзе, орангутангах и других животных. Функциональное различие внутри стайных животных выработано в ходе эволюции и не носит профессионального характера (например, функции рабочей пчелы, матки и трутня передаются генетически). Что же касается людей, то уже неандертальцы, а тем более современные люди (даже в глубокой древности – 30–40 тыс. лет назад), вплотную подошли к профессионализации, в том числе интеллектуальных навыков. Совершенство поздних каменных орудий, наскальные рисунки и первые керамические изделия свидетельствуют о том, что для их создания требовались сложные навыки и интеллектуальные ресурсы, доступные далеко не каждому члену сообщества.

Теперь мы можем вернуться к нашему времени. Еще раз напомним, что человеческое общество с самого начала было основано на знании. Благодаря способности вырабатывать знания люди начали заниматься трудом. Благодаря знаниям потомки первобытных людей стали людьми современными. Этот процесс сопровождался не только развитием знания и стимулировался им, но привел к мощной институционализации и дисциплинарной дифференциации знания, обусловив расчленение всей суммы интеллектуальных ресурсов на различные страты, образующие гигантскую пирамиду, вершину которой занимают знания научные.

Теперь мы можем разобраться с двумя ключевыми понятиями: «интеллектуальные ресурсы» и «общество, основанное на знаниях». Важно понять, что первое из них может без всяких ограничений относиться ко всем видам и уровням информации, знаний, навыков и умений. Однако следует иметь в виду, что «интеллектуальные ресурсы» в диахронном и синхронном разрезах чрезвычайно различны. Несопоставимы по сложности знания, которыми обладали древние мастера, создававшие каменные орудия, первые керамические или металлические изделия, со знаниями, которыми обладают современные высококвалифицированные инженеры, ученые, разрабатывающие новые конструкционные материалы, виды керамик различного назначения, металлические сплавы, автоматизированные технологии и т.д. Кроме того, следует учесть, что специализация по видам деятельности, в основе которой лежат различные виды знаний, в наши дни приобрела такой масштаб, что, например, технологи, ученые, инженеры, работающие в сфере ген-

ной инженерии, или биотехнологии, вряд ли могут считаться специалистами в атомной энергетике, космоплавании, создании материалов, используемых для изготовления компьютеров. Поэтому нам нужно провести границу, указав, что термином «интеллектуальные ресурсы», коль скоро мы считаем главной детерминантой развитие, модернизацию общества и лежащих в его основе социально-экономических структур и технологий, обозначаются лишь современные знания, навыки и умения, при этом далеко не всякие. Настоящими «интеллектуальными ресурсами» в нашем мире являются знания, основанные на достижениях и результатах современной науки, и базирующиеся на них навыки и умения. Разумеется, в жизни современного общества существует целый океан бытовых и традиционных знаний, иногда восходящих к древности. Но не они образуют ресурсы научно-технического прогресса и совершенствования социально-экономической сферы. Поэтому в более узком современном профессиональном и специальном смысле понятие «интеллектуальные ресурсы» охватывает не весь объем знаний, накопленных человечеством в его историческом развитии, но лишь комплекс научных интеллектуальных достижений и базирующихся на них производственных, социальных и управленческих навыков и умений, обеспечивающих поступательное движение человечества и влияющих на темпы и характер глобальных, региональных и локальных трансформаций, способных повысить благосостояние общества, обеспечить безопасность жизни людей, более высокий социальный и индивидуальный комфорт.

Теперь становится ясно, что термин «общество, основанное на знаниях» в определенном отношении двусмысленный. Первый смысл состоит в следующем: любое человеческое сообщество основано на знаниях и становится тем более человеческим, чем больший объем разнообразных знаний оно накапливает и использует в интересах человека. Второй же смысл является, по существу, синонимом понятия «интеллектуальные ресурсы» с указанным выше значением и подчеркивает, что главным фактором развития и модернизации современного общества являются научные знания и все их производные, а не вооруженные силы, финансы или политическая власть. В связи с такой интерпретацией я предлагаю несколько модернизировать или, если угодно, дополнить термин «общество, основанное на знаниях» другим термином, исключающим всякую двусмысленность и побочные толкования, а именно – «общество высоких технологий». Если не ошибаюсь, я впервые ис-

пользовал термин «общество высоких технологий» в 1995 г. на все-российском конгрессе, проводившемся в Екатеринбурге. Текст моего заключительного доклада был опубликован в журнале «Проблемы информатизации» [17].

Понятие «высокие технологии» тоже страдает многозначностью. Оно впервые, согласно интернет-энциклопедии «Wikipedia», было использовано в «Нью-Йорк Таймс» в 1957 г.¹. Множество технологий, удостоенных эпитета «высокие», меняют свой статус на протяжении последних 50 лет чрезвычайно быстро. То, что считалось высокими технологиями в 1960 г., не относится к ним в конце 90-х годов XX в. и в первом десятилетии XXI в. Вместо того чтобы выбирать наиболее предпочтительные определения из числа уже фигурирующих в литературе, я предлагаю свое определение, которое, как я надеюсь, облегчит обсуждение проблем, рассматриваемых в этой статье. Я буду называть наукоемкой продукцией услуги, артефакты и процессы, в суммарной стоимости которых от 15 до 50% приходится на научные исследования и разработки. При этом данные цифры условны и могут на несколько процентов отличаться в ту или другую сторону. Аналогичным образом я буду считать высокими те технологии, которые основаны на включении в их структуру в качестве управляющих, контролирующих или функционально-исполнительных подструктур информационных технологий. Это отчетливо показывает, какую роль в наиболее прогрессивных новых технологических процессах и конкурентоспособных продуктах и услугах играют интеллектуальные ресурсы страны, понимаемые в принятом в этой статье смысле.

Интеллектуальные ресурсы нуждаются в мощной государственной, предпринимательской и общественной поддержке и с точки зрения финансирования, и с точки зрения привлечения ученых и других специалистов, деятельность которых детерминирована достижениями науки. Следует уяснить, что, хотя знания, т.е. интеллектуальные ресурсы, играли решающую, если угодно, системообразующую роль на всем протяжении развития человечества, понятие «общество, основанное на знаниях» приобрело во второй половине XX и начале XXI в. совершенно особый смысл и знаменует собой этап развития общества, не имеющий аналогов в прошлом. В чем же состоит специфика терминов «общество, основанное на знаниях» и «общество высоких технологий»?

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/High_technology

Общество, основанное на знаниях, в современном смысле слова предполагает достаточно высокий общеобразовательный уровень населения и постепенную интеграцию науки, промышленности и реальной экономики [1]. К.Маркс писал по этому поводу: «Процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки» [12, с. 206]. Начавшись еще в середине XIX в., интеграция продолжалась и по сей день, но при этом следует учитывать одно важное обстоятельство: с начала промышленного капитализма, истоки которого уходят в XVII и XVIII вв., новая машинная база производства создавалась изобретателями, зачастую не имевшими высшего профессионального образования. Отдельные научные достижения внедрялись в жизнь, но это не представляло собой систему. Генераторы научных знаний – университеты, научные лаборатории и ведущие ученые – редко привлекались для решения практических народнохозяйственных задач. Ни Дж. Уатт, ни Р.Фултон, ни Б.Франклин не были профессиональными учеными¹. Даже создание таких сложных приборов, как механические часы, не было продуктом исследовательской деятельности средневековых профессоров. Наука и технология в отдельных точках соприкасались, например, в медицине, электротехнике, но в целом развивались параллельно, как два достаточно независимых вида деятельности. Целью науки было познание истины, целью технологии – создание полезных для человека вещей. Разумеется, и в том, и в другом виде деятельности вырабатывались чрезвычайно важные имеющие долгосрочные последствия знания, отличавшиеся от знаний обыденных, повседневных. Индустриальное общество было, безусловно, обществом, основанным на знаниях, но не было «обществом высоких технологий».

Справедливости ради следует отметить: осознание того, что наука и ее социально-экономические и технологические приложения будут играть решающую роль в дальнейшем развитии человечества, было достигнуто задолго до того, как этот процесс стал свершившимся фактом. Для этого достаточно прочитать «Новую Атлантиду» и некоторые комментарии к античной мифологии Ф.Бэкона, труды Кондорсе и других представителей эпохи раннего модерна. Быстрое

¹ Справедливости ради напомним, что Дж. Уатт и Б. Франклин имели некоторое отношение к университетской науке. Первый работал в университете Глазго в качестве техника и участвовал в экспериментах с паровыми машинами. Вторым был создателем Филадельфийской академии, ставшей основой Пенсильванского университета.

укрепление и расширение интеграции науки и промышленности привело к тому, что социально-политическое, экономическое и военное значение науки стало осознаваться наиболее проницательными государственными деятелями уже в XIX в. В XX в., особенно во второй его половине, наука и основанные на ней технологии стали рассматриваться в качестве важного социально-экономического ресурса, наряду с военным и финансовым могуществом.

Главным фактором, обусловившим качественное, статусное повышение науки в жизни современных обществ, была Вторая мировая война. Именно в это время потребовалось создание гигантских научно-исследовательских институтов, научно-конструкторских и научно-консультативных организаций. Они производили оружие залпового огня, беспилотные самолеты-снаряды, атомные бомбы, планировали военные операции с участием всех родов войск. Именно в этот период принципиально изменился и характер самого научного сообщества. Если, например, к концу XIX в. в мире насчитывалось всего несколько сотен ученых-физиков, то к середине Второй мировой войны число научных сотрудников и научно-технического персонала в США, Англии, Германии и СССР исчислялось десятками и даже сотнями тысяч [4]. По данным «Индикаторов науки и техники», изданных в 2006 г., в 2003 г. в США лиц, имеющих степени от бакалавра и выше, было 15 689 тыс. человек. Из них 11 891 тыс. имели ученые степени. Собственно в сфере науки (включая университетскую науку) было занято, по данным Службы занятости, 4 962 тыс. человек, а по данным Бюро переписи – 5 604 тыс. человек [21].

США на сегодняшний день являются недостижимым образцом развития и использования науки для перехода к «обществу высоких технологий». Интеллектуальные ресурсы России незначительны по сравнению с США, так как их созданием занято сообщество ученых, по своей численности существенно уступающее американскому¹. Но, несмотря на усилия властей ограничить сферу деятельности отечественной науки, снизить ее интеллектуальный потенциал и отнести ее к числу маргинальных институтов, уступающих по своей экономической привлекательности торговле, финансовой деятельности, энергоресурсному комплексу и т.д., она все

¹ Непродуманные социально-экономическими реформы привели к тому, что численность ученых-исследователей в России за последнее десятилетие заметно снизилась. По данным статистического сборника «Наука в Российской Федерации», численность исследователей в 1994 г. составляла 525 319 человек, а в 2003 г. – 409 775 человек [14, с. 38].

еще способна к регенерации, развитию и достаточно быстрому росту и может при определенных условиях стать фундаментом модернизации и создания новых, в том числе высоких технологий. Иными словами, российская наука все еще может послужить тем желудом, из которого может вырасти дуб. Но об этом несколько ниже.

Сейчас же я обращаю внимание читателя на то, что сообщество ученых живет в определенной социальной, экономической и психологической среде. Наука может успешно функционировать, если эта среда поддерживает высокий престиж ученых в обществе.

Было бы большой ошибкой считать, что ученые, как определенный социальный слой, – продукт Нового времени и что статус современных ученых в основных чертах совпадает со статусом ученых Средневековья, Античности или Древнего Востока. В действительности это совсем не так. Высказанное только что допущение страдает полным отсутствием историзма. Мы знаем, например, что в Древнем Вавилоне VII–VI вв. до н.э. подавляющее большинство ученых принадлежали к определенному этносу, а именно, были халдеями. Долгое время у нас халдеями называли профессиональных учителей и профессоров дореволюционных гимназий и высших учебных заведений. Но в действительности халдеи – это семитское племя, специализировавшееся на поставке придворных ученых, некоторых государственных деятелей, финансистов, офицеров и военачальников вавилонской армии. В античном мире, особенно в Древней Греции, наукой занимались из интереса к постижению тайн мироздания (вспомните хотя бы Эратосфена, Калипса, Эвдокса, Герона, Аристарха и др.). В Средние века, особенно с момента возникновения первых университетов в XIII в., ученые стремились, прежде всего, к познанию истины и, главным образом, сущности Бога и его творений. Стремление к истине было величайшей, если угодно, родовой отличительной чертой науки независимо от того, какие нюансы преобладали в интерпретации истины. При этом науке, естественно, были не чужды алхимия, элементы мистицизма и т.п.¹. Следы этих влияний заметны даже в трудах Ньютона.

Наука Нового времени, основоположниками которой можно считать Ф.Бэкона, Декарта, Паскаля, Галилея, создавалась одиночка-

¹ Тот, кто знакомился со взглядами Коперника не по современным учебникам, а по его книге «De revolutionibus», и с трудами Кеплера, легко может обнаружить, что создание гелиоцентрической системы было стимулировано не столько реальными наблюдениями самого Коперника, сколько мистическими идеями, которые Коперник обсуждал довольно подробно и которым не был чужд и Кеплер.

ми, располагавшими достаточными средствами для научной деятельности или опиравшимися на поддержку владетельных персон. Однако современная наука, которая начала формироваться во второй половине XIX в. и особенно в 30–40-е годы XX в., – совершенно особый феномен. Ее специфика заключается в том, что она стала массовой, превратилась в особого рода производство научных знаний и насчитывает в своих рядах уже миллионы специалистов высшей квалификации, работающих чаще всего не в одиночку, а в коллективе, использующих сложнейшие современные электронные приборы, ускорители электронных частиц, атомные реакторы, суперкомпьютеры и т.д. Это качественное изменение науки, а не простой количественный рост ее создателей и представителей. И здесь нас поджидает ловушка. Научно-кадровый потенциал современного общества в состоянии создавать чрезвычайно ценные интеллектуальные ресурсы лишь при условии, что они будут востребованы со стороны производителей товаров и услуг. Для того чтобы имплантировать многие научные результаты и разработки, необходимо иметь первоклассно подготовленных инженеров, конструкторов, специалистов и рабочих всех уровней и профилей профессиональной деятельности, способных превратить теоретические и эмпирические результаты науки в высокие технологии и наукоемкие продукты. Поэтому мы можем говорить об интеллектуальных ресурсах еще в одном смысле, имея в виду ту окружающую общественную среду, тот человеческий капитал, который обладает достаточно высокой общеобразовательной и профессиональной подготовкой для того, чтобы превратить достижения науки в высококонкурентные товары и услуги. Такой капитал создается системой общеобразовательных и специализированных школ, колледжей и училищ, выпускающих специалистов, способных усваивать и проводить в жизнь инновации, основанные на научных знаниях высшего уровня. Таким образом, мы можем говорить об интеллектуальных ресурсах элитарного уровня и интеллектуальных ресурсах среднего уровня. К низшему уровню относятся повседневные навыки и умения, расхожие суждения и предрассудки, формируемые семьей, соседями, школой, двором, антициентистскими организациями, не вносящими вклад в социально-экономическое и научно-технологическое развитие общества. Они могут быть либо его фоном, либо препятствием.

Таким образом, вопрос об интеллектуальных ресурсах в XXI в. оказывается достаточно сложным и нуждается в тщательном исследовании, так как от его правильного понимания зависит выра-

ботка государственной стратегии в области создания общества высоких технологий. Если во времена Аттилы или Чингисхана могущество государства, размеры территории, влияние на исторические судьбы других народов и перспектива собственного самосохранения зависели от численности войска, его боеспособности, средств транспортировки фуража, вооружений и армейской экипировки, то в наше время решающим фактором и в военной, и в гражданской сфере становятся интеллектуальные ресурсы высшего уровня. В самом деле, военные роботоразведчики, беспилотные бомбардировщики, космические спутники различного назначения, эффективные лекарства, безотказные мобильные средства связи и транспорта, бытовая и электронная техника и многое другое, что воспринимается населением развитых стран как нечто привычное и само собой разумеющееся, являются результатом технологической реализации высших научных достижений. Поэтому, говоря об интеллектуальных ресурсах, нам следует пристальнее присмотреться к тому, как обстоит с ними дело в нашей стране. Будучи одной из крупных держав мира, Россия играет существенную роль в происходящих глобальных трансформациях, и поэтому проблема исследования и оценки состояния ее собственных интеллектуальных ресурсов приобретает стратегическое международное значение.

Еще больше эти ресурсы важны для решения внутренних проблем, которые мы можем назвать приоритетами национального развития. Первый из них – благосостояние населения, уменьшение разрыва в доходах и уровне жизни между самыми богатыми и самыми бедными жителями страны. Второй приоритет – общий социальный, культурный, психологический и политико-правовой комфорт, который в значительной степени зависит от проникновения высоких технологий и научных знаний во все социальные и экономические структуры, в область обороны и безопасности страны, а также в систему государственного управления. Третьим приоритетом является степень солидарности населения в понимании важности государственного единства, строгого соблюдения законов и искоренения коррупции и бюрократизма. Разумеется, преодоление этих пороков – дело сложное, длительное и определяется не одними лишь интеллектуальными ресурсами и высокими технологиями. Но последние при их правильном энергичном использовании могут оказаться эффективным механизмом создания национального комфорта.

Так, овладение элементами современных научных знаний, навыками программирования и обращения с высокотехнологичными системами, используемыми в военном деле, могли бы радикально повлиять на отношение молодежи к службе в армии. Овладевая этими знаниями и навыками, она могла бы с успехом использовать их после демобилизации в гражданских производствах, сфере услуг, различных институтах и органах государственного управления. Поэтому вопрос об адекватной оценке развития интеллектуальных ресурсов и высоких технологий в экономике, вооруженных силах страны, системе управления, здравоохранении, образовании и науке, а также бытовой сфере не является чисто академическим. Скорейшее его решение, по моему убеждению, должно быть главным элементом государственной политической стратегии России.

Надо вообще заметить, что российская наука развивалась иначе, чем европейская. В Европе уже в Средние века, особенно после крестовых походов, начали возрождаться античные научные традиции. Наука была институционализирована в форме университетов. Университетские ученые, а также алхимики, астрологи, члены некоторых тайных обществ, стремясь открыть философский камень, необходимый для превращения различных веществ в золото, или синтезировать эликсир бессмертия, разрабатывали экспериментальные методы и накапливали различные знания, в которых мистика зачастую тесно переплеталась с наукой. На этой основе развивались первоначальные физические и химические методики, а иногда делались крупные открытия. Напомню, что Коперник был склонен к мистике. Не были свободны от мистических мотивов в познавательной деятельности Кеплер и Ньютон. Однако главным стимулом их деятельности было познание природы и постижение истины. Что наука является важнейшим двигателем общественной жизни, прекрасно понимал Бекон, Декарт и европейские просветители XVIII в. В Россию наука была имплантирована мощным рывком, волевым решением Петра Великого. Реальную историю российской науки можно датировать Указом правительствующего Сената о создании Петербургской академии наук 28 января 1724 г. и открытием Московского университета в 1755 г. С тех пор до последнего времени российская наука была государственной. Чрезвычайно быстрый прогресс науки наблюдался в Советском Союзе начиная примерно с 1930 г. и до начала демократических реформ в 90-х годах XX в., когда государственная поддержка научных исследований резко сократилась. В XIX–XX вв. интеллектуальные ресурсы России высшего научного уровня формировали такие всемирно знаменитые

исследователи, как Н. Лобачевский, К. Тимирязев, Д. Менделеев, И. Павлов, И. Мечников. В советские времена генераторами интеллектуальных ресурсов нашей страны были нобелевские лауреаты П. Капица, Н. Семенов, Л. Ландау, Н. Кондратьев, В. Гинзбург, Ж. Алфёров и другие. У истоков мировой космонавтики стояли русские космисты К. Циолковский, Л. Цандр, С. Королев и многие другие. В 90-е годы XX в. резкое уменьшение государственной поддержки привело к стремительному сокращению интеллектуального потенциала и ресурсов, создаваемых российской наукой. Начался отток наиболее способных ученых за рубеж и в коммерческие структуры. Микроскопическая зарплата привела к падению престижа ученых, а устаревание научного оборудования крайне затруднило получение экспериментальных результатов мирового уровня.

Оценивая интеллектуальные ресурсы России и их возможности стимулировать ускоренное создание общества высоких технологий в нашей стране, мы должны адекватно понимать положение, сложившееся на сегодняшний день. Для этого нелишне провести некоторое сравнение положения российской науки как генератора интеллектуальных ресурсов высшего уровня с положением науки в других развитых странах.

«В развитых странах 70% прироста ВВП происходит за счет наукоемкого производства. Доля России на мировом рынке хай-тека постыдно мала – около 1%. <...> Бюджет всей российской науки составляет 2 млрд. долл., а в Китае – 28 млрд. долл. <...> Россия регистрирует в 10 раз меньше патентов, чем Япония, в 6 раз меньше патентов, чем США, в 2 раза меньше, чем маленькая Корея. Из этих немногих изобретений у нас внедряется только 0,5%. <...> Результативность науки вычисляется как сальдо экспорта-импорта технологий. У России этот показатель «–361», у США – «+24 844» [10]. Если к этому добавить, что в России в 2003 г. исследованиями и разработками было занято 858 470 человек [14, с. 28], а в США, как уже указывалось, около 5 млн., то можно с уверенностью утверждать, что производство научных знаний и основанных на них высоких технологий находится в настоящее время далеко не в лучшем состоянии.

Следует еще раз напомнить, что парк научных приборов и экспериментальных установок в целом по стране сильно устарел. Несмотря на попытки отдельных организаций его модернизировать, дело движется очень медленно. Если не брать оборонные научные центры и КБ, то гражданская наука и основанные на ней технологии нуждаются в срочной и мощной модернизации.

Стоит сделать небольшое, если угодно, философское примечание. С момента возникновения человеческого общества, а тем более с возникновением сложных высокоразвитых цивилизаций наука и высшее образование пользовались поддержкой государства или наиболее богатых представителей высших классов общества. Достаточно вспомнить Академию Платона, Ликей Аристотеля, средневековые университеты, высшие учебные заведения послепетровской России. В царской России высшее профессиональное образование финансировалось за счет государственного бюджета. Нечего и говорить, что и при советской власти, особенно в 30-е годы, когда началось форсированное развитие отечественной науки и массовое создание высших учебных заведений, образование было бесплатным.

В тех обществах, в которых политическая и экономическая элита осознавала необходимость интенсифицировать процесс наработки инновационного интеллектуального ресурса, особенно новых научных знаний, государство выделяло сферу науки и высшего профессионального образования в качестве суперприоритетной и, естественно, поддерживало ее всей мощью своего бюджета. В то время как в России в период постперестроечной так называемой переходной экономики пришедшие к власти лидеры, не перегруженные излишним образованием, систематически замораживали или уменьшали финансирование науки и высшего образования за счет госбюджета, в других развивавшихся странах процесс носил прямо противоположный характер. Достаточно упомянуть хотя бы такой факт: подготовка профессионалов высшего уровня в авиастроении на европейском континенте в течение многих лет была приоритетом Советского Союза, а затем России и Голландии. В постперестроечный период наметился определенный отток невосребованных российских специалистов высшей квалификации в авиастроении. В это же время такие страны, как Сингапур, Малайзия и Бразилия, вообще не входившие в число стран, производящих авиационную продукцию, приступили к созданию летательных аппаратов (Бразилия) и интенсивной подготовке кадров соответствующей квалификации (Малайзия).

Чтобы высказанные мною положения не оставались голословными, я приведу некоторые данные. При этом замечу, что они касаются не одной отрасли, например авиастроения, а науки в целом. Российские ассигнования на науку из средств федерального бюджета в действующих ценах в 1991 г. составили 25,8 млн. руб., в 2004 – 107 569,7 млн. руб., что в постоянных ценах 1991 г. составляет

25,84 млн. руб. (1,85% ВВП) и 7,31 млн. руб. (0,67% ВВП) соответственно [14, с. 56–57]. Известно, и это посчитано специалистами по наукометрии, что наука прекращает развиваться, а затем полностью деградирует, когда на ее содержание тратится меньше 0,31% ВВП.

В области подготовки специалистов высшего профессионального уровня дело, по крайней мере на первый взгляд, обстоит несколько лучше. За последнее десятилетие число высших, особенно негосударственных, учебных заведений, предлагающих только платные образовательные услуги, резко возросло. Естественно, что при условии стремительного роста платного образования и увеличении числа студентов на платных факультетах даже ускоренная, хотя и очень облегченная, подготовка вузовских преподавательских кадров не могла обеспечить высокие качество и уровень высшего образования. Низкая заработная плата заставляла подавляющее большинство молодых и среднего возрастных преподавателей работать сразу в нескольких вузах. Нечего и говорить, что такие преподаватели не в состоянии следить ни за отечественной, ни тем более за зарубежной научной литературой. Еще меньше возможностей было у них для того, чтобы делиться со студентами собственными научными результатами, новыми методами исследования и тренировать будущих исследователей, то есть производителей научных знаний. Этому также препятствовало отсутствие современного экспериментального оборудования в большинстве вузов, а также спроса на молодых специалистов высшей квалификации со стороны потенциальных потребителей (НИИ, современных промышленных предприятий и организаций, оказывающих научные и технологические услуги). Вот некоторые данные, показывающие, как эволюционировали научные исследовательские организации в системе высшего образования за последние десятилетия. В 1994 г. выполняли исследования 400 университетов и других вузов (2003 г. – 393), 80 научно-исследовательских институтов (центров) (2003 г. – 108), 20 конструкторских, проектно-конструкторских организаций (2003 г. – 17), одно опытное (экспериментальное) предприятие (2003 г. – 0) [14, с. 289]. При этом следует учесть, что, согласно проводящейся сейчас административной реформе, в части, касающейся научных организаций высшей школы, подавляющее большинство из 108 научных центров, курируемых Федеральным агентством по образованию, будет либо ликвидировано, либо реорганизовано, либо акционировано и, следовательно, займется коммерческой деятельностью.

Если к тому же учесть, что значительная часть вузов, не считая, может быть, таких продвинутых, как МГТУ, МГУ им. М.В.Ломоносова, Томский государственный университет, Томский политехнический университет, Петербургский электротехнический университет и др., не в состоянии систематически обновлять свой приборный парк, используемый как для учебного тренинга, так и для научных исследований, проводимых сотрудниками и преподавателями, то становится очевидным, что качество выпускников отечественных вузов вряд ли может соответствовать международным стандартам. Исключение, пожалуй, составляет ряд высших учебных заведений, готовящих программистов и других специалистов в области ИТ, поскольку компьютеры и необходимое для них периферийное оборудование закупается Россией в целом и системой высшего образования в частности довольно интенсивно.

Теперь стоит, пожалуй, остановиться на мифе о массовом бегстве российских ученых из НИИ, КБ и вузов, который носит явно алармистский характер. В действительности дело обстоит так: в 2002 г. за рубежом работало: от трех месяцев до года – 772 кандидата, 317 докторов наук; 1–2 года – 317 кандидатов, 55 докторов наук; 2–3 года – 163 кандидата, 34 доктора наук; более трех лет – 379 кандидатов, 121 доктор наук [14, с. 50]. Поэтому разглагольствования наших квазипатриотов о том, что американская наука живет только русскими мозгами, являются по меньшей мере неосновательными. Следует сказать, что столь ограниченное количество отечественных ученых, практикующих в зарубежных научных и образовательных учреждениях, свидетельствует, в первую очередь, об их научной квалификации. В настоящее время чрезвычайно распространено приглашение на довольно продолжительные сроки иностранных исследователей и профессоров, особенно из наиболее известных университетов, а также государственных и частных лабораторий в научные учреждения и, прежде всего, университеты стран, отставших в своем научном и экономическом развитии. Эти страны стремятся готовить свои кадры, создать собственную научную элиту, способную интенсивно вырабатывать национальные интеллектуальные ресурсы, необходимые для модернизации науки и внедрения высоких технологий в экономику. Здесь важно упомянуть еще одно обстоятельство. С 1991–1992 до 2006 г. заработная плата научных работников, исследователей-разработчиков и преподавателей высшей школы фактически не только не увеличилась, но и падала в связи со стремительным ежегодным ростом инфляции.

Поэтому по разным соображениям, руководствуясь различными мотивами, многие выпускники вузов, молодые, а также средневозрастные ученые уходили из науки в банковский сектор и предпринимательство, поскольку данная работа обеспечивала им пристойный образ жизни. Это, в частности, касается выпускников математических и естественно-научных факультетов, которые интенсивно использовались в торговых и финансовых системах, усложнявшихся в связи с расширением рыночных отношений.

Справедливости ради скажем, что в последние два года отток молодых специалистов, преподавателей вузов и научных работников ослабел, а в некоторых случаях наблюдается даже прирост молодых кадров. Например, в секторе высшего образования в 2003 г. выбыло 14,4% и принято 16,6% исследователей [14, с. 306]. К сожалению, такие отрадные тенденции в Российской академии наук наблюдаются только на уровне докторов, то есть людей, как правило, немолодых, занимающих руководящие позиции и долгие годы связанных с Академией. Так, в 2003 г. принято 7,8% исследователей и 3,6% докторов, а выбыло 8,2% исследователей и 3,4% докторов [14, с. 215].

Из приведенных фактов следует, что создание новых интеллектуальных ресурсов в России развивается более чем медленно. И несмотря на то что последние два года в бюджете страны ассигнования на исследования, разработки и подготовку научных кадров высшей квалификации немного увеличились, при сохранении нынешней научной политики скорее следует ожидать исчезновения науки, чем ее быстрого роста.

Особую тревогу, с точки зрения видимых перспектив, вызывает образование, причем не только высшее, но также начальное и среднее. Разумеется, так называемое «мнение большинства» – не критерий истины. Еще Р.Декарт говорил, что истина не может быть достоянием большинства, так как ею владеют лишь наиболее умные члены сообщества, а они, как известно, составляют незначительное меньшинство. И все же я считаю полезным привести данные из уже цитированного статистического справочника, дающие представление об имидже нашей страны в глазах ее населения и, особенно, о факторах, влияющих на науку и образование. Вот как это выглядит.

Что, прежде всего, вызывает сегодня уважение к России других государств?

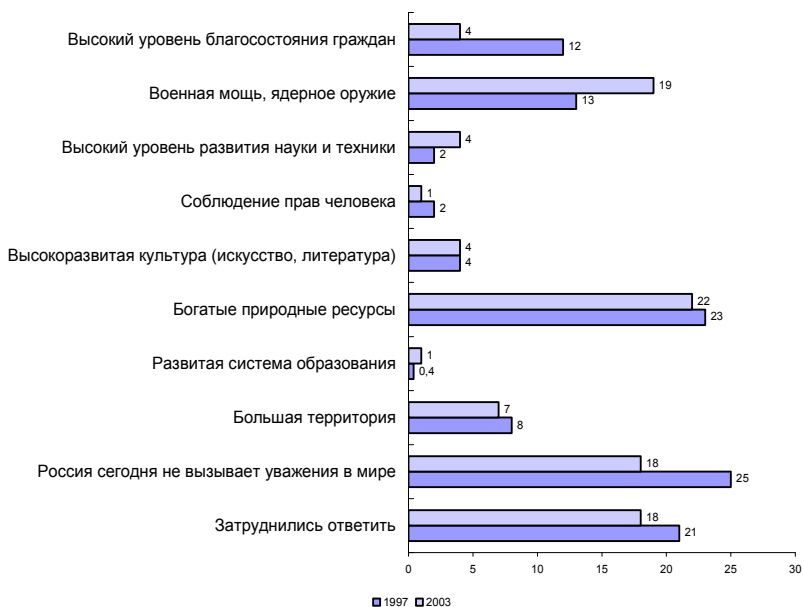

Рис. 1. Символы национального престижа
(в процентах к числу опрошенных) [14, с. 441]

Я не буду касаться всех индикаторов в приведенной диаграмме. Важно обратить внимание на то, что очень низкая оценка однозначно привязана к школьному образованию. А ведь по идее из значительной части школьников вырастают студенты, из них – научные сотрудники всех рангов и, в конечном счете, ученые. Бесконечные реформы образования, проводимые в нашей стране с 90-х годов, и приоритет «платежеспособных» учащихся, ставший неотъемлемым двойником нашей образовательной системы от начальной школы до докторантуры, – очень опасные явления. Разговоры о том, что государство и общество должны в первую очередь поддерживать талантливых и одаренных учащихся, ровным счетом ничего не стоят. Жизнь на протяжении многих столетий показывает, что таланты сами выбирают свой путь, будущую специальность и

вид деятельности. И совсем не факт, что студент, скажем, с интеллектом А.Эйнштейна обязательно станет со временем (как выпускник технологического университета) первоклассным инженером. Не человек управляет своим талантом, а как раз наоборот, талант — человеком. Вот почему скромный служащий Эйнштейн стал величайшим физиком, а не инженером.

К тому же современная наука (и это очень важно понять тем, кто ею руководит, и тем, кто ее финансирует) принципиально отличается от науки середины XIX в. тем, что она представляет собой не деятельность отдельных любознательных умов, искателей истины или выдающихся изобретателей, а гигантскую систему массового производства знания. Во времена Франклина, Фарадея, Максвелла или Павлова наукой занимались десятки, в лучшем случае сотни или тысячи специалистов во всем мире. Сейчас же, как видно из выше приводившихся данных, только в США в исследованиях и разработках в той или иной степени участвует миллион человек, а вместе с европейскими, российскими, китайскими и индийскими исследователями, не говоря уже о других странах, их число переваливает за десяток-другой миллионов. Речь должна идти о первоклассной наиболее современной подготовке массы учащихся, из среды которых будут рекрутироваться не только созидатели интеллектуальных ресурсов, особенно научных знаний, но и реципиенты, способные превратить эти знания в технологические инновации и высококонкурентные продукты и услуги. Поэтому неудовлетворительное положение с образованием в средней школе и даже в вузах в масштабе всей нашей страны — один из опасных симптомов, свидетельствующих о том, что современные интеллектуальные ресурсы России находятся под угрозой постепенного превращения в товар второго сорта. Я был бы рад, если бы мои пессимистические оценки оказались ошибочными и мы имели бы дело не с тенденцией, а с временной ситуацией. К сожалению, оснований для оптимизма у меня до сих пор нет.

Из приведенной выше диаграммы видно, что такие оценочные критерии, как наука и образование, наиболее важные с точки зрения понимания удельного веса интеллектуальных ресурсов в жизни страны, показывают за период 1997–2003 гг. некоторый положительный рост. Но он настолько микроскопичен, что о серьезных сдвигах в области науки и образования говорить не приходится. А ведь именно образование, прежде всего высшее и профессиональное, готовит специалистов, которые должны развивать науку

как главный интеллектуальный ресурс и подготавливать реципиентов инновационных достижений.

Особую тревогу вызывает положение с подготовкой научной элиты, то есть кандидатов и докторов наук. Академик М.П.Кирпичников, председатель Высшей аттестационной комиссии (ВАК), совершенно правильно отметил, что качество специалистов этой категории сильно ухудшилось за последние десятилетия [7]. Вместо полноценных исследовательских диссертаций на защиту степени кандидата или доктора наук нередко представляют тезисы докладов, доклады, отдельные проекты и т.д. Сами же ученые советы, которых насчитывается несколько тысяч, особенно советы по присуждению степеней кандидатов наук, укомплектованы членами, не имеющими достаточно высокого научного престижа и не являющимися крупными учеными. Более того, кандидатские, докторские диссертации иногда покупаются за деньги, и вполне естественно, что «испеченные» таким образом доктора и кандидаты наук вряд ли могут готовить высококвалифицированную научную смену или внести какой-либо вклад в современную науку, требующую от каждого ученого обширных знаний и результатов, самостоятельно полученных в ходе сложной исследовательской работы. Нечего и говорить, что все эти квазиученые мало содействуют, а то и просто вредят процессу выработки интеллектуальных ресурсов высшего уровня, необходимых как для внутреннего развития науки, так и для построения общества высоких технологий. Для подтверждения оценки состояния нашей «индустрии» знаний я сошлюсь на некоторые цифры. В 2005 г. в России было защищено 35 тыс. кандидатских и докторских диссертаций. При этом от 20 до 30% диссертаций были написаны не официальными авторами, куплены за деньги или определенные услуги у наемных «научных батраков». ВАК отклонил всего 3% защищенных диссертаций [9].

Для более полного понимания сложившейся ситуации я сошлюсь на некоторые компетентные суждения. Не секрет, что проблемы науки и образования довольно широко обсуждаются в Интернете. Поэтому я обращаюсь к статье доктора технических наук, заслуженного деятеля науки, профессора В.И.Тарушкина. Он пишет: «Сегодня мировой рынок новых прорывных технологий и научной продукции – самый привлекательный и прибыльный. Ежегодный оборот на таком рынке составляет почти 3 трлн. долл., что в несколько раз превышает оборот всех сырьевых ресурсов, включая нефть. И вот из такого «пирога» США получает 39%, Япония – 30,

Германия – 16, а доля России составляет лишь 0,3%. И далее: «В ведущих странах доля науки, образования, прогрессивных и наукоемких технологий, т.е. составляющих научно-технического прогресса в валовом внутреннем продукте достигает 95%, а в России не превышает 5–10%» [18].

Именно страны, в которых государственный бюджет пополняется за счет производства на основе высоких технологий внутреннего потребления и экспорта наукоемкой продукции и услуг, следует считать не просто обществами, основанными на знаниях, а обществами высоких технологий. Россия еще очень далека от завоевания такого статуса, но все же дело не безнадежно, поскольку определенные интеллектуальные ресурсы высшего научного уровня в нашей стране сохранились и продолжают развиваться, несмотря на пресловутое «недофинансирование». С финансированием к концу 2005 г. дело выглядело следующим образом: 107 млрд. руб. должно было быть потрачено на прикладные исследования и 38 млрд. руб. – на научные исследования в области общегосударственных вопросов. Итого, 140 с лишним млрд. руб., что в 2 раза больше, чем предусматривалось «Основами государственной политики в области социально-экономического развития РФ до 2010 года», спроектированными Минэкономразвития (МЭРТ) несколько лет тому назад. Однако эта видимая поддержка науки радикально ничего не изменила. В первой половине 2006 г. была несколько увеличена заработная плата научным сотрудникам РАН, но одновременно планируется сокращение их численности на 20% в течение трех ближайших лет. План модернизации академической науки да и российской науки вообще, сопровождаемый разговорами об иллюзорном увеличении заработной платы, больше похож на предвыборный пиар, который уже сейчас лихорадит Россию, чем на продуманную поддержку отечественной науки. Таким образом, действительно ускоренное наращивание интеллектуальных ресурсов, особенно на высшем ярусе интеллектуальной пирамиды, остается одним из самых слабых мест государственной стратегии развития России, и никакие нефтегазовые миллиарды не смогут возместить интеллектуальные потери нашего общества.

Российские наука и высшее образование очень далеки от того состояния, в котором находятся наука и высшее образование на Западе, например в США, где почти половина средств, необходимых для высокоинтенсивного развития науки, дает корпус предпринимателей. Ученые и профессора России со времен Петра I были государственными служащими. Многие из них дослуживались до штатских

генералов. Теперь времена круто изменились. Государство перестало патронировать науку, а также научные исследования, проводимые в вузах. Официальные руководители научных и образовательных ведомств требуют, чтобы в вузах исследования проводились лишь на основе грантов, выигранных по конкурсным проектам. Если же учесть, что грантовая система в нашей стране, как и большинство других институциональных видов деятельности, почти полностью коррумпирована, то отставание нашей науки можно считать гарантированным. Некоторое время назад один из министров сформулировал вопрос, содержащий в себе в скрытом виде ответ: «А зачем нам фундаментальные исследования, если их результаты публикуются в открытых научных журналах за рубежом, и воспользоваться ими может любой желающий?». Но и прикладными исследованиями отечественный бизнес не очень увлекается. Понять предпринимателей нетрудно. Наша прикладная наука еще не научилась за последние 15 лет своей «свободной» жизни такому высокоэффективному взаимодействию с бизнесом, какому за полторы сотни лет научились ученые американских, европейских, а затем и японских университетов и лабораторий. Поэтому дефицит государственной поддержки имеет только один результат – неотвратимое отставание, «запаздывание» экспериментально-прикладных и фундаментальных исследований. Кстати, возвращаясь к вопросу, заданному министром, стоило бы указать, что такие фундаментальные исследования, как работы по неевклидовой геометрии, периодический закон химических элементов, теория относительности, квантовая механика и т.д., которые в свое время рассматривались просто как постижение истины, как прорыв в тайны природы, обернулись в наше время величайшими результатами в области промышленного производства, военного дела и т.д. Но говорить это тем, кто не желает слушать или не подготовлен для того, чтобы понять услышанное, бесполезно. Поэтому я вернусь к вопросу об интеллектуальных ресурсах вообще и перспективе их развития в России в особенности.

В наше время, когда на помощь человеческому интеллекту пришла мощная вычислительная техника, а обмен научными достижениями и соответствующей информацией стал почти молниеносным, отставание той или иной страны в развитии интеллектуальных ресурсов, в том числе касающихся решения специфических национальных проблем, может привести к тому, что интеллектуальная элита нации либо вообще исчезнет, либо растворится в том, что А.И.Солженицын назвал «образованщиной».

И сегодня в России есть еще ученые, занимающиеся фундаментальными и прикладными исследованиями на высоком уровне. Есть молодежь, интересующаяся высокой наукой (хотя количество ее уменьшается). Но этого совершенно недостаточно. Одних намерений и желаний мало. Обычно принято сетовать на хроническое недофинансирование нашей науки. И эти сетования, как уже говорилось, имеют под собой почву. Но еще важнее, что государство, делая ставку на углеводородное топливо как основной национальный ресурс, забывает, что высшие, то есть научные интеллектуальные ресурсы, могут быть получены лишь при помощи современных научных приборов, экспериментальных установок и «научного климата» – особой социально-психологической атмосферы, заставляющей считать истину высшей ценностью.

Сегодняшней России удалось стать мощной энергетической державой. Ее углеводородное топливо необходимо и в Европе, и в Азии, и в странах Дальнего Востока. Но так будет не вечно. Запасы природных энергетических ресурсов (за исключением леса при условии правильного ведения лесного хозяйства) практически не возобновимы, в то время как интеллектуальные ресурсы, на которых основываются все высокие технологии, могут расти неограниченно. Уместно напомнить, что нынешний президент США Дж.Буш пообещал, что через 10–15 лет 70% американских автомашин будут использовать альтернативное топливо. Следует добавить также, что почти все развитые и развивающиеся страны проектируют долгосрочное развитие атомной энергетики, а затем и энергетики, основанной на управляемых термоядерных процессах. Поэтому энергетическое значение России, основанное на добыче и продаже природных энергетических ресурсов, неизбежно уменьшится. Доходы от углеводородного топлива сократятся. Если страна не будет располагать к этому времени принципиально новыми знаниями в области энергетики, энергетической технологии и во многих других важных отраслях, то перспективы российского прогресса и благополучия вряд ли можно будет назвать привлекательными.

Особенность нашей эпохи заключается в том, что доступ к интеллектуальным ресурсам высшего уровня должно иметь все большее число людей и в качестве производителей, и в качестве пользователей. Это потребует нового подхода к системе образования всех уровней. Если напомнить, что около 15 тыс. деревень России не имеют электричества, около 40 тыс. – телефона, то понятно, что проблема образования и доступности знаний всех уровней яв-

ляется не только первостепенной задачей государственной научно-технической политики, но и важнейшей целью государственной стратегии развития страны в целом.

Большинство практических задач человеческой жизни зависит от особого слоя специалистов с высшим образованием – инженеров разных профилей и специализации, которые умеют использовать достижения фундаментальной науки и сложнейших разделов математики, теории управления и компьютерного проектирования, для того чтобы создавать конкурентоспособную продукцию, обеспечивать развитие промышленного и сельского производства, безопасность страны, безотказную связь, создавать безупречную диагностическую аппаратуру, строить удобные красивые города, делать жизнь населения комфортабельной и привлекательной. При этом нужно иметь в виду, что «производство инженеров» не менее сложный процесс, чем подготовка физиков-теоретиков. По мере развития общества потребность в инженерах всех специальностей стремительно растет, а следовательно, растет и необходимость их научной и управленческой подготовки. Недавно ректор Московского государственного горного университета Л.Пучков сказал: «В 1930 г. хватало 1 инженера на 200 рабочих, в 1960 г. соотношение уже было 1:30, а ныне в развитых странах оно 1 к 6,5 квалифицированных рабочих» [16]. Можно не сомневаться, что эта тенденция будет нарастать. Поэтому совершенно зря иронизируют некоторые скептики, когда говорят о намерении японцев дать высшее образование всему взрослому населению. Я думаю, что 200 лет назад таким же фантастическим считали утверждение о поголовном 9-классном образовании, что в нашей стране является почти стопроцентной реальностью. Если брать нынешние образовательные амбиции Российского государства, то оно согласно «тратиться» на 170 студентов на 10 тыс. человек. Право слово, не очень густо. Замечу, что в это число входят не только инженеры, но и представители других специальностей. Как можно при таком видении образования и науки претендовать на роль великой державы, для меня остается загадкой. К тому же следует учесть, что заработная плата значительной части инженеров-производственников достаточно скромная. Поэтому провозглашенная П.Друккером идея, что начало XXI в. будет эпохой инноваций, радикально улучшающих жизнь людей, в нашей стране вряд ли осуществима, если положение создателей и пользователей современных научных и технологических знаний останется прежним. В реальной российской социально-экономической дейст-

вительности при реальном законодательстве и реальной государственной политике, по словам ректора МГТУ им. Н.Э.Баумана, у «них нет реальной мотивации к инновационной деятельности» [16].

В сложившейся ситуации бессмысленно искать виноватых, да они и не позволяют это сделать. Необходимо исправить допущенные промахи и превратить развитие интеллектуальных ресурсов и особенно научных знаний (включая знания инженерные и технологические) в государственную задачу номер один.

Подытоживая сказанное и несмотря на сделанные критические замечания, я признаю, что Россия начинает, хотя и медленное, чем хотелось бы, двигаться в сторону общества, основанного на современных научных знаниях. Во всяком случае осознание этого просматривается в высказываниях некоторых государственных руководителей. Однако этого мало. Необходимо ориентировать страну и особенно ее политическую и интеллектуальную элиту на превращение России в общество высоких технологий. И сделать это можно только при форсированном наращивании собственных интеллектуальных ресурсов.

В заключение я хочу подчеркнуть одно важное обстоятельство. Подавляющее большинство решений, законодательных и подзаконных актов, касающихся развития науки, высшего профессионального образования, высоких технологий и права на интеллектуальную собственность, создаваемую учеными, инженерами и изобретателями, вырабатывается чиновниками различных ведомств или членами законодательных органов, не являющимися профессиональными науковедами. Они могут быть неплохими юристами, экономистами, химиками, физиками, биологами, социологами и т.д. Но это совсем не означает, что они являются высокими профессионалами в области управления наукой и образованием и хорошо осведомлены о закономерностях развития науки и формирования современных интеллектуальных ресурсов в целом. Любой согласится с тем, что лучший кораблестроитель не всегда может быть лучшим капитаном построенного судна. То же самое относится и к науке. Физики, химики, социологи и т.д. могут быть прекрасными специалистами в своих областях, но без опоры на результаты современного наукознания и наукометрии они вряд ли смогут вырабатывать решения, необходимые для движения нашей страны по пути к обществу высоких технологий. И никакие иностранные консультанты и эксперты не смогут изменить положение в лучшую сторону, как это было в начале становления российской науки. Сделать это

должны российские профессионалы, способные синтезировать результаты науковедения и высокое искусство административного управления жизненно важными для страны процессами. Как говорил один из персонажей романа Д.Голсуорси «Сага о Форсайтах»: «Если хочешь что-нибудь сделать, делай это сам».

Список литературы

1. Авдулов А.Н. Наука и производство: Век интеграции: (США, Западная Европа, Япония). – М.: Наука, 1992. – 168 с.
2. Батлер К.Дж. Мир медоносной пчелы: Пер. с англ. – М.: Колос, 1980. – 232 с.
3. Вишняцкий Л.Б. Человек в лабиринте эволюции. – М.: Весь Мир, 2004. – 156 с.
4. Дорфман Я.Г. Всемирная история физики (с начала XIX до середины XX в.) – М.: Наука, 1979. – 317 с.
5. Захаров А.А. Организация сообществ у муравьев. – М.: Наука, 1991. – 277 с.
6. История человечества: В 8 т. / ЮНЕСКО; Под ред. Де Лаата З.Я. – М.: Издат. Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. – Т. 1: Доисторические времена и начала цивилизации. – 682 с.
7. Кирпичников М. Соблюдайте чистоту! (Многие диссертации сегодня не соответствуют заявленному жанру) / Беседу вела Н.Шаталова // Поиск. – 2006. – 21 июня. – С. 6–7.
8. Коппан И., Жера Д. Антропогенез: Общий обзор // История человечества: В 8 т. / ЮНЕСКО; Под ред. Де Лаата З.Я. – М.: Издат. Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. – Т. 1: Доисторические времена и начала цивилизации. – Разд. 1. – С. 38–42.
9. Ламажаа Ч. Защиты под защиту. ВАК отсекает нечестных диссертантов // Поиск. – 2006. – 23 июня. – С. 4.
10. Лесков С. Академия на медленном огне // Изв. – 2006. – 29 июня.
11. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: В 2 т. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. – 907 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 46, Ч. 2. – 618 с.
13. Мейер Р.Дж. Предыстория человечества. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 304 с.
14. Наука в Российской Федерации: Стат. сб. – М.: ГУ – ВШЭ, 2005. – 492 с.
15. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология: Секреты поведения Homo sapiens: Пер. с англ. – 2-е междунар. изд. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК: ОЛМА-Пресс, 2003. – 384 с.
16. Понарина Е. Все будет в ОК? // Поиск. – 2006. – 23 июня. – С. 10.
17. Ракитов А. Будущее России – общество высоких технологий // Проблемы информатизации. – М., 1995. – № 2–3. – С. 3–7.

18. Тарушкин В.И. Интеллектуальный потенциал России. Нужна национальная стратегия создания конкурентоспособной научной продукции. – Режим доступа: http://www.center.ru/rasite/index.phtml?page=1&tbl=tb_88&id=992.
19. Томилин А.Г. В мире китов и дельфинов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Знание, 1980. – 224 с.
20. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. – М.: Политиздат, 1984. – 23 с.
21. Science and Engineering Indicators, 2006. – Mode of access: <http://www.nsf.gov/statistics/seind06/c3/tt03-01.htm>.

М.Г. Делягин
МЕСТО РОССИИ В КРИЗИСАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Слово «глобализация» имеет значение

Глобализация – процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее принципиальное отличие от интеграции, высшей стадией которой она является: интеграция шла и в ледниковый период, и в эпоху Великих географических открытий, и в начале XX в., когда интенсивность товарообмена между странами (но не обмена услугами, о чем обычно забывают) была сопоставима с нынешней.

Наибольшее впечатление производят глобальное телевидение, «финансовое цунами» спекулятивных капиталов, сметающее и воздвигающее национальные экономики, виртуальная реальность, интерактивность. Но внешние атрибуты не должны заслонять главного – влияния новых информационных технологий на общественные отношения и, шире, на человечество. Именно этим влиянием паровая машина отличается от швейной, а компьютер – от мобильного телефона.

Мир объединен качественно новыми компьютерными технологиями, которые породили новые информационные технологии, а те, в свою очередь, качественно изменили природу бизнеса.

Главное в глобализации – изменение предмета труда. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным и потому массовым бизнесом преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, само по себе это не новость. На некоммерческой основе технологии формирования сознания применяются в виде пропаганды большинством государств мира и религий почти на всем протяжении их существования. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования сознания

до такой степени, что они стали практически общедоступны и начали купаться не в долгосрочном, а краткосрочном плане.

В результате изменением нашего сознания занимается не национальное и даже не порожденное конспирологически воспаленным воображением злоеущее «мировое» правительство, а каждый фабрикант собачьих консервов. Тот, кто не делал это или делал недостаточно эффективно, давно, самое позднее десять лет назад, вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без PR-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, наоборот, людей – к уже имеющемуся товару. В результате человечество все больше напоминает хирурга, делающего самому себе операцию на открытом мозге.

Превращение формирования сознания в наиболее выгодный бизнес – отнюдь не частный вопрос коммерции. Оно изменяет сам характер человеческого развития: если раньше человечество изменяло окружающий мир, то теперь, вероятно, из-за того, что антропогенная нагрузка на биосферу приблизилась к некоему критическому уровню, оно перешло к изменению самого себя.

Технологии этого изменения по аналогии с традиционными высокими технологиями – *high-tech*, направленными на изменение окружающей среды, получили название *high-hume*. Первоначально этот термин использовался только для обозначения технологий формирования сознания, однако перспективы генной инженерии и некоторых других направлений современной науки позволяют включать в эту категорию все технологии непосредственного изменения человека.

Превращение в наиболее эффективный и потому повсеместно распространенный бизнес формирования сознания – это подлинная революция. Она кардинально повышает эффективность производства, качественно меняет международные взаимоотношения и мировую конкуренцию. Однако целиком ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны вообще, так как главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания, как коллективного, так и индивидуального.

Естественно, даже начало столь грандиозного качественного перехода не могло обойтись без комплекса разноуровневых, но взаимоувязанных кризисов, наиболее значимые из которых – кризисы управляющих систем, неразвитого мира, глобальных монополий и межцивилизационной конкуренции.

Кризис управляющих систем

Современные системы управления сложились до повсеместного распространения технологий формирования сознания и не приспособлены к ним. В результате неизбежное в условиях глобализации использование этих технологий подвергает управляющие системы в подлинный кризис, внешним проявлением которого является увеличение числа и тяжести совершаемых ошибок, угроза утраты ими адекватности в масштабах всего развитого мира, что приведет к непредсказуемым, но печальным последствиям для человечества.

Первым фактором кризиса традиционных управляющих систем в условиях глобализации является *самопрограммирование*: убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания – прежде всего управление при помощи убеждения), вы неминуемо убеждаете в этом и себя и неминуемо теряете объективность. Вопреки узбекской пословице, если вы сто раз искренне произнесете слово «халва», во рту у вас станет сладко.

С самопрограммированием связан второй фактор управленческого кризиса – *стремление подменить преобразование реальности более простым преобразованием ее восприятия*. В ограниченных масштабах и в краткосрочном плане такой подход весьма эффективен, что и обуславливает его широкое и быстрое распространение. Но когда это «профессиональное заболевание пиарщиков» начинает доминировать, оно также ведет к разрушительной неадекватности управляющих систем. Классическим примером, по некоторым оценкам, может служить деятельность администрации Президента России с 1995 г. и по настоящее время.

Третий фактор кризиса традиционных управляющих систем – *эскалация безответственности*, вызванная прежде всего спецификой современной управленческой деятельности: работая с телевизионной «картинкой» и массовыми представлениями, а не реальностью, участник управляющей системы, как и она в целом, почти неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет на жизнь людей. Он просто забывает о них, что в сочетании с качественно большей эффективностью превращает его в прямую угрозу для общества. «Спортсмены как дети, убьют – не заметят» (народная поговорка).

Однако безответственность не просто охватывает управляющие системы, но и все более широко распространяется в обществе. Это вызвано тем, что максимальная эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влияние тех, кто

владеет ими, и тех, кто их применяет. При этом никакой «платы за могущество» не существует в принципе; человек, создавая и внедряя новые представления, формируя сознание других людей, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни.

Естественно, почти абсолютная безответственность, колоссальное могущество и фантастическая радость от каждой минуты работы становится объектом подражания для остального общества, членам которого, не имеющим доступа к технологиям формирования сознания, доступно лишь подражание безответственности представителей «информационной элиты». Понятно, что это подрывает дееспособность всего общества: снижение ответственности при эрозии адекватности – поистине гремучая смесь! Но это еще не все.

Четвертым фактором кризиса традиционных управляющих систем в условиях глобализации является *вырождение демократии*. Причина не только и не столько в ослаблении и «размывании» государства, являющегося несущей конструкцией, опорой современных демократий. Главная проблема заключается в том, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на его относительно небольшую часть – элиту, участвующую в принятии важных решений или являющуюся примером для подражания.

Длительные концентрированные усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты, и оно начинает кардинально отличаться от сознания остального общества. В результате элита отрывается от общества и теряет эффективность. При этом исчезает сам смысл демократии, так как идеи и представления, рожденные в низах, уже не диффундируют вверх по капиллярным системам общества, а перестают восприниматься элитой, и потенциал демократии съезживается до незначительных размеров самой элиты, жестко обособленной от общества.

Как быстро и с какими разрушительными последствиями происходит этот процесс, наглядно и весьма убедительно показывает пример России, в которой демократы уже к 1998 г., то есть за семь лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты за 70 лет.

Ситуацию усугубляет то, что элита информатизированного общества, то есть общества, в котором технологии формирования сознания применяются широко, значительно уже элиты обычного. Это вызвано преимущественно технологическими причинами, в

первую очередь одновременной небывалой мобильностью и концентрацией ресурсов. Классический пример представляет собой современный фондовый рынок. Изменение сознания буквально сотни его ключевых игроков способно изменить всю финансовую ситуацию в мире.

Таким образом, традиционные общественные управляющие системы в условиях глобализации в силу вполне объективных и не устранимых в обозримом будущем причин драматически снижают свою эффективность и все хуже справляются даже с рутинными, повседневными функциями, не говоря уже о необходимом решении все более острых качественно новых глобальных проблем.

Кризис неразвитого мира

Угроза глобальной стабильности, связанная с кризисом управляющих систем, усугубляется тем, что в условиях глобализации разрыв между развитыми странами и остальным миром приобрел технологический характер и в сложившейся парадигме мирового развития стал непреодолимым.

Оформление технологического разрыва обусловлено четырьмя основными факторами. Первый – обособление во всех странах групп людей, работающих с «информационными технологиями», в «информационное сообщество». Оно неизбежно ведет к постепенной концентрации этого сообщества (в силу материальных, – в том числе потому, что интеллект, хотя и выживает, не воспроизводится в бедности и опасности, – и интеллектуальных факторов) в наиболее развитых странах.

Вторым фактором формирования технологического разрыва являются так называемые «метатехнологии» – кардинально новый тип технологий, само применение которых принципиально исключает возможность конкуренции с разработчиком. Это своего рода плата за допуск к более высокой эффективности.

Самый первый пример «метатехнологий» – системы вооружения со скрытыми и неустраняемыми системами «свой – чужой», что исключает их применение против страны-разработчика. Следует упомянуть также проект сетевого компьютера (рассредоточение его памяти в сети дает разработчику всю информацию пользователя) и современные технологии связи, позволяющие анализировать в он-лайн-овом режиме все телефонные сообщения Европы (взлотекущий скандал вокруг системы «Эшелон» вызван именно коммер-

ческим использованием результатов подобного анализа). Помимо «шпионских» технологий «метатехнологиями» являются критически значимые технологии, нуждающиеся в постоянном обновлении со стороны разработчика, например технологии формирования сознания (ведь сознание довольно быстро адаптируется к внешнему воздействию, и прекращение обновления механизмов этого воздействия может привести к потере управляемости).

Третий фактор формирования технологического разрыва заключается в изменении ключевых ресурсов развития под воздействием информационных технологий: это уже не пространство с жестко закрепленным на нем производством, а в первую очередь мобильные финансы и интеллект. Соответственно, эффективное освоение территории представляет собой не оздоровление и развитие находящегося на ней и неразрывно связанного с ней общества, а, напротив, обособление и изъятие его финансов и интеллекта (обычно в результате кризиса). Прогресс развитого общества идет за счет деградации «осваиваемого», причем ее масштабы, как всегда при «развитии за счет разрушения», превосходят выигрыш развитого общества.

Так глобализация изменяет характер сотрудничества между развитыми и развивающимися странами: созидательное освоение вторых первыми (бывшее содержанием как основанной на политическом господстве «английской» модели колониализма, так и основанной на экономическом контроле «американской» модели неоколониализма) уступает место разрушительному освоению при помощи изъятия финансов и интеллекта. Именно осмысление реалий и последствий этого перехода породило понятие *failed states* (термин политкорректно переводится как «несостоявшиеся государства», хотя к реальному смыслу, в котором он применяется в практической аналитике, ближе грубое выражение «конченные страны»), безвозвратно утративших не только важнейшие интеллектуальные ресурсы развития, но и способность их производить.

Наконец, четвертым фактором возникновения технологического разрыва между развитыми странами и остальным миром является формирование глобальных монополий, ограничивающих, а то и полностью блокирующих, передачу технологий, в том числе при помощи института защиты интеллектуальной собственности, который во многом вырожден в инструмент прикрытия и обоснования жесточайшего злоупотребления монопольным положением в глобальном масштабе.

В силу изложенного неразвитые страны не имеют ресурсов для успеха; историческая обреченность концепции «догоняющего» развития (в частности, после работ В.Иноземцева) не заслуживает даже обсуждения. Конкуренция из механизма воспитания и развития слабых обществ выродилась с началом глобализации в механизм их уничтожения.

Таким образом, пока глобальные СМИ обеспечивают широчайшее распространение по всему миру стандартов потребления развитых стран, вызванное той же самой глобализацией ужесточение конкуренции убеждает все более широкие массы людей в принципиальной недоступности распространяемых стандартов не только для них, но и для их детей и внуков.

Вызываемые этим отчаяние и безысходность порождают нарастающую глобальную напряженность. Международный терроризм – лишь частное и далеко не самое опасное ее проявление, являющееся аспектом глобального протеста, высокоэффективным транснациональным бизнесом и, не в последнюю очередь, инструментом воздействия наиболее развитых стран на правительства менее развитых и на свои собственные общества.

Кризис глобальных монополий

Несмотря на изложенное, неблагополучие отнюдь не сконцентрировано в экономически слабых странах, терпящих поражение в глобальной конкуренции, но является общей проблемой человечества. Причина этого – вполне марксистское загнивание глобальных монополий, почти не поддающихся регулированию государствами и международной бюрократией (последние были бессильны даже перед лицом традиционных торгово-производственных транснациональных корпораций; сейчас же им противостоят во многом неформальные и, соответственно, в принципе почти не поддающиеся даже обычному наблюдению финансово-информационные группы).

Первый признак загнивания этих монополий заключается в том, что в 90-е годы XX в. впервые после войны накопление богатства перестало, как показывают скрупулезные отчеты ООН, само по себе вести к прогрессу в решении основных гуманитарных проблем человечества (загрязнение окружающей среды, дефицит воды, неграмотность, болезни, бедность, дискриминация женщин, эксплуатация детей и т.д.). Это весьма убедительно свидетельствует об

исчерпанию традиционного механизма развития человечества и объективной необходимости смены самой его парадигмы.

Вторым признаком загнивания глобальных монополий стал структурный кризис развитых экономик, а в силу их преобладания в мире и всей мировой экономики (предвестием этого кризиса был кризис развивающихся экономик в 1997–1999 гг., а началом – крах «новой экономики» США весной 2000 г.). Высокая эффективность информационных технологий внезапно привела к классическому «кризису перепроизводства» их продукции в глобальном масштабе, который был усугублен наличием на пути расширения сбыта продукции информационных технологий сразу двух барьеров – благосостояния и культуры. Первый стандартен и общеизвестен: то, что растущая пропасть между развитыми странами и остальным миром приобрела технологический характер, ограничивает распространение новых технологий, которые оказываются слишком сложными, избыточно качественными и неприемлемо дорогими, и лишает развитые страны ресурсов для продолжения технологического прогресса на рыночной основе. Это осознается представителями развитых стран преимущественно в терминах «цифрового неравенства», которое ограничивает перспективы не только развивающихся, но и развитых стран. Однако второй барьер, связанный с ориентацией информационных технологий на сознание человека, оказался совершенно неожиданным для большинства аналитиков. Принадлежность объекта воздействия к иной культуре снижает эффективность информационных технологий и ограничивает спрос на их продукцию; в результате культурный барьер, неощутимый для относительно примитивной в технологическом отношении продукции *Ford*, для изощренной продукции *CNN* оказывается непреодолимым.

В силу этого борьба за расширение рынков информационных технологий автоматически становится борьбой за вестернизацию традиционных обществ. Это вызывает крах слабых стран (даже в России с ее исключительно сильным пластом западной культуры попытки форсированной вестернизации привели лишь к национальной катастрофе, начавшейся в 1991 г., и финансово-идеологическому краху 1998 г.) и обострение противостояния относительно сильных незападных обществ с Западом.

Сегодня это обострение используется развитыми странами (хочется верить, что в основном стихийно и неосознанно) для решения проблемы финансирования технологического прогресса. Ведь рост напряженности в мире, в том числе и в результате акти-

визации международного терроризма, способствует росту военных расходов, являющихся не только инструментом стимулирования национальных экономик в рамках концепции «военного кейнсианства», но и наиболее эффективным механизмом стимулирования технологических рывков.

Однако такой метод стимулирования развитых экономик (в первую очередь наиболее развитой экономики современного мира – США) применим лишь в краткие промежутки времени и является тем самым лекарством, которое гарантированно страшнее болезни. Самое страшное в нем то, что он разжигает конфликт даже не столько между развитыми и неразвитыми странами, сколько между странами, относящимися к различным цивилизациям, а глобальная конкуренция сегодня является в первую очередь междоцивилизационной.

Кризис междоцивилизационной конкуренции

Человеческие цивилизации – культурно-исторические общности, объединенные не только тесными экономическими связями, но и более глубокими факторами, связанными с близостью культур, схожими системами ценностей и мотиваций, мировоззрением, образом жизни и образом действий.

Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы, и силовое поле, создаваемое биполярным противостоянием, удерживало в ее рамках остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние (в частности, оно весьма эффективно сдерживало проявления глобального монополизма). Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив две качественно новые глобальные цивилизационные инициативы – исламскую и китайскую.

Мировая конкуренция стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями, и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаться человечеством. Проще всего понять его, сравнив с межнациональными конфликтами, разжигание которых является преступлением особой тяжести в силу их иррациональности: их чрезвычайно сложно погасить, так как стороны существуют в разных системах ценностей и потому в принципе не могут договориться.

Участники конкуренции между цивилизациями разделены еще больше, чем стороны традиционного межнационального конфликта. Они не только преследуют разные цели разными методами,

но и, как правило, в принципе не в состоянии понять и принять ценности, цели и методы друг друга. Финансово-технологическая экспансия Запада, этническая – Китая и социально-религиозная – ислама не просто развертываются в разных плоскостях; они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого общественного развития – вопросу о власти, – но в силу самого образа жизни. *Компромисс возможен только при изменении образа жизни, то есть уничтожении участника компромисса как цивилизации.* При этом взаимопонимание, в отличие от внутрицивилизационных конфликтов, не только не является универсальным ключом к достижению компромисса, но уничтожает саму его возможность, так как лишь выявляет несовместимость конфликтующих сторон.

Конкуренция между цивилизациями не просто осуществляется по отношению к каждому ее участнику методами, являющимися для него внесистемными и потому носящими болезненный и разрушительный характер; она бескомпромиссна и нарастает даже при видимом равенстве сил и отсутствии шансов на чей-либо успех. Она иррациональна и потому опасна и разрушительна. Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее (классические примеры – этнический раскол американского общества и имманентная шаткость прозападных режимов в исламских странах). Возможно, ислам уже в ближайшее десятилетие станет «ледоколом» Китая по отношению к Западу (при всех попытках использовать его в противоположных целях) так же, как гитлеровская Германия и, в конечном счете, сталинский СССР стали «ледоколом» рузвельтовских США по отношению к Европе.

Вместе с тем только рассмотрения традиционного мирового «треугольника цивилизационных сил» (Запад – исламский мир – Китай) недостаточно. Мы присутствуем при еще более драматическом, чем столкновение западной и исламской цивилизаций, акте начала разделения Запада – не хозяйственного, но цивилизационного расхождения между Евросоюзом и США. Уже сегодня оно не дает создать единый фронт борьбы даже с такими очевидными угрозами, как международный терроризм и наркомафия. Так, Дж.Буш после разгрома «Талибана» подписал директиву, ограничивающую борьбу с посевами наркосодержащих культур в Афганистане. И это при том, что после победы США над талибами производство наркотиков в Афганистане выросло, по самым скромным оценкам, более чем в 100 раз!

Причина позиции США проста: для них важнее всего видимость стабильности в Афганистане, а проблемы Европы, получающей чудовищный поток наркотиков (трафик которых в том числе идет через Косово), вполне вероятно, воспринимаются руководством США в первую очередь через призму не борьбы с наркомафией и терроризмом, но глобальной конкуренции.

Цивилизационная конкуренция более чем какая-либо иная ведется за определение «повестки дня», то есть конкретной области противостояния и его принципов (обычно эти принципы соответствуют определенной области деятельности).

Сегодня в наиболее предпочтительном положении по-прежнему остаются США, чей комплекс целей – финансово-экономический, без отягощения какими-либо европейскими, гуманитарными ценностями, – остается наиболее универсальным. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии, финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает *a priori*, поэтому круг ее потенциальных сторонников и потенциальных проводников максимально широк, как и возможности выбирать лучший человеческий и организационный «материал».

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии объективно служит почти всякий участник рынка. Он может зарабатывать на финансовых рынках деньги для террористов, но сам его образ действий объективно помимо его воли превращает его в проводника интересов и ценностей США. *Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации (а не ее отдельных аспектов) пролегает по признанию того или иного образа жизни единственно правильным.* Финансист принадлежит незападной цивилизации не тогда, когда он осуждает агрессии против Югославии или Ирака, а когда готов отказаться от существования финансовых рынков и перейти к образу жизни представителя иной, незападной цивилизации.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе одной из ключевых компонент глобальной конкуренции – ориентации элит погруженных в нее стран. Подобно тому, как государство является мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушая одни и усиливая другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

Хотя в среднесрочном плане национальную конкурентоспособность определяет эффективность управления, в долгосрочном

плане на первое место выходят мотивация и воля общества, воплощаемые в его элите. А в силу того, что с началом глобализации конкуренция стала осуществляться в первую очередь в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, что именно формирует сознание его элиты. Если общество само формирует сознание своей элиты, оно сохраняет адекватность, то есть способность создавать и преследовать свои цели. Однако часто сознание элиты формируется извне. Это завуалированная форма внешнего управления. Так как дружба бывает между народами, а между странами наблюдается конкуренция, внешнее формирование сознания элиты всякого самостоятельно значимого общества осуществляется обычно его стратегическими конкурентами. Понятно, что общество, сознание элиты которого формируется его стратегическими конкурентами, становится неадекватным. Цели его элиты соответствуют интересам стратегических конкурентов, а для самого общества являются разрушительными.

Влияние на сознание элиты конкурирующего общества становится одним из важнейших инструментов, с одной стороны, уничтожения конкуренции, а с другой – установления тотального контроля глобальных монополий. Последние используют технологии формирования сознания часто эффективнее государств и превращают в исполнителей своей воли не только национальные элиты, но и международные организации, и глобальное общественное мнение.

Понятно, что элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, обречена на предательство национальных интересов. Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане страны. Глобализация, которая предоставляет большие возможности сильным и приносит большие несчастья слабым, разделяет относительно слабо развитые общества, принося благо их элитам и проблемы – рядовым гражданам. С личной точки зрения, членам элиты естественно стремиться к либерализации, предоставляющей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимые беды их народам. Это естественное разделение усугубляет угрозу превращения национальной элиты в антинациональную силу.

Более того, в слабо развитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, способствует отторже-

нию инициативных, энергичных людей, порождая в них естественное чувство обиды. А ведь именно такие люди и образуют элиту общества! В результате, отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются перенести их ценности на отечественную почву. Подобное слепое культуртрегерство (особенно успешное) разрушает общество не только в случае его незрелости и неготовности, но и в случае цивилизационной чуждости для него указанных ценностей.

И даже оставшись в стране и добившись в ней успеха, войдя в элиту общества, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своему обществу, воспринимаемому как скопище несимпатичных, а то и опасных людей. Умный человек в России не прав просто потому, что он умный и думает не так, как все и, соответственно, не может предвидеть, как они будут поступать. Такое отторжение элиты имеет богатейшую традицию в России, но весьма характерно и для многих других стран мира.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи неразвитых стран, особенно стран незападных цивилизаций, на западные ценности это противоречие распространяется все более широко. Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к простым человеческим благам, утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности и в результате объективно и неосознанно, помимо своей воли начинают работать на систему ценностей своих стратегических конкурентов.

Именно с элиты и молодежи начинается размывание собственной системы ценностей, которое ведет к размыванию общества. Это деликатный аспект цивилизационной конкуренции, без которого нельзя понять широкое распространение отторжения собственных ценностей и враждебности к собственной стране.

Универсальный критерий патриотичности элиты прост: это *форма ее активов*. Как целое элита обречена действовать в интересах сохранения и приумножения именно собственных активов (материальных или нематериальных – влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и т.д.). Если они контролируются стратегическими конкурентами, элита начинает реализовывать интересы последних, превращаясь в коллективного предателя. Как минимум это означает, что адекватная элита, ориентированная на

собственные национальные и цивилизационные интересы, должна хранить значимую часть личных средств в национальной валюте, а не в валюте своих стратегических конкурентов. Отсюда, в частности, ясна обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому в принципе не в состоянии последовательно противодействовать последним.

Второй кризис Гутенберга

Общей причиной нарастающих в самых разных сферах общественной жизни трудностей (в том числе рассмотренных выше кризисов) является несоответствие инерционных общественных структур, включая системы управления, резкому росту количества информации, обусловленному распространением качественно новых технологий.

Однажды человечество, по крайней мере западная цивилизация, уже попадало в такую ситуацию. Как это ни парадоксально звучит в наш информационный век, изобретение книгопечатания привело к подлинному «информационному взрыву» – резкому увеличению количества информации, повышению ее доступности и качественному росту числа людей, способных задумываться и в итоге задумывающихся об абстрактных понятиях.

Управляющие системы того времени, сформировавшиеся в «прошлой реальности», не смогли приспособиться к вызванной книгопечатанием «информационной революции» и справиться с порожденными ею проблемами. Результатом стала Реформация и серия чудовищных по своим последствиям религиозных войн. То, что из горнила последних и вышла современная западная цивилизация, представляется крайне слабым утешением на фоне разрушительных последствий, по своей силе на порядок превосходивших последствия Второй мировой войны. Достаточно вспомнить, что в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо (с 16 до 4 млн. человек).

Сегодня, как и 500 лет назад, «информационный взрыв» превышает возможности сложившихся управляющих систем и представляет для человечества серьезную опасность. Конечно, это ни в коем случае не означает, что оно обречено вновь пройти через ужас, подобный религиозным войнам Средневековья. Более того, второй «кризис Гутенберга» в принципе не может быть копией пер-

вого просто потому, что история не повторяется или повторяется всякий раз по-новому.

Однако мы должны понимать, что многие болезненные проблемы сегодняшнего человечества являются проявлениями общего явления – неадаптивности управляющих систем к новому информационному и коммуникативному скачку. Связанный с этим кризис носит всеобъемлющий системный характер и требует не только осторожности и терпения, но и удешевления усилий в поисках выхода, просто потому, что цена возможной неудачи нам в общих чертах уже известна.

Миссия России: решение глобальных проблем как своих внутренних

Сегодняшняя Россия находится в глубочайшем кризисе. Национальная катастрофа, начавшаяся с распадом СССР, продолжается. Само понятие России не определено, лишенное самоидентификации население продолжает вымирать и не демонстрирует сколь-нибудь заметных признаков самоорганизации; эффективность же государственного управления при этом последовательно снижается.

Освоение российских ресурсов как «мировым сообществом», так и самими российскими капиталами носит выраженный «трофейный» характер и просто не предусматривает последующего воспроизводства российской экономики. Политика развитых стран в отношении наследства СССР на территории России напоминает дележ шкуры оглушенного медведя, который велеречиво и вдумчиво рассуждает в ходе этого процесса о своей роли в мировой истории и организации конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия с группами охотников и мародеров.

Казалось бы, в этих условиях всякое рассуждение о глобальной миссии и даже о просто существовании России в течение ближайших 15 лет должно рассматриваться в качестве проявления либо глубокой неадекватности, либо, в самом лучшем случае, маниакально-предвыборного психоза. Однако вызванное этими вроде бы логичными соображениями пренебрежение Россией, характерное для российских либеральных фундаменталистов уже во второй половине 90-х годов, не встретило понимания у эффективных представителей ни одной из трех цивилизаций, развертывающих свою экспансию в современном человечестве. Причиной этого является не инерция сознания, но сочетание очевидной слабости России с ее контролем

над целой группой уникальных и критически важных в современных условиях ресурсов (территория для евро-азиатского транзита, уникальные природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, навыки создания новых технологий), делающее ее ключевым объектом практически всех цивилизационных экспансий. И это, напомним, помимо тривиальной географической близости к очагам последних!

Таким образом, главная непосредственная проблема современного человечества – столкновение цивилизаций, которое из теоретических и философских построений А. Тойнби переросло в ключевой вопрос практической политики, на ближайшие как минимум полтора десятилетия делает Россию важнейшим местом в мире. Ибо судьба человечества будет определяться в конкуренции цивилизаций, которая примет форму непосредственного прямого столкновения (причем всеобщего, «всех со всеми») именно на территории России за контроль над всеми тремя группами ее глобально значимых ресурсов.

Наша страна уже становится межцивилизационным «полем боя». Первыми признаками этого являются неуклюжие попытки лавирования между расходящимися европейскими и американскими интересами, противостояние международному исламскому терроризму, наглядное столкновение интересов США и Китая по поводу восточносибирского нефтепровода. И российское общество, каким бы слабым и разложившимся оно ни было, вновь становится одним из ключевых факторов развития человечества, ибо цивилизационное столкновение будет осуществляться не просто «на его территории», но внутри него самого. Возможно, оно даже станет его структурообразующим стимулом.

Мы сможем влиять на развитие человечества не в силу своей мощи, как 15 лет назад, но, напротив, в силу своей слабости, так как полем решения глобальных проблем человечества станет наш дом, наша территория. Мы не просто окажемся «ближе всех» к месту, где будут решаться эти проблемы, но и будем знать его наилучшим образом.

Цена этого «могущества от слабости» – жизнь, ибо любая, даже тактическая ошибка может стать смертельной. В операционном плане перед российским обществом стоит задача гармонизации интересов и балансирования усилий различных цивилизаций, осуществляющих экспансию.

Таким образом, внутренняя российская политика в ближайшее время будет инструментом решения не просто международных, но глобальных проблем, и мы опять окажемся зеркальным подобием США (с той существенной разницей, что они являются преиму-

щественно субъектом, а мы – преимущественно объектом глобальной политики).

В силу этого миссия России ни при каких обстоятельствах не может являться внешней; вектор развития нашего общества направлен вовнутрь, а не наружу. Единственная оформленная идея, связанная с поиском места нашего общества в развитии человечества – «либеральный империализм», – сводилась к попытке превращения России в «региональную державу» на основе реализации на территории СНГ (и ни в коем случае не Прибалтики!) глубоко чуждых как ей, так и ее соседям американских интересов. Именно поэтому она и была отброшена, так как изначально была обречена на неудачу не только в силу противоположности интересов России и США по целому ряду вопросов, не только в силу неизбежного столкновения на том же пространстве с конкурирующими европейскими интересами, но и из-за элементарной слабости России. Пора изжить «ракетно-квасной патриотизм» как частный случай шизофрении и осознать наконец, что у нашего общества просто нет и до решения его внутренних проблем гарантированно не будет реальных ресурсов для осуществления сколь-нибудь значимой политики, направленной вовне. Миссия России на современном этапе ее развития связана не с внешней экспансией, для которой нет необходимых ресурсов (прежде всего организационных), но прежде всего с внутренним упорядочиванием и модернизацией.

В силу разрушения технологического базиса России его модернизация создает возможность качественного рывка на основе широкого распространения класса так называемых «закрывающих» технологий, названных так потому, что емкость открываемых ими новых рынков в краткосрочной перспективе существенно ниже емкости рынков, «закрываемых» в результате вызываемого ими повышения производительности труда. Их использование сделает ненужными огромное количество широко распространенных производств и, соответственно, лишит работы занятых на них. Классические примеры «закрывающих» технологий – лазерное упрочение рельсов, способное привести к трехкратному уменьшению потребности в них и, соответственно, сокращению выпуска, а также «нефтяной реактор», позволяющий перерабатывать нефть в бензин без строительства колоссальных дорогостоящих установок и драматически снижающий стоимость последнего.

Пока «закрывающие» технологии в основном сконцентрированы в пределах бывших специальных исследований, проводив-

шихся в СССР. В развитых странах аналогичные разработки частью не велись в принципе (как из-за своей опасности для рынка, так и потому, что рыночная экономика экономней социалистической и не позволяла работать «в стол», разрабатывая конструкции, не способные найти быстрого применения), частью надежно блокировались навсегда при помощи патентных механизмов. (Собственно, и разрушение СССР можно рассматривать как коллективное захоронение всех этих представляющих смертельную опасность для развитого мира технологий – своего рода «оружия массового уничтожения» – в одном гигантском могильнике.) Массовое распространение «закрывающих» технологий не просто разрушит глобальный монополизм, решив проблему его загнивания, но вызовет резкое сжатие всей индустрии, что приведет к катастрофическим последствиям для большинства стран.

Россия как владелец и потенциально основной продавец «закрывающих» технологий может получить от их распространения наибольший выигрыш, причем не столько деньги, сколько колоссальный политический ресурс. Он связан с принятием решения о том, какие технологии из «ящиков Пандоры» и в каких объемах выпускать в мир и, соответственно, в каких отраслях развитых стран и в каких объемах сворачивать производство. Россия выиграет и как страна, в которой в результате катастрофических реформ объемы производства упали ниже уровня минимального самообеспечения: в этих условиях кардинальный рост производительности приведет не к перепроизводству, а всего лишь к импортозамещению на российском рынке.

Россия является единственной страной мира, для которой все глобальные кризисы являются внутривнутриполитическими и которая обладает при этом потенциалом, способным оказаться достаточным для отработки моделей и алгоритмов решения этих проблем на уровне внутренней политики.

Мы находимся сегодня в блаженном положении домохозяйки, которая, подметая пол и выметая дохлых тараканов из-под плиты, не просто наводит минимально необходимую чистоту, но и гармонизирует Вселенную.

Ю.В. Грановский
НАУКА РОССИИ – ЭКОНОМИКА РОССИИ
(В ПОИСКАХ СТРАТЕГИИ)

Введение

Настоящая работа посвящена анализу состояния российской экономики за ряд лет, определяемого по состоянию науки. В связи с такой постановкой задачи используются представления о латентных переменных (латентах) и их индикаторах. Как отмечено в работах «Проблемы количественного анализа науки» [41] и «Мои идеи» [40], латента – это непосредственно не наблюдаемая, скрытая от измерения переменная. Она задается значениями индикаторов, связанными с ней вероятностным образом. Используемые далее понятия «состояние науки», «состояние экономики» являются латентами. Один из индикаторов состояния экономики – душевой внутренний валовой продукт. Пример индикатора состояния науки в той или иной стране – число публикаций в авторитетных научных журналах.

В развитых странах экономика и наука тесно связаны между собой. Поэтому здесь выдвигается идея использования индикаторов состояния науки для оценки состояния отечественной экономики. Индикаторами состояния науки выбраны: общее число зарубежных наград, полученных отечественными учеными за 1922–1987 гг.; число подобных наград на 10 тыс. исследователей за тот же период времени; публикуемость и цитируемость работ российских ученых (конец 80-х годов – начало XXI в.). При проведении исследований учитывалась необходимость использования открытых шкал (процедура измерения не накладывает ограничений на значения индикатора) и низкая воспроизводимость полученных данных, характерная для социальных измерений [40].

Экономика развитых западных стран отличается от российской экономики социальной ориентированностью. К середине прошлого века там были созданы «государства благосостояния» с повышенной долей расходов на социальное обеспечение и социальное страхование. Быстрый рост автомобилестроения, самолетостроения, машиностроения и пр. вместе с ростом производительности труда создали материальную основу для проведения государственной социальной политики. Еще раньше были заложены правовые основы «цивилизованного рынка», защищающие права потребителей¹ [31].

Главным источником экономического роста стала наука, обеспечивающая модернизацию промышленности и смену технологий. Особая роль науки в развитии экономики была осознана достаточно давно. Так, например, зимой 1922 г. преподаватели Московского университета обратились с письмом к заместителю председателя Совнаркома А.Д.Цюрупе: «Когда страна разорена, обнищала – последней ее надеждой должны быть *знания и наука* (курсив наш. – Ю.Г.). Вверженная в невежество страна исторически будет отброшена на несколько столетий. Она неминуемо станет добычей культурных соседей...

Клиники, лаборатории, кабинеты получают ассигнования в десятки раз меньше, чем нужно. Аппараты изношены, новые не приобретаются. Лечить и работать нечем, медикаменты и реактивы иссякают. Новой литературы нет, общение с иностранными учеными затруднено до крайности... Преподаватели вознаграждаются во много раз меньше, чем нужно, чтобы научно работать» [38, с. 50–51].

В наши дни роль науки еще больше возросла. «В интересующем нас плане следует отметить особую роль науки и научных технологий, которая на ранних этапах истории общества была совершенно незаметна и практически не ощущалась, но в конце XX в. стала в ряд наиболее мощных факторов глобальных трансформаций и социально-исторических изменений» [33, с. 9]. «Наука является единственно надежным инструментом устранения экологических угроз, повышения уровня здравоохранения, искоренения социальных пороков» [34, с. 52–53].

Наука является частью культуры. Используя системный подход, можно сказать, что наука – подсистема культуры. В разные исторические эпохи те или иные подсистемы культуры оказывали оп-

¹ <http://www.auditorium.ru/djks/562/gl.6>

ределяющее влияние на другие подсистемы [30]. Эти представления близки к концепции развития науки американского историка науки Т.Куна. Он ввел понятие парадигмы, выполняющей нормативные функции и предписывающей систему действий по получению научных знаний [23].

В Средние века существовала теологическая парадигма. Религия определяла почти все стороны жизни людей. Раннее буржуазное общество имело юридическую парадигму, определяемую правом на частную собственность. Современное общество имеет научную парадигму. Наука определяет и уровень экономического развития стран мира.

Индикаторы состояния экономики и науки

Информация о состоянии экономики в нашей стране, начиная с 20-х годов, не является достоверной. Сомнения в официальных оценках вызывает распространенная ранее практика фальсификации экономической информации для нужд партийной идеологии и пропаганды¹. Она имела место уже в первые годы советской власти. Так, например, в 20–30-х годах темпы роста национального дохода в СССР, по оценкам отечественных и зарубежных экономистов, различались чуть ли не на порядок. Известны и другие примеры. Официальные данные об увеличении темпов роста национального дохода в стране в 30-х годах противоречат зарубежным данным о снижении темпов роста, вызванных репрессиями и насильственной коллективизацией в сельском хозяйстве.

Поэтому на Западе у советологов-экономистов стала популярной «теория айсберга». Небольшая видимая часть «айсберга» – публикуемые официальные данные – доступна широкой публике. Гораздо большая подводная часть «айсберга» используется для управления народным хозяйством страны. Не помогал изучению экономики и учет продуктов в натуральном выражении из-за практики приписок, разного качества продуктов и пр. Например, в СССР урожай зерна рассчитывался по так называемому «бункерному весу». Не принимались во внимание влажность зерна, его засоренность. За рубежом урожай оценивался по высушенному, очищенному и готовому к употреблению зерну.

¹ <http://www.auditorium.ru/djjs/562/gl.6>

В наши дни положение не изменилось к лучшему. Например, по одному источнику информации рост внутреннего валового продукта (ВВП) за 1997 г. составил 0,4%, по другому – снизился на 3–4% [15]. Совершенно непрозрачна финансовая деятельность крупных предпринимательских структур, в частности неясно, сколько денег переведено за рубеж. А эти суммы, по примерным оценкам, составляют десятки миллиардов долларов¹ [22]. Приведем экспертную оценку доктора экономических наук Г.Лисичкина: «Получить истинную информацию практически невозможно. Идет двойной, тройной, какой угодно счет. Цифры не стыкуются, не соединяются, словно масло с водой. Если почти половина экономики теневая, если неофициальным путем за кордон уходят деньги, нефть, золото, алмазы, лес, как все это может учесть официальная статистика! Раньше хоть можно было исчислить размеры лжи, сейчас и это невозможно» [4].

Искажение сведений связано и с особенностями национального характера. Этому утверждению не противоречат приводимые ниже высказывания.

Г.Федоров (русский философ, первая половина XX в.): «Мы привыкли, что в России лгут и раболепствуют ученые, писатели, инженеры. В России чрезвычайно трудно жить, не участвуя во лжи (и преступлениях). Лучшие люди стараются свести к минимуму этот неизбежный коэффициент лжи, а самые строгие из них находят для себя возможность и вовсе во лжи не участвовать» [5].

Г.Андреев (публицист, начало 90-х годов XX в.): «И ведь, правда: лгут, никто не держит слово и даже не считает это пороком. Президент СССР (практически всегда), президент России (нередко) не держали слова. Лгут, не выполняют обещаний почти все жители страны, причем делают это не намеренно (лжецы по расчету есть и в Германии): ну сказал, ну и что? ... Это характер страны, в которой они родились и выросли» [3].

Вероятно, можно привести и другие причины трудностей в оценке экономики. Одна из них – состояние экономической теории. Как отмечено в работе «Методологические проблемы современной экономической науки» [1], существует набор экономических “инструментов” и набор ситуаций, но нет правил, когда и в какой ситуации следует использовать тот или иной инструмент. Неудивительно, что 60% сотрудников административных структур считают успешным развитие отечественной экономики за последние пять лет,

¹ <http://www.auditorium.ru/djks/562/gl.6>

в то время как для населения страны такая оценка является явно завышенной [2].

В связи с отмеченными трудностями здесь предлагается использовать для качественной оценки состояния экономики (в шкале наименований) количественные индикаторы состояния науки. Без эффективной науки в современных условиях не может быть эффективной экономики.

Данные о состоянии мировой и отечественной науки доступны, их трудно фальсифицировать. Изучением российской науки занимаются и за рубежом. Примерами зарубежных исследований является монография «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» [13], специальный номер журнала «Science» «Storm clouds over Russian science. A special report» [45], экспертные оценки [20, 44]. В 70-х годах в США работала комиссия Национальной академии наук по оценке качества науки в СССР. Большинство членов комиссии составляли видные американские ученые, знающие достижения советских исследователей в соответствующих областях знания [14].

Зарубежные специалисты, рискуя своей репутацией, вряд ли будут искажать получаемые результаты. Им также нельзя запретить публикацию объективных данных, как это случалось в нашей стране [9, 11].

Количественными оценками состояния науки занимается наукометрия. Она является частью науковедения. В нашей стране одним из первых исследователей, занимавшихся уже с начала 60-х годов вопросами наукометрии, стал ныне покойный профессор МГУ им. М.В.Ломоносова В.В.Налимов. В одной из своих первых работ он так определил задачи наукометрии: «Наука есть реально существующий, развивающийся во времени процесс, характеризующийся определенными количественными параметрами, и естественно сделать попытку изучать его так же, как естествоиспытатели изучают развивающиеся во времени химические, физические или биологические процессы. Здесь также можно говорить о накоплении результатов наблюдений и об их статистической обработке... Чтобы построить наукометрию, надо решить прежде всего ряд метрологических задач – что измерять и как измерять. <...>

В точных науках мы, как правило, часто ограничиваемся измерением и изучением лишь косвенных показателей. Кто может сказать, что такое хороший полупроводниковый материал или что такое хорошая сталь? Здесь мы тоже имеем дело лишь с множеством косвенных показателей...

В точных науках исследователи привыкли изучать и управлять процессами, зная лишь косвенные показатели. Это всегда нелегко. Здесь нужны здравый смысл и интуиция. В этом отношении наукометрия не находится в каком-то особенно плохом положении – важно лишь, чтобы те, кто ею занимается, сохраняли здравый смысл» [29, с. 38–39].

В развитых странах исследования по оценке достижений науки, определению эффективности научных исследований и пр. относятся к деятельности государственной важности. Например, в США помимо ученых в ней принимают участие финансисты, бизнесмены, парламентарии, аналитики Пентагона и ЦРУ, политические деятели. В последние десятилетия Национальный научный фонд США регулярно издает уникальный справочник «Индикаторы науки и техники», содержащий подробную и объективную информацию о состоянии науки, образования, технологических разработок, их финансировании, влиянии на экономическую и социальную сферы США, развитых и развивающихся стран мира [12].

В наукометрических исследованиях оказалась полезной информация о цитировании работ ученых, научных коллективов и т.п., получаемая из баз данных Института научной информации США. Эти базы содержат библиографические сведения о публикациях из нескольких тысяч наиболее важных научных журналов всего мира. С их помощью стало возможным выявлять и анализировать тенденции в развитии мировой науки, определять структуру научных исследований и т.д. В частности, разработан метод цитирования – алгоритмической кластеризации публикаций (метод Маршаковой-Смолла). Он позволяет выявлять быстро развивающиеся научные направления («исследовательские фронты»). На этой основе проведены исследования по анализу достижений отечественной науки за ряд лет [25–28].

Значения выбранных индикаторов состояния отечественной науки

Для оценки состояния отечественной науки за 1922–1987 гг. выбраны два индикатора: общее число зарубежных наград, полученных советскими учеными за этот период; число наград на 10 тыс. ученых за тот же период. Для периода конца 80-х годов до начала XXI в. использованы другие индикаторы – число публикаций и их цитируемость. Информация о значениях этих индикаторов

получена из баз данных Института научной информации США и представлена в литературе.

Использованы также данные о продолжительности жизни населения страны, тесно связанной с состоянием экономики. Эффективная экономика повышает продолжительность жизни. Развитые страны (Япония, Канада, Израиль, США и др.) отличаются высокими значениями душевого ВВП и средней продолжительности жизни. Добавим, что состояние социума в разных странах часто оценивается как среднее значение трех индикаторов: душевой ВВП; долголетие; уровень образования в возрастном интервале от 6 до 23 лет. Таким образом, здесь использован один из этих индикаторов.

В качестве источника информации о зарубежных наградах отечественных ученых выбрана книга С.Г. Корнеева «Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран» [21]. К наградам отнесены: избрание в члены научной организации (75% всех наград); медали (12,5%); премии и ордена (по 5,5%); прочие награды (1,5%). Всего получено более 3500 наград, из которых приблизительно 85% составляют награды разных стран, остальные – награды международных организаций. Из награжденных наибольшую группу составили доктора наук (31,4%), далее следуют действительные члены АН СССР (28,4%), члены-корреспонденты АН СССР (14,9%), кандидаты наук (13,1%), академики и члены-корреспонденты республиканских академий (10,2%), прочие (2%).

Временной интервал (1922–1987) был разделен на шесть периодов по 11 лет каждый. Для любого периода по данным за каждый год определялись общее число наград и среднее число наград в расчете на 10 тыс. научных работников («удельные» награды). Распределения общего числа наград и «удельных» наград по периодам времени приведены в табл. 1 и 2. Далее сопоставлены сведения о состоянии отечественной экономики и науки.

Таблица 1

Распределение общего числа наград по периодам времени

Период (годы)	Число наград	Период (годы)	Число наград
1922–1932	168	1955–1965	840
1933–1943	97	1966–1976	1473
1944–1954	194	1977–1987	972

Таблица 2

**Средние значения числа наград на 10 тыс. научных работников
в разные периоды времени**

Период (годы)	Среднее значение	Стандартная ошибка	Медиана
1922–1932	6,36	2,3	6,0
1933–1943	1,28	1,06	1,1
1944–1954	1,20	0,84	1,2
1955–1965	2,11	1,13	1,7
1966–1976	1,36	0,22	1,4
1977–1987	0,64	0,31	0,5

Первый период (1922–1932)

Как следует из данных табл. 2, среднее значение удельного числа наград в первый период времени (1922–1932) заметно превосходит значения параметра в другие периоды. Отметим некоторые причины, объясняющие повышенное значение этого индикатора.

1. Внимание государства к развитию науки. Уже в первые два года советской власти было создано более 30 крупных научно-исследовательских организаций, а к концу рассматриваемого периода их число возросло более чем на порядок.

2. Сохранялся высокий энтузиазм отечественных исследователей, усматривающих в развитии науки естественный путь к созданию процветающей экономики.

3. В стране был заложен «фундамент», на котором строилось здание отечественной науки. За 1906–1917 гг. появилось более 160 научных организаций (в несколько раз больше, чем за 1891–1905 гг.). Заметно возросло число вузов и научных обществ. Помимо государственных организаций создавались научные организации, финансируемые местными властями и частным капиталом. Широко практиковались стажировки российских ученых в ведущих научных центрах мира. По качеству исследований (глубине и культуре работ, квалификации научных кадров, творческой результативности и пр.) научный потенциал дореволюционной России не уступал научному потенциалу передовых стран Запада.

4. В 20-е годы еще не успела сложиться государственно-монополистическая организация науки, и поэтому не было сильного противодействия выдвижению и разработке существенно новых

идей и концепций, образованию и развитию новых научных направлений и научных школ. Оставались достаточно широкие международные контакты (стажировки, конференции и пр.), что позволяло отечественным ученым следить за тенденциями и достижениями мировой науки.

Успехи в науке сочетались с успехами в экономике: было введено более 1500 предприятий, появилось более 100 городов, построены Турксиб, Днепрогэс, Сталинградский тракторный завод и т.д. Все быстрее росла экономическая самостоятельность и независимость страны.

Одной из главных причин ускоренной индустриализации СССР в тот период была угроза военного нападения. Отсюда ориентация машиностроительной промышленности и почти всех основных отраслей народного хозяйства на первоочередное создание и производство военной техники. Решалась задача поддержания высоких темпов индустриализации любой ценой. На вооружение, содержание армии и флота затрачивалась значительная часть валового национального дохода. Индустриализация сопровождалась социальной напряженностью, высокой инфляцией, огромной растратой человеческих и материальных ресурсов, заметным (до нескольких десятков процентов) снижением покупательной способности населения. В сельском хозяйстве в конце 20-х годов прошли процессы насильственной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В 1932–1933 гг. в стране разразился тяжелый голод, потери населения составили несколько миллионов человек [6, 19, 43].

К концу рассматриваемого периода все отчетливее стали проявляться отрицательные явления, связанные с ухудшением духовной атмосферы в обществе. Ученым, как и некоторым другим группам интеллигенции, был приписан статус «буржуазных спецов», что делало их «классово чуждыми» существующему строю. В 1928–1931 гг. была развернута широкая кампания против буржуазных спецов как сторонников правого уклона. Тогда же прошел Шахтинский процесс о вредительстве в тресте «Донуголь», состоялись судебные процессы над специалистами ВСНХ, членами Крестьянской партии и Промпартии. Стоит отметить введение «единой» аспирантуры с отбором «социально близких» кандидатов, организацию армии «босоногих ученых», подавление академических свобод в ходе выборов в Академию наук в 1927–1929 гг. и пр. [6]. Но эти отрицательные явления все же не отменяли успехов отечественной науки.

Представленные данные не опровергают вывод об ускоренном развитии отечественной науки и экономики в этот период времени. Продолжительность жизни в 1928 г. оказалась самой высокой в течение нескольких последующих десятилетий (мужчины – 36 лет, женщины – 40 лет).

Второй период (1933–1943)

В этот временной интервал снизились общее число наград и число наград на 10 тыс. научных работников (табл. 1, 2). Основные причины: «Большой террор», затронувший научные кадры и старую творческую интеллигенцию; война, начавшаяся в 1941 г. От террора больше всего пострадали биологи: закрылись ряд организаций, прошли аресты ученых и т.п. В 1936 г. президентом ВАСХНИЛ стал Т.Д. Лысенко. В результате, был нанесен колоссальный ущерб отечественным исследованиям в биологии. Была нарушена работа селекционных станций и племенных хозяйств. Антинаучные воззрения в биологии сохранялись в течение почти 30 лет.

Во второй пятилетке (1933–1937) были возведены уже более 4500 предприятий (в 3 раза больше, чем за первую пятилетку). Страна постепенно превращалась в индустриально-аграрную державу. В ряде отраслей промышленности были достигнуты высокие результаты (металлургия, электроэнергетика и пр.), освоены передовые технологии.

Как и в первый период, развитие экономики шло по экстенсивному пути, сопровождалось большой инфляцией, снижающей качество жизни населения страны. Производительность труда росла низкими темпами, и ее росту не способствовали репрессивные меры. Годовое производство зерна в 1931–1939 гг. не превышало 70 млн. т/год, в то время как средний урожай зерна в 1909–1913 гг. составил 72,5 млн. т/год.

Ресурсами в первую очередь обеспечивались армия и оборонная промышленность. Производство товаров народного потребления неизменно отодвигалось на второй план. Из-за начавшейся войны и утраты значительной части территории в ноябре 1941 г. промышленное производство упало до 52% от уровня ноября 1940 г. [6, 43].

Широкомасштабные репрессии 1937–1939 гг., голод в 1933 г., война привели к снижению продолжительности жизни людей на несколько лет по сравнению с 1928 г. Отставание от передовых зарубежных стран по величине этого индикатора достигло 15–20 лет.

Третий период (1944–1954)

Общее число наград возросло в 2 раза по сравнению со вторым периодом, величина второго индикатора («удельные» награды на 10 тыс. научных работников) почти не изменилась (табл. 1, 2). После войны ожидалось улучшение жизни, смягчение режима, расширение демократических основ. Ожидания не оправдались, снова наступила полоса репрессий. Началась борьба с космополитизмом, трактуемым как отказ от патриотических традиций, национальной независимости и культуры. Идеологический контроль затронул все сферы духовной жизни, в том числе и науку. Волновая механика, кибернетика и ряд других наук были отнесены к реакционным буржуазным наукам. Очередной удар обрушился на биологию, в 1948–1949 гг. опять начались аресты биологов. После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. сотни исследователей были изгнаны из организаций Академии наук СССР и вузов, а генетика объявлена лженаукой.

Хотя численность научных сотрудников непрерывно возрастала (1930 г. – 35,18 тыс. человек, 1940 – 88,35 тыс., 1950 – 162,5 тыс. [8]), удельное число наград почти не изменилось. Война нанесла большой ущерб стране, потери населения составили около 30 млн. человек, была уничтожена треть национального богатства. С 1946 г. за пять лет удалось достигнуть лишь довоенного уровня. Для этих лет характерны многие экономические явления первых пятилеток: большое число новостроек оказались незавершенными, расплылись капиталовложения, существовали инфляция, перекосы в оплате труда и пр. Росла напряженность в среде рабочего класса. Уровень жизни в городах 1928 г. был достигнут только к 1954 г. [6, 43]. Продолжительность жизни возросла до 52 лет у мужчин и до 61 года у женщин в значительной мере за счет борьбы с эпидемиями [32].

Четвертый период (1955–1965)

Этот период отмечен уникальным ростом общего числа наград. По сравнению с третьим периодом общее число наград возросло в 4,3 раза. «Удельные» награды возросли в 1,8 раза (табл. 1, 2). К началу 60-х годов в стране были созданы в 2 раза больше научных организаций, чем за предшествующие восемь лет. Почти во всех союзных республиках были образованы республиканские академии и созданы около 70 научно-исследовательских институтов, основано Сибирское отделение Академии наук СССР, возросло

число ее филиалов. В связи с развитием новых отраслей промышленности (радиоэлектроника, атомная энергетика и пр.) основывались новые отраслевые научно-исследовательские организации. Это сопровождалось быстрым ростом численности научных кадров, укреплением научно-производственных связей. Улучшилась духовная атмосфера в обществе, в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС были осуждены преступления сталинизма.

Период до конца 50-х годов – наиболее благоприятное время для развития отечественной экономики. Реальный прогресс наблюдался в промышленности и сельском хозяйстве, уделялось внимание благосостоянию народа. Строились новые электростанции, железные дороги, мощные промышленные предприятия, больше жилья для населения. К 1960 г. показатели промышленности по отношению к 1940 г. были превышены более чем в 5 раз, в сельском хозяйстве – на 60%. Положение колхозов улучшилось за счет повышения государственных закупочных цен, уменьшения обязательных поставок, отмены долгов, снижения налогов с приусадебных участков и продаж на свободном рынке. За пять лет улучшилось материальное положение горожан: заработная плата росла в среднем на 6% в год, повысилось потребление овощей, фруктов, молочных продуктов и пр., размеры пенсий почти удвоились, был снижен пенсионный возраст, сокращена почасовая продолжительность рабочей недели. Началось массовое возвращение невинно репрессированных из лагерей.

С начала 60-х годов темпы экономического роста стали снижаться. Повысились налоги и цены на продукты питания, заработная плата была «заморожена», в 1963 г. начался ввоз зерна из-за границы. Серия кампаний, начатая секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым («кукурузная лихорадка», «молочные рекорды» и т.д.), не способствовала улучшению экономики. Эти трудности вызвали выражаемую в разных формах социальную напряженность (забастовки, митинги протеста и т.д.) в разных регионах страны [6, 43].

Все же в целом четвертый период был благоприятным для развития науки и экономики. Продолжительность жизни людей возросла на 6–7 лет и оставалась самой высокой в истории нашей страны до середины 80-х годов.

Пятый период (1966–1976)

Общее число научных наград в этот период по сравнению с четвертым периодом возросло в 1,7 раза, число наград на 10 тыс.

ученых упало в 1,5 раза. Статистический анализ показал, что различие в «удельных» наградах четвертого и пятого периодов является значимым (табл. 1, 2).

На фоне снижения числа удельных наград довольно неожиданно оказалось заметный рост общего числа наград. Вероятно, в какой-то мере это было связано с ростом числа научных сотрудников (1960 г. – 354,2 тыс. человек, 1970 – 927,7 тыс.). Другая причина отмечена ниже.

Помимо общего числа наград определялось число международных наград и наград США (как ведущей научной державы мира) в каждом периоде времени. Эти данные представлены в табл. 3. Здесь уже не приходится говорить о значительном росте общего числа наград. Представленные в табл. 1 данные объясняются большим числом наград от стран социалистического лагеря, а там качество и важность проведенных научных исследований в СССР не всегда стояли на первом месте.

В экономике выполнялся план восьмой пятилетки (1966–1970). Осенью 1965 г. была принята система экономических решений, иногда называемая «косыгинской экономической реформой»: упразднены совнархозы; восстановлены центральные промышленные министерства; созданы крупные государственные комитеты (Госснаб, ГКНТ и др.). Число обязательных показателей для предприятий было сведено к минимуму. Но экономические проблемы не были решены. В промышленности у предприятий все больше отбиралась прибыль, их права не расширялись, преобладали командно-административные методы руководства, возрастала власть министерств и ведомств.

Получила распространение практика расхищения огромных природных богатств страны, экономии на охране окружающей среды и социальных расходах. Огромные средства вкладывались в предприятия военно-промышленного комплекса, во внешние займы многим странам. Не принимались меры по улучшению качества продукции, росту рентабельности, повышению производительности труда, рациональному использованию производственных мощностей. Не улучшалось положение дел в сельском хозяйстве, увеличивался ввоз зерна, продуктов питания, товаров народного потребления из-за рубежа. Начался кризис всей социалистической системы. Он развивался в новых для страны демографических и социально-экономических условиях. Экономика исчерпала ресурсы свободной рабочей силы, прирост работоспособного населения

упал с 2% до 0,25% в год. Это было вызвано снижением рождаемости и увеличением смертности с начала 60-х годов.

Таблица 3

**Распределение международных наград и наград США
по периодам времени**

Период (годы)	Все награды	Награды на 10 тыс. научных сотрудников	
		среднее	стандартная ошибка
1922–1932	31	1,12	0,82
1933–1943	29	0,34	0,38
1944–1954	50	0,30	0,33
1955–1965	308	0,80	0,78
1966–1976	365	0,35	0,15
1977–1987	139	0,09	0,08

Замедление темпов развития экономики сопровождалось ухудшением духовной атмосферы в обществе. Был взят курс на разрыв с эпохой культурной оттепели. В 1968 г. состоялась интервенция в Чехословакию, началась борьба с диссидентским движением. Все это затрудняло использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала общества [6, 43].

К 1975 г. продолжительность жизни снизилась на 2–3 года по сравнению с предыдущим периодом.

Шестой период (1977–1987)

По сравнению с пятым периодом общее число научных наград сократилось в полтора раза, удельное число научных наград – в 2,1 раза. Различие в удельных наградах пятого и шестого периодов оказалось статистически значимым.

В конце 70-х годов была предпринята еще одна попытка совершенствования хозяйственного механизма за счет повышения роли партийного руководства. Но улучшить состояние экономики не удалось. Стала процветать гигантомания (строительство БАМа, Чебоксарской ГЭС и пр.), не подкрепленная экономическим анализом. Эти объекты истощали ресурсы, превращались в «долгострой». В сельском хозяйстве все больше снижалась урожайность зерна, увеличивались потери сельскохозяйственных продуктов при уборке, хранении и перевозке.

Правление Л.И. Брежнева привело экономику страны в состояние глубокого кризиса. В 1982 г. к руководству страной пришел А.В. Андропов. Был взят курс на проведение жесткой внутренней и внешней политики, укрепление дисциплины и порядка. Кампания против коррупции привела к обновлению руководящей элиты, но довольно быстро затихла. В 1984 г. с приходом к власти К.У. Черненко начался процесс возврата брежневских порядков.

В 1985 г. руководителем партии стал М.С. Горбачёв. Тогда же состоялся пленум ЦК КПСС, ставший переломным в жизни страны, намечалась перестройка всех сторон жизни общества. В это время в стране была самая высокая продолжительность жизни за 100 лет: 65 лет у мужчин и 74 года у женщин. Однако с 1988 г. она снова стала снижаться.

Седьмой период (конец 80-х годов XX в. – начало XXI в.)

За этот период численность научного персонала сократилась более чем в 2 раза (на 58%), приблизившись к уровню 70-х годов. Небольшая часть тех, кто оставил отечественную науку, эмигрировала, а основная группа исследователей сменила статус и реальную занятость. Научная сфера по темпам сокращения персонала вышла на первое место среди других отраслей экономики. Науку оставили многие высококвалифицированные исследователи: электронщики, энергетики и т.д. Углубилась проблема старения научных кадров. Около 80% организаций секторов отраслевой и заводской науки было приватизировано, а затем закрыто или перепрофилировано [7]. По данным базы данных Института научной информации США, среди семи стран мира, превосходящих другие страны по числу публикаций, за два периода времени (1981–1985 и 1988–1992) наша страна опустилась со второго на четвертое место по фундаментальным исследованиям и с пятого на седьмое место по прикладным исследованиям. По природно-ориентированным наукам (ботаника, зоология, фармакология и пр.) страна оставалась на седьмом месте.

В период 1993–1997 гг. среди 100 стран, ранжированных по общему числу публикаций, Россия занимала седьмое место (3,7%), на порядок уступая США (37%). Но что существенно, наша страна по цитируемости публикаций занимает только 89-е место. А именно цитируемость является индикатором эффективности исследований в информационной модели развития науки.

Оценен вклад стран и в развитие актуальных научных направлений – исследовательских фронтов науки. Индикатором служила доля публикаций страны в общем числе публикаций, участвующих в формировании карт науки. К началу 90-х годов наибольший вклад в формирование исследовательских фронтов внесли научные сотрудники США (43%), Японии (6,8%), Великобритании (6,5%), Франции и ФРГ (немногим более 5%), Канады (4,7%), Италии (3,1%). Россия занимает лишь восьмое место (2,8%). В то же время у нас в научной сфере в середине 80-х годов работало 3,5 млн. человек (больше, чем в других экономически развитых странах) [10].

В работе «Мировая наука на пороге XXI века» [27] приведены вклады по числу публикаций семи ведущих стран в развитие 18 крупных областей естествознания. Нами проранжированы вклады России, США и Великобритании. Коэффициент ранговой корреляции между вкладами России и США оказался незначимым, близким к нулю. Наибольшие различия наблюдаются для шести областей: физика, химия, материаловедение, нейронауки, иммунология, компьютерные науки. В нашей стране повышенное внимание уделяется первым трем областям естествознания, т.е. российская наука сохранила традиционную физико-химическую ориентацию. В США на передовые позиции вышли биомедицинские исследования. Коэффициент ранговой корреляции между вкладами США и Великобритании оказался значимым (0,72 при критическом значении 0,37).

Кризисные явления в отечественной науке во многом объясняются ее слабым финансированием. В 2003 г. величина затрат на одного исследователя была почти на порядок меньше, чем в Германии или Южной Корее [36].

Приведем экспертную оценку состояния отечественной науки доктора химических наук, лауреата Ленинской премии, члена Российской биотехнологической академии, профессора и заведующего отделом фармацевтических наук Северо-Восточного университета и профессора радиологии Гарвардской медицинской школы (Бостон, США) В. Торчилина: «Современное научное оборудование стоит безумно дорого и становится все дороже и дороже. А кто его будет покупать? Российские ученые ходят с протянутой рукой, просят абсолютно на все. Простой пример: представительство российских ученых на международных конференциях практически сошло «на нет». Там, где раньше были весомые делегации, сейчас периодически вообще никого не встречаешь. А те довольно многочисленные русские, которые на них приезжают, как правило, теперь работают в

Америке, Европе, Австралии, а не представляют Россию. Из России никто не едет, или ученые присылают слезные письма с просьбой оплатить дорогу и гостиницу. Из этого делаешь простой вывод: значит государство им не дает вообще ничего, и ему на них плевать...

Простой пример: скажем, сделали мы здесь какую-то работу практического применения. Запатентовали. Какая-то компания купила этот патент. Продукт – а я имею дело с лекарствами – оказался хорошим, и это лекарство начали продавать на мировом рынке. Если это лекарство понадобится кому-то из начальства в России, то Россия продаст сколько-то эшелонов нефти и купит столько этого лекарства, сколько требуется Кремлевской больнице, или как там она теперь называется, и местным бонзам. А на остальной народ им и раньше было наплевать, а сейчас особенно» [39].

В 1991 г. в стране начались реформы, призванные построить рыночную экономику. Они сопровождались глубоким кризисом производства, высокой инфляцией, падением уровня жизни населения. Слабый научно-технический прогресс привел к старению производственных фондов, их средний технологический уровень значительно отстал от мирового [16]. Доля России в мировом производстве высокотехнологичной продукции не превышает 0,3%, отставая почти на два порядка от США и Японии [7]. Удельный вес страны в мировой экономике в 2001 г. меньше, чем удельный вес Южной Кореи. Сумма ежегодно вывозимого из России капитала превысила приток инвестиций. Экономический потенциал страны сократился вдвое. Она занимает 60-е место в мире по уровню жизни населения. Обобщающая характеристика: уменьшение численности населения страны за последние годы на несколько миллионов человек без признаков изменения этой тенденции [17, 37]. Россия в огромной степени зависит от доходов, связанных с продажей нефти и газа. Лишь 10% ВВП обеспечивается компаниями малого и среднего бизнеса, в то время как в большинстве стран Запада этот показатель равен 50% [24].

По глубине социальной несправедливости наша страна более чем в 2 раза превзошла развитые капиталистические страны. Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных жителей страны составляет 20:1 при принятой в мире «норме социальной безопасности» 10:1. В большинстве стран Европы это соотношение равно 5–6:1 [42]. В современных рыночных системах 50–60% ВВП идет на оплату труда, остальное делится примерно поровну между государственными налогами и прибылью собственников. В нашей

стране на оплату труда идет 18–20% ВВП, государство собирает свои 20% в виде налогов, остальное – прибыль и дивиденды. При сохранении отмеченных тенденций Россия из великой научной и промышленной державы постепено превратится в сырьевой придаток развитых стран [18]. Вложения в социальную сферу в 2003 г. составили 10,6% ВВП, в то время как в передовых странах – 18–30%.

С 1992 г. зафиксировано существенное ухудшение здоровья населения России. Многие не выдерживали давления возникших проблем, что способствовало росту тяжелых сердечно-сосудистых и психических заболеваний, алкоголизма, самоубийств и пр. Это привело к снижению продолжительности жизни у мужчин до 59 лет и женщин до 72 лет в 2001 г. Более 70% населения России живет в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, вызывающего рост депрессий, реактивных психозов, внутренних заболеваний. Помимо ухудшения условий жизни и питания негативное влияние оказывает кризис системы здравоохранения. По сравнению с развитыми странами продолжительность жизни у нас меньше на 15–20 лет.

С 1992 г. в стране происходит процесс убыли населения, который не покрывается процессом иммиграции. Депопуляция связана с интенсивным ростом смертности и снижением рождаемости. Пересечение этих тенденций получило название «русский крест» [35].

Заключение

Как отмечено выше, индикаторы состояния экономики определены по качественной шкале (развитие-спад). Совместные значения индикаторов науки и экономики можно разделить на две группы. Первую группу составляют значения индикаторов успешного развития, первого и четвертого периодов времени. Третий период, очевидно, можно назвать «восстановительным». Тогда проходил процесс восстановления научного потенциала страны после репрессий и войны. Индикаторы этого периода также отнесены к первой группе.

Вторую группу составляют значения индикаторов процессов спада: второго, а также с пятого по седьмой периодов времени. Здесь обсуждения заслуживают значения пятого периода. Для него оказалось информативным рассмотрение международных наград и наград США (табл. 3). Ситуацию с наукой в этом периоде можно назвать «бегом на месте». В экономике страны, как указано ранее,

наметился спад. По этим причинам индикаторы пятого периода отнесены ко второй группе.

Разделение индикаторов на две группы не отвергает выдвинутую гипотезу: *по значениям индикаторов состояния науки можно оценивать состояние экономики*. В связи с этим выводом актуальной задачей является широкий мониторинг состояния российской науки. Результаты мониторинга позволят выработать надежные оценки состояния отечественной экономики.

Настоящая работа – первый шаг в наших исследованиях по изучению связи между отечественной наукой и экономикой. Следующий шаг – переход к количественным шкалам состояния экономики. Он может быть реализован, если найдутся достаточно представительные и надежные экономические данные за рассмотренные периоды времени. Еще одним этапом может быть рассмотрение других индикаторов состояния науки.

Список литературы

1. Автопомов В.С. Методологические проблемы современной экономической науки // Вестн. Рос. акад. наук. – М., 2006. – Т. 76, № 3. – С. 203–208.
2. Андреев А.Л. Россия граждан и Россия чиновников: дивергенция социальных пространств // Вестн. Рос. акад. наук. – М., 2006. – Т. 76, № 3. – С. 196–202.
3. Андреев Г. Обретение нормы // Нов. мир. – М., 1994. – № 2. – С. 144–189.
4. Бузятёв Е. Вывести российскую науку из кризиса поможет наукометрия. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/science/2006/02/22/naukometr>.
5. Васильева И. Золотой запас молчания // Огонек. – М., 1991. – № 23. – С. 7.
6. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991: Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. – 544 с.
7. Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. Глобальные тенденции научно-технологического развития и безопасность России // Науковедение. – М., 2003. – № 3. – С. 30–45.
8. Грановский Ю.В. Готова ли российская наука дать ответ на новый вызов? – М., 2006. – 20 с.
9. Грановский Ю.В. Интеллектуальные бунты – их подавление или поддержка? // Рос. хим. журн. – М., 1999. – Т. 43, № 6. – С. 79–87.
10. Грановский Ю.В. Что ожидает отечественных науковедов? // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. Аллахвердяна А.Г., Семеновы Н.Н., Юревича А.В. – М.: Логос, 2005. – С. 91–104.
11. Грановский Ю.В., Дрогалина Ж.А., Маркова Е.В. «Я друг свобод...» В.В.Налимов: вехи творчества. – Томск; М.: Водолей-Publishers, 2005. – Т. 1. – 376 с.

12. Грановский Ю.В., Ракитов А.И., Ярилин А.А. Критический науковедческий анализ критических технологий // Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. – М.: Логос, 2004. – С. 211–226.
13. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
14. Грэхэм Л. Устойчива ли наука к стрессу? // Вопр. истории естествознания и техники. – М, 1998. – № 4. – С. 3–17.
15. Друзенко А. Цифра лукава по-прежнему // Изв. – 1998. – 7 апр.
16. Дубовский С.В. Россия на переломе: 1990–2010 // Российская наука: день нынешний и день грядущий: Сб. науч.-попул. ст. / Под ред. Скулачева В.П. – М.: Academia, 1999. – С. 385–392.
17. Дудкин Л. Крупнейший фактор российских бед. – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/win/index>.
18. Кива А. Врача звать или священника // Лит. газ. – 2006. – 1–7 февр.
19. Козлов Б.И. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР (Очерк социальной истории. 1925–1963). – М.: Academia, 2003. – 272 с.
20. Коннауэй А. Государство не сможет спасти науку, если наука не спасет себя сама // Фин. изв. – 1995. – 2 февр.
21. Корнеев С.Г. Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1990. – 331 с.
22. Кто у нас неандерталец? Интервью с академиком О. Богомоловым // Лит. газ. – 2005. – 7–13 дек.
23. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
24. Леманн Ж.-П. Четыре возможных сценария развития России // Псковская губ. – 2003. – 26 нояб. – 2 дек.
25. Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. – М.: ТОО «Янус», 1995. – 248 с.
26. Маршакова-Шайкевич И.В. Исследовательская активность стран мира в конце XX века (статистическая оценка) // Вопр. философии. – М., 2002. – № 12. – С. 64–74.
27. Маршакова-Шайкевич И.В. Мировая наука на пороге XXI века // Вестн. Рос. акад. наук. – М., 2000. – Т. 70, № 12. – С. 1086–1093.
28. Маршакова-Шайкевич И.В. Сравнительный анализ вклада стран в общемировой прогресс науки // Вопр. философии. – М., 1998. – № 1. – С. 43–49.
29. Налимов В.В. Количественные методы исследования процесса развития науки // Вопр. философии. – М., 1966. – № 12. – С. 38–47.
30. Наука как социальное явление / Под ред. Кравеца А.С. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
31. Осадчая И. Превратности развития российского капитализма // Наука и жизнь. – М., 2005. – № 8. – С. 36–43.

32. Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за сто лет // Человек. – М., 2002. – № 2–3.
33. Ракитов А.И. Наука в эпоху глобальных трансформаций (российская перспектива) // Наука в России: состояние и перспективы. – М.: ИНИОН, 1997. – С. 7–51.
34. Ракитов А.И. Роль науки в устойчивом развитии общества // Наука в России: состояние и перспективы. – М.: ИНИОН, 1997. – С. 52–61.
35. Римашевская Н.М. «Русский крест» // Природа. – М., 1999. – № 6. – С.3–10.
36. Россия экономит на исследованиях // Изв. – 2005. – 20 дек.
37. Толстых В. Генеральная линия // Лит. газ. – 2003. – 19–25 марта.
38. Тополянский В.Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. – М.: Права человека, 1996. – 320 с.
39. Торчилин В. С российской наукой дела обстоят все хуже. Похоже, что «точка возврата» уже пройдена и восстанавливать скоро будет нечего. – Режим доступа: <http://nrd.pnpi.Spb.Ru/UseSoft/notice/russcien.htm>.
40. Хайтун С.Д. Мои идеи. – М.: АГАР, 1998. – 240 с.
41. Хайтун С.Д. Проблемы количественного анализа науки. – М.: Наука, 1989. – 280 с.
42. Шмелев В. Что мы хотим – исчезнуть с карты мира? // Лит. газ. – 1996. – 4–11 дек.
43. Яковер Л.Б. Пособие по истории отечества. – М.: ТУ «Сфера», 1997. – 224 с.
44. Russian science, 1999–2003. – Режим доступа: http://www.in-cites.com/research/2004/November_1_2004-2.html.
45. Storm clouds over Russian science. A special report // Science. – Wash., 1994. – Vol. 264 (5163), May 27. – P.1259–1283.

Е.В. Балацкий

ВЗАИМНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ СООБЩЕСТВА ЭКОНОМИСТОВ

В предыдущих публикациях мною было показано, что современная экономическая наука находится в весьма специфическом состоянии, которое без особых натяжек можно квалифицировать как кризис [2, 4, 5, 7–9]. Тем не менее данная научная дисциплина продолжает развиваться, а экономисты старательно работают на ниве своей науки. В то же время сравнение российской и западной (прежде всего, американской) экономической науки¹ позволяет говорить, что она имеет различные направления.

Указанное положение вещей порождает ряд вопросов. Что за всем этим стоит? Хорошо это или плохо? И, наконец, чего можно ожидать в будущем и что необходимо делать? Мы последовательно ответим на поставленные вопросы, предварительно рассмотрев некоторые смежные вопросы, связанные с развитием экономического знания.

Фундаментальное противоречие современной экономической науки

Чтобы лучше понять процессы, происходящие в недрах современной экономической науки, обратимся к некоторым философским понятиям теории познания. Так, А. Шопенгауэр четко разделял две линии в познании: понимание и объяснение. При *объяснении* явлений ищутся причины; по А.Шопенгауэру, объяснять – значит представлять. При *понимании* явлений схватывается значение; понять – значит выяснить то, чем же собственно является изучаемый объект [1, с. 148]. Переводя взгляды А. Шопенгауэра на совре-

¹ Данная статья представляет собой расширенную версию более ранней публикации [10].

менный язык, можно сказать так: объяснение объектов и явлений предполагает построение соответствующих логических схем и выстраивание цепочки причинно-следственных связей. При понимании объектов или процессов происходит интуитивное (и, как правило, трансцендентное) проникновение исследователя в их сущность с последующим осознанием глубинной природы изучаемых объектов и процессов. Этот методологический момент является чрезвычайно важным, так как современная наука вообще и экономическая наука в частности процесс понимания сводит к объяснению, осуществляя тем самым неправомерную подмену понятий. Именно отсюда проистекают все основные проблемы современного экономического знания. Поясним сказанное.

Дело в том, что в отличие от философии в науке процессы объяснения и понимания не являются совершенно автономными, между ними существует довольно сложное двустороннее взаимодействие. Так, объяснение может приводить к более глубокому проникновению в сущность вещей, а следовательно, к пониманию. В свою очередь понимание позволяет выстраивать более совершенные схемы объяснения. Однако в ряде случаев объяснение и понимание оказываются слабо связанными, и достижения в одном не ведут автоматически к достижениям в другом.

Категории понимания и объяснения имеют свои аналоги в сфере человеческого поведения и принятия решений. Так, объяснение тесно связано с *обсуждением* (*осмыслением*) проблемы, а понимание – с ее практическим *решением*. Это происходит потому, что осмысление проблемы основано на существующих объяснительных схемах и шаблонах, а ее решение – на чувственном ощущении самой сущности практических нужд. На этом этапе хорошо просматривается различие между пониманием и объяснением через особенности поведения практиков и теоретиков. Например, теоретик может со всех сторон «обсосать» стоящую проблему, но не найти верного решения (а может быть, не найти вообще никакого решения!), в то время как опытный практик, даже не вдаваясь в бесконечные детали и тонкости проблемы, способен интуитивно нащупать нужное решение. Подобный эффект возникает из-за того, что теоретик опирается на объяснительные схемы, а практик – на интуитивное понимание ситуации.

Для полноты процесса познания необходимо рассмотреть еще две важные категории: наблюдение и описание. *Наблюдение* – это процесс накопления информации об изучаемом объекте; *описа-*

ние – это систематизированное представление информации об объекте, выполненное в той или иной форме. Феномены наблюдения и описания тесно связаны с объяснением и пониманием. Так, накопление эмпирической базы об объекте начинается с наблюдения, которое, как правило, стимулируется возникновением определенной проблемы и служит точкой отсчета для дальнейшего познания. Результаты наблюдений структурируются в виде описаний и объяснений. При этом описания стимулируют формирование системы объяснений, а объяснения часто продуцируют изощренные способы описания. В идеале описания и объяснения должны вести к пониманию, однако на практике сами описания и объяснения часто являются результатом понимания (рис. 1).

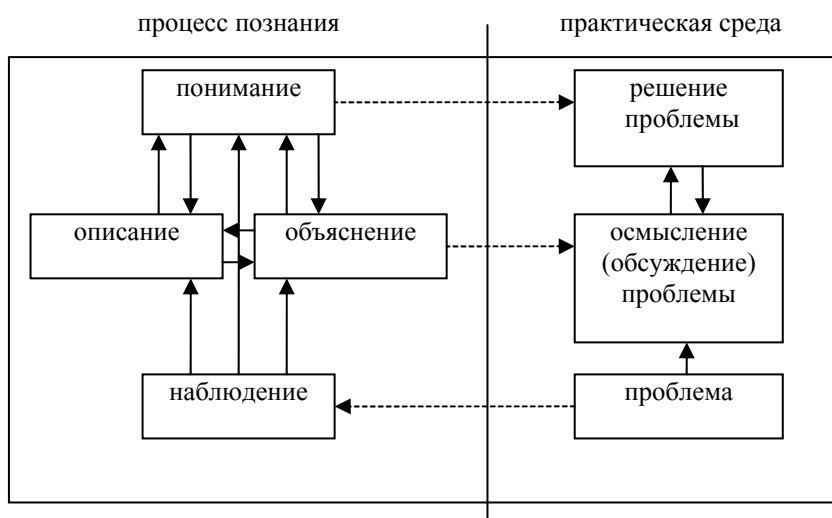

Рис. 1. Диалектика процесса познания и процесса принятия решений

Рассмотренная система категорий «наблюдение-описание-объяснение-понимание» в совокупности с процессами обсуждения и решения проблемы позволяет лучше понять, что происходит сейчас в экономической науке. Дело в том, что в настоящее время ученые-экономисты чрезмерно озабочены описанием экономической действительности. Данная установка базируется на ложном представлении, что тонкое, скрупулезное математическое описание экономики ведет к лучшему пониманию самой экономики и дает ключ

для проведения грамотных управленческих решений. В подавляющем большинстве случаев экономико-математические модели (описания) не предваряют объяснения тех или иных экономических эффектов, а лишь завершают и уточняют эти объяснения в более строгой форме. Таким образом, описание не может серьезно помочь в объяснении, а объяснение не ведет к пониманию. Последний момент обусловлен тем фактом, что понимание либо изначально лежит в основе всех описательных и объяснительных схем, либо вообще ускользает от исследователя.

Сегодня экономическая теория направлена на то, чтобы математически описать сложные экономические явления и показать правомерность возникновения тех или иных наблюдаемых в реальности эффектов. Иными словами, задача современных экономических теорий и моделей заключается в *оправдании* существования того, что и без того уже существует. Теоретическое подтверждение закономерности и логичности наблюдаемых сложных и аномальных эффектов в экономике несет в себе элемент схоластики. Подобные описания оправданы только в двух случаях: когда они ведут к более глубокому проникновению в сущность явления и когда они позволяют осуществлять прикладные расчеты для нужд прогнозирования и управления. В абсолютном большинстве случаев ни то, ни другое условие не выполняется. Как видно из рис. 1, описание и объяснение являются промежуточными элементами процесса познания. Однако сегодняшний экономический мейнстрим игнорирует указанные условия, в связи с чем можно констатировать наличие в современной экономической науке фундаментального противоречия, заключающегося в *беспрецедентном развитии описательных и объяснительных схем на фоне явного пробуксовывания в понимании экономики и низкой эффективности экономических решений на всех уровнях*.

Общепризнанное чрезмерное увлечение математическим описанием экономики является основной характеристикой, главным итогом и одновременно главной проблемой современной экономической науки. Данная тенденция имеет довольно серьезные последствия, прежде всего, с точки зрения уменьшения «силы» экономического знания. «Крутые» описания, не подкрепленные глубоким пониманием экономики и эффективными практическими решениями, ведут к росту пассивности экономической науки. Наиболее актуальные и значимые проблемы экономики решаются практиками, а учеными-теоретиками они в лучшем случае только обсуждаются. Во многих случаях экономисты-теоретики принципиально не спо-

собны предложить конструктивные решения. По всей видимости, именно по этой причине хорошие (с точки зрения самой экономической науки!) ученые-экономисты зачастую не могут найти себе хорошую работу в практической сфере. Действительно, кому нужны никчемные умники?

Между тем сложившееся положение дел никак нельзя считать нормальным. Как гласит известный афоризм, знание – сила. Следовательно, наука – это власть. Например, классическая физика и механика дают человеку власть над природными явлениями. Яркий пример: физики и инженеры могут «забрать» водопад в трубу и за счет собранной энергии осветить целый город. Современная биология позволяет создавать сверхлегкие и сверхтонкие бронежилеты из искусственно синтезированной паутины, а микробиология – клонировать внутренние органы человека. А какую власть нам дает экономическая наука, например, экономическая теория рождаемости Г. Беккера? При всей своей изощренности она не решает (и не может решить!) проблему рождаемости: одни нации продолжают бездумно плодиться, а другие – бездарно вымирать. А что дает экономическая теория семьи? Люди как ошибались, вступая в брак, так и продолжают ошибаться; как они разводились, бросая детей, так и сейчас это делают. А чем обогащает нас институционализм? Институционалисты озабочены объяснением, почему историческое развитие в той или иной стране пошло именно так, а не иначе. Но историю не переделаешь. Подобные примеры можно продолжать сколько угодно. Главное заключается в другом: современная сложная экономическая теория не дает человеку ничего. Следовательно, экономическая наука перестала выполнять свою основную функцию по усилению могущества человека. Однако так было далеко не всегда. Худо-бедно, но классическая политическая экономия все-таки давала ключ к пресловутому «богатству народов».

Нельзя удержаться, чтобы не отметить аналогию между экономикой и физикой. Если раньше физика хотела решить конкретные проблемы, то сейчас она пытается объяснить все в рамках единой теории. И хотя горизонты современной физики расширяются, ее «сила» перестала увеличиваться. Например, современная физика черных дыр и теория суперструн не дают человеку никакой дополнительной власти. Безусловно, это признак научного тупика. В этом тупике оказалась и современная экономическая наука.

Учитывая сказанное и поставленные в начале статьи вопросы, можно констатировать следующее. Инерционность развития

завела современное экономическое знание в тупик. Это плохо. Если движение в прежнем направлении будет продолжаться, то экономическая наука будет активно буксовать на месте без заметных качественных достижений.

В свое время Н. Винер дал довольно оригинальную характеристику создателю статистической физики У. Гиббсу: «...Гиббс был хотя и очень сильный, но не очень тонкий математик» [14, с. 102]. Похоже, что нынешние экономисты могут проявить похожий снобизм в отношении экономистов прошлого: все они были экономистами сильными, но не тонкими. Действительно, современные экономисты-теоретики имеют дело с более тонкими материями, нежели, к примеру, классики меркантилизма. Однако приходится констатировать и другое: современные экономисты увязли в своих аналитических тонкостях. Преуспев в нюансах, они потеряли конструктивизм. Как ни парадоксально, но нынешняя ситуация характеризуется древним афоризмом Л.А. Сенеки: «Как много зла в чрезмерной тонкости и как она враждебна истине».

Сравнительный анализ западной и российской моделей экономической науки

Раскрыв основную проблему мировой экономической науки, попытаемся сопоставить экономическую науку в России и на Западе. При этом мы будем рассматривать экономическую науку в расширенном смысле, включая социальные и кадровые аспекты.

1. Уровень технологичности и инструментальной базы экономической науки. Учитывая колоссальную математизацию современной экономической науки и настрой экономистов на скрупулезное формальное описание процессов, логично будет начать сравнение российской западной модели экономического знания именно с этого признака. Здесь сразу бросается в глаза практически полная несовместимость двух национальных школ. Так, если вся западная экономическая наука формализована до предела, то данный процесс в российской экономической науке находится в зачаточной форме. Подтверждением служит состояние дел в области специализированных экономических изданий. Так, существует только один журнал общероссийского значения, который публикует экономико-математические статьи без ограничения уровня сложности – «Экономика и математические методы». Общеизвестно, что в настоящее время только он соответствует всем международным стандартам в сфере экономической науки. В США

таких журналов десятки. Любопытно, что даже журналы, посвященные менеджменту, бизнесу, банковскому делу и мировой экономике, насыщены статьями со сложным инструментарием. Для России такое положение дел воспринимается как фантастика, что детерминировано, прежде всего, низкой экономико-математической культурой российского сообщества экономистов и его неготовностью к восприятию сложных научных построений.

Разумеется, указанное различие двух национальных моделей экономической науки предполагает и исключения, однако они имеют локальный характер и не меняют общего положения дел. Так, в последнее время в России сформировалась когорта экономистов-«западников», которая развивается в рамках американского мейнстрима и противостоит остальному российскому сообществу экономистов. Среди лидеров «западников» фигурируют Высшая школа экономики и Российская экономическая школа, внедрившие в программы обучения высокие экономико-математические стандарты. Однако справедливости ради следует отметить, что и здесь не все гладко. Так, уже сейчас многие студенты Высшей школы экономики, будучи недовольны бессистемной математизацией в обучении, переходят в другие московские вузы. Остальные выпускники указанных вузов-«западников» ориентированы на работу за пределами страны, так как в России они все равно не смогут задействовать приобретенный научный потенциал.

Как же оценивать сложившееся положение дел? Хорошо или плохо, что Россия так отстает от Запада с точки зрения формализации экономического знания? Ответы на поставленные вопросы неоднозначны.

С одной стороны, низкий инструментальный уровень российской экономической науки – явление негативное. Во-первых, Запад отчасти прав, утверждая, что нельзя решить новые и сложные проблемы на базе старых и примитивных методов исследования. Во-вторых, высокая технологичность экономического знания выполняет роль фильтра для кадровой «чистки» рядов профессионального сообщества экономистов. В настоящее время экономическое мышление еще не делает человека экономистом; экономист должен обладать серьезными профессиональными навыками, которые отличают его от обычного смертного и случайного дилетанта. Более того, уровень математической подготовки лежит в основе стратификации самого сообщества экономистов. Так, бакалавр экономики понимает экономику на качественном уровне, магистр – на количественном уровне с

применением моделей и теорий, а доктор экономики владеет всеми изощренными методами экономического анализа.

С другой стороны, чрезмерный крен в сторону инструментария экономической науки – явление негативное. Во-первых, иногда складывается впечатление, что западное экономическое сообщество забыло общеизвестный принцип «все гениальное просто», заменив его другим – «нормальные герои всегда идут в обход». Западная экономическая наука не боится никаких инструментальных сложностей и гордится этим, несмотря на то, что они, наверное, в 99 случаях из 100 неоправданны.

Во-вторых, математика в современных исследованиях объективно заслоняет экономическую сущность явлений. Для мейнстрима нет сущностных экономических вопросов, для него есть только сущности, до предела формализованные, и только они имеют ценность. Здесь я не могу удержаться от того, чтобы не процитировать высказывание А.Е. Ивантера: «Когда люди строят абстрактные экономико-математические модели – это, может быть, даже хорошо. Когда они проводят математический анализ этих моделей и доказывают абстрактные теоремы – это, может быть, тоже неплохо. Но только не надо называть это экономикой!». Действительно, хочется нам того или нет, но упор на математику в большинстве случаев не оставляет сил собственно на экономику и ведет к засилью в экономической теории математиков с их узкими математическими интересами. Между тем этот процесс таит в себе большую опасность. Здесь уместно привести афоризм, высказанный Ю.В. Зворыкиной: «Опыт показывает, что математики и философы кроме своей математики и философии не знают ничего». Сделав поправку на содержащийся в данной фразе максимализм, ее следует признать верной. На данном этапе дилемма «либо экономика, либо математика» все сильнее дает о себе знать.

В-третьих, даже самый изощренный современный математический аппарат уже не отвечает потребностям современной экономической науки. Речь идет о том, что «зверская» математизация экономики – это всего лишь упертость представителей старой школы мейнстрима в традиционный аппарат, ничем не оправданное упорство в достижении новых целей и решении новых задач старыми методами. Сейчас уже имеется понимание, что формальная наука фактически изжила себя в экономике. Бесполезно делать обычные логические обобщения, ибо они в современном мире чрезвычайно ненадежны. Можно назвать по крайней мере три новые вехи в экономической науке. Первая – слабая содержательная

начинка формально-логических утверждений. Многие из доказываемых в настоящее время экономических теорем являются тривиальными и очевидными с точки зрения экономики. Вторая – отсутствие репрезентативности формально-логических утверждений. Так, большинство существующих моделей и теорем не обладают высокой степенью общности и отображают только частные случаи, которые при ближайшем рассмотрении оказываются к тому же малореалистичными. Третья – слабая математика, лежащая в основе формулируемых формально-логических утверждений. При всем разнообразии и сложности современного математического аппарата экономической науки он, как правило, имеет ограниченную сферу действия и не относится к так называемой «большой математике», которой занимаются «настоящие» математики.

Сказанное подводит к тому, что аппарат физики и математики вообще плохо подходит к современной экономике. Здесь нужен аппарат наподобие того, который используется в молекулярной биологии. Может быть, поэтому уже сейчас появилась новая тенденция, заключающаяся в замене традиционных экономико-математических моделей компьютерными моделями, относящимися к классу имитационных (поведенческих).

Что же вытекает из всего вышесказанного? Что высвечивается для России в отношении формирования будущей экономической науки?

Безусловно, в настоящее время российская экономическая наука безнадежно отстала от западной, и это отставание по возможности надо преодолевать, в том числе и за счет повышения математической культуры отечественных экономистов. Однако, на мой взгляд, было бы грубой ошибкой «догонять» по всему фронту отечественной экономики. Дело в том, что сейчас Россия имеет чрезвычайно удачные условия для перехода на новый виток развития экономической мысли. Как было сказано выше, мировая экономическая наука со всем своим инструментарием находится в состоянии кризиса. Но уже сейчас намечаются новые направления экономики и, прежде всего, современное компьютерное моделирование, которое пока еще не проявило себя в полной мере. И здесь Россия имеет карт-бланш. Дело в том, что страны – носители мейнстрима просто физически не могут быстро перейти на новые рельсы. Этому мешает возникший за долгие годы инфраструктурный «навес»: огромное количество журналов, изданий, университетских кафедр и лабораторий, институтов и научных центров заняты производством научного продукта в рамках мейнстрима. Разумеется, все эти организационные структуры и свя-

занная с ними масса людей не сдадут свои позиции в одночасье. Не исключено, что потребуются десятилетия для того, чтобы переориентировать всю эту научную машину на нечто совершенно новое и в значительной степени враждебное современному мейнстриму. Можно даже предположить, что вымирание мейнстрима будет происходить параллельно с физическим вымиранием его нынешних представителей и апологетов. Россия же не обременена идеологическим и инфраструктурным грузом. Мейнстрим так и не стал доминирующей парадигмой отечественной экономической науки. Поэтому ничто не сдерживает российских экономистов при осуществлении мощного рывка в новом научном направлении.

На мой взгляд, это один из парадоксов экономического развития, который играет на руку российской экономической школе – то, что на протяжении многих лет было ее минусом, может стать ее плюсом. Надо сказать, что уже нынешние выпускники экономических вузов концентрируют свое внимание именно на компьютерных моделях экономики имитационного типа. Если упорядочить этот процесс, Россия имеет хорошие шансы не только сравняться с развитыми странами в области экономической науки, но и опередить их.

2. *Уровень идеологизации экономической науки.* Сейчас уже ни для кого не секрет, что экономическая наука всегда имеет идеологическую окраску. Между тем до сих пор популярен предрассудок, что к математической экономике это не относится, ибо какая же может быть идеология при установлении объективных количественных зависимостей. Однако это в корне не так.

Для иллюстрации возможных проявлений идеологии в экономической науке позволю себе некоторые воспоминания. Так, в 1989 г., когда в стране еще были сильны традиции марксизма-ленинизма, мною была подготовлена статья, в которой предлагалась модель, позволяющая оптимизировать воспроизводственную структуру капиталовложений. Статья предназначалась для институцкого сборника научных трудов, но была забракована редактором, ответственным за формирование портфеля материалов сборника. Первый его аргумент состоял в том, что мною в качестве критерия максимизации выбран показатель капиталоотдачи, а капитала при социализме не существует. Когда я сказал, что подобный показатель был использован в недавно вышедшей статье С.Н. Журавлева, то мне был дан исчерпывающий ответ: «Журавлев не классик, а Маркс – классик». Второй аргумент был еще более разрушительным: в своей статье я ставил задачу по оптимизации

коэффициентов распределения капиталовложений, но это совершенно бессмысленно, ибо эти коэффициенты в практике планирования фигурируют в качестве плановых нормативов. А коли установлен норматив, то как же его можно оптимизировать? Его надо выполнять, а не подвергать сомнению.

Понятно, что спор закончился не в мою пользу, а статья была отвергнута из-за совершенно нелепых идеологических придирок. Многим, и мне в том числе, казалось, что с крушением социализма такое уже никогда не повторится. Однако это была очередная иллюзия. Так, в 2003 г. я получил отзыв на статью, посвященную исследованию траекторий выпуска предприятия с кредитом и без кредита и предоставленную в журнал «Экономика и математические методы». В ней, в частности, говорилось, что главный недостаток работы состоит в отсутствии целевой функции предприятия. В связи с этим построенная мною модель не является экономической моделью, так как в ней нет ни одного рационального экономического агента. Кроме того, в работе рассматривалась модель отдельного предприятия, и, следовательно, решалась задача финансового менеджера, а не экономиста-исследователя. А чтобы решить задачу экономиста-исследователя, необходимо было определить, каким будет поведение ставок процента, цен и т.д. Понятно, что с такими недостатками статья была отвергнута.

Как же квалифицировать подобные критические замечания? На самом деле речь идет о том, что моя статья просто-напросто не удовлетворяла стандартным требованиям мейнстрима, а отказ играть по его правилам наказуем в среде тех, кто является его представителем. Однако так ли уж бесспорна инструментальная идеология мейнстрима?

Несмотря на то, что в рамках мейнстрима получено множество ценных научных результатов, его стандарты нельзя тиражировать на все исследования. Попытаюсь доказать это на примерах. Мейнстрим базируется на оптимизационной идеологии и требует наличия в экономико-математических моделях целевой функции. Однако большое число не просто первоклассных, но поистине великих результатов было получено в рамках дескриптивных моделей. К их числу относятся, например, все межотраслевые модели В.В. Леонтьева (за них он получил Нобелевскую премию), его классическая модель экономического роста развитых и развивающихся стран с учетом межстранового перелива капитала, модель ценообразования опционов Ф. Блэка и М. Скоулза (за нее М. Скоулз

получил Нобелевскую премию), теорема Ф. Модильяни и М. Миллера о независимости стоимости фирмы от структуры ее капитала (за эту и связанные с нею работы М. Миллер получил Нобелевскую премию) и т.п. А работы Р. Фогеля, Д. Норта и Дж. Бьюкенена, значение которых для экономической науки огромно, вообще принадлежат к институциональной школе и тем более не сводятся к идеологии и инструментарию мейнстрима.

В настоящее время давление западного мейнстрима на территории России постепенно увеличивается. Этому способствуют и вузы, финансируемые западными фондами и соответственно готовящие специалистов-«западников», и гранты, выдаваемые из западных финансовых источников, и международная открытость страны. Имеются примеры противостояния мейнстрима национальным традициям в экономической науке. Типичный пример: натянутые отношения Российской академии наук, в которой большинство экономистов принадлежат к отечественной школе, с Высшей школой экономики, ориентированной на традиции мейнстрима. Однако в любом случае идеология мейнстрима в России пока не стала тотальной и вряд ли станет таковой в обозримом будущем. Другой же идеологии после падения марксизма нет. Поэтому можно констатировать, что страна обладает довольно высокой идеологической свободой в сфере экономических исследований. Ограничение экспорта идеологии мейнстрима может способствовать становлению новых направлений экономической науки. С этой точки зрения Россия имеет неплохие возможности для выхода на новые научные рубежи.

Не исключено, что отсутствие идеологической зашоренности российских экономистов позволит им вырваться вперед даже по сравнению со странами-лидерами в области экономики. Здесь может произойти тот же эффект, который уже много раз наблюдался в отношениях развитых и развивающихся стран. Например, в Италии, имеющей давние традиции строительства отелей, сами отели по большей части старые, некомфортные, не соответствующие современным нормам. Перестроить их довольно сложно и дорого. Между тем во многих азиатских странах преобладают отели высокого класса, построенные относительно недавно, когда сама индустрия их строительства вышла на совершенно иной уровень. Развитие науки подчиняется тем же закономерностям.

3. Научные традиции. Между российской и западной моделями экономического сообщества имеется еще одно важное различие – накопленные научные традиции. И оно явно не в пользу Рос-

сии. Одним из проявлений этих традиций является время издания специализированных экономических журналов. И здесь просматривается интересный парадокс: США, будучи в историческом плане неизмеримо моложе России, по сравнению с ней имеют научные экономические журналы с гораздо более богатой историей. Так, самым старым экономическим журналом в России формально считается журнал «Экономист», которому недавно исполнилось 80 лет. Однако в США «Американское экономическое обозрение» («*The American Economic Review*») насчитывает уже 94 года, «Журнал политической экономии» («*Journal of Political Economy*») – 112 лет. В Великобритании «Экономический журнал» («*The Economic Journal*») существует 114 лет. Однако даже эти цифры, по-видимому, должны быть скорректированы, так как российский журнал «Экономист» был образован только в середине 1991 г. на базе издававшегося с 1924 г. «Планового хозяйства». Можно ли считать журналы с разным названием единым журнальным изданием – вопрос открытый. Если нет, то время издания «Планового хозяйства» сокращается до 67 лет, а «Экономиста» – до 13.

Примечательным является и тот факт, что на Западе мейнстрим получил очень сильную поддержку в лице журнала «Эконометрика» («*Econometrica*»), основанного еще в 1932 г., в то время как в России некий аналог данного журнала «Экономика и математические методы» возник только спустя 32 года (1964). Кроме того, отечественное издание «Экономика и математические методы» по своему статусу и авторитету за все годы своего существования не смогло даже приблизиться к «Эконометрике», имеющей международный резонанс.

Подобных примеров можно привести много, главное в другом: Россия не имеет печатных научных органов в области экономической науки, по своему авторитету и статусу хоть в какой-то мере сопоставимых с западными (прежде всего, американскими) журналами. Кроме того, продолжают погибать журналы, уже рекомендовавшие себя на научном рынке. Данные факты имеют немаловажное значение в формировании низкого статуса российской экономической науки как в прошлом, так и в настоящем, ибо международный «вес» науки во многом определяется ее «лицом», то есть ведущими научными журналами.

Катастрофическое положение российской экономической науки (науки, а не отдельных российских экономистов!) на мировом научном рынке объясняется еще и тем, что не состоялась ее интеграция в мировую науку. Это, на мой взгляд, связано с тем, что

Россия ограничилась изданием своих научных трудов на русском языке, который большинству экономистов мира не понятен да и не нужен. На сегодняшний день на англоязычном рынке изданий в области экономической науки Россия представлена только одним-единственным академическим журналом – «Проблемы прогнозирования» (переводная версия – «Studies on Russian Economic Development»). Другие экономические журналы на английский язык не переводятся и, следовательно, на мировом научном рынке не представлены. Надо сказать, что такая «языковая закрытость» российской экономической науки является нетипичным явлением для цивилизованного мира. Например, Япония имеет огромное число экономических журналов, издаваемых на английском языке. Нетипична указанная закрытость и для самой России применительно к техническим и естественным наукам, ибо многие академические и университетские журналы данного профиля издаются на двух языках – русском и английском. Экономическая наука к этому процессу до сих пор не подключилась.

Таким образом, отсутствие в России солидных, всеми уважаемых научных изданий, позволяющих их авторам автоматически «выходить» на международный научный рынок за счет англоязычных дубликатов, не позволяет надеяться, что в будущем экономические открытия, полученные на территории нашей страны, будут своевременно и адекватно восприняты Западом. А это может привести к полному обесцениванию возможных будущих успехов отечественной экономической мысли.

Один из возможных контраргументов в адрес тезиса о необходимости своих собственных англоязычных изданий состоит в том, что российские экономисты могут сами писать свои статьи на английском языке и отсылать их в престижные зарубежные издания. Однако при ближайшем рассмотрении этой проблемы его приходится отвергнуть по двум причинам.

Во-первых, опыт показывает, что писать на хорошем английском языке, находясь в России, довольно сложно, еще сложнее «проталкивать» свои статьи в элитные зарубежные журналы. Как правило, наличие прямых выходов на «нужных людей» из научного издания предполагает пребывание в соответствующей стране.

Во-вторых, чтобы публиковаться в иностранных англоязычных изданиях, надо писать на действительно хорошем английском языке. В этом заключается специфика западной экономической науки: будучи предельно математизированной, она предъявляет чрезвычайно

высокие требования к английскому языку. Здесь уместно привести случай, произошедший с С.М.Мовшовичем, который одну из своих статей направил в элитный *«Journal of Economic Theory»*. Результат был парадоксальным: один из наиболее математизированных экономических журналов отверг сильно математизированную экономическую статью по причине бедности английского языка. Таким образом, если физик, математик, химик или биолог имеет право писать научную статью на английском языке, сосредоточившись лишь на сути излагаемого вопроса, то экономист, по образному выражению А.Б. Поманского, должен писать идеально. В противном случае ему нечего ловить на западном небосклоне экономической науки.

4. Уровень сплоченности профессионального сообщества экономистов. Еще одной характеристикой любой национальной экономической школы является степень единства самого сообщества экономистов. Здесь опять-таки имеется огромное различие между западной и российской моделями организации экономической науки. Так, если для западных экономистов типична высокая сплоченность, то для российских – разобщенность. В чем же проявляется указанное различие?

Прежде всего, на Западе внедряется система поддержки талантов, в то время как в России традиционно все способные люди зажимаются. Так, в США действует специальная программа «Merit», целью которой является ежегодное отыскание посредством разработывавшихся в течение 70 лет тестов 35 тыс. наиболее одаренных старшеклассников. На это ежегодно расходуется около 1,5 млрд. долл. Причем финансовая помощь оказывается как самим детям, так и учебным заведениям, в которых они получают высшее образование [26, с. 36]. В России такой программы нет, и соответственно экономическая наука пополняется талантами случайным образом. Можно сказать, что у нас отсутствует само желание кого-то куда-то продвигать, каким бы талантливым он ни был. Уже только этот факт содействует идейной и социальной консервации экономической российской науки и тем самым снижает ее качество.

Кстати говоря, отсутствие в России системы «продвижения» талантов подкрепляется чрезвычайно плохим отношением ученых друг к другу. Так, по мнению В.Л. Гинзбурга, во многих случаях российские ученые сами сознательно не выдвигают своих коллег на Нобелевскую премию, хотя прекрасно осознают, что сделать это надо [15, с. 52]. Этим фактом во многом объясняется «потеря» нескольких Нобелевских премий по физике и химии. Российские ученые менее пред-

взято относятся к иностранным коллегам, нежели к своим соотечественникам. Все сказанное в полной мере применимо к экономистам.

Другое проявление разобщенности российских профессиональных экономистов – отсутствие ссылок на работы своих коллег. За последние десятилетия российское экономическое сообщество утратило элементарную научную культуру. Так, многие экономисты не считают обязательным указывать, кто является «создателем» той или иной идеи, модели, концепции и т.п. Нет стремления и к проработке всей существующей литературы по интересующему их вопросу. Более того, многие российские экономические журналы не только не имеют библиографии, но и не приветствуют даже в виде сносок обильные ссылки на первоисточники. Таким образом, в стране негласно действует система «замалчивания» научного приоритета индивидуального исследователя.

Все это очень сильно разнится с традициями, сложившимися в западном мире, в котором обязательными являются не только ссылки на публикации своих предшественников, но и ссылки на неопубликованные работы, существующие в виде одного или нескольких репринтных изданий. Более того, признаком дурного тона является отсутствие в статьях и монографиях благодарностей коллегам, с которыми проводилось обсуждение отдельных вопросов, людям и организациям, оказывавшим финансовую поддержку работы, и даже анонимным рецензентам. Довольно часто авторы статей специально оговаривают, что все возможные ошибки и недостатки работы целиком и полностью лежат на них. Подобные традиции создают атмосферу корректности и взаимного уважения, что для России совершенно нетипично.

Иногда научная культура западных экономистов принимает даже несколько гипертрофированные формы. Характерным примером может служить следующий факт: в 1965 г. в своей статье «Теория распределения времени» Г.Беккер ввел понятие «полный доход», сделав при этом специальную ссылку, что этот термин возник в ходе беседы с М. Фридменом [13, с. 163]. Впоследствии и Г. Беккер, и М. Фридмен стали лауреатами Нобелевской премии по экономике. Данный пример можно считать хрестоматийным: будущий нобелевский лауреат отдает дань вежливости другому будущему нобелевскому лауреату, еще не предполагая ни своего собственного, ни чужого успеха. В то же время не исключено, что успех обоих в немалой степени был обеспечен указанной повышенной щепетильностью экономистов в отношении заслуг своих коллег.

Особо следует указать на «именной» характер западной экономической науки. Дело в том, что атмосфера уважения своих коллег и предшественников на Западе выражается, прежде всего, в присваивании разнообразным научным конструкциям имен их создателей. Так, в современной мировой литературе фигурируют такие термины, как: кривая А. Лаффера, крест Дж. Хикса, инвестиционная ловушка Дж.М. Кейнса, мультипликатор Дж.М. Кейнса, уравнение И. Фишера, модель В. Леонтьева, функция Р. Солоу, парадокс М. Алле, теорема Ж. Дебре, закон Г. Госсена, условия Маршалла-Лернера, формула М. Гордона, равновесие по Дж. Нэшу, эффект Т. Веблена, цена Л. Шепли, эластичность по Д. Мак-Фаддену, оптимальность по В. Парето и т.п. К сожалению, аналитических конструкций с российскими именами в современной экономической науке немного, а если они и есть, то обязаны этим, как правило, все тем же западным экономистам.

Отсутствие подобных традиций ведет не только к замалчиванию отдельных российских имен, но и к подрыву авторитета всей российской экономической науки. Складывается впечатление, что конкретные люди, которые осуществляют оригинальные разработки в сфере экономики, не имеют никакого значения даже в том случае, когда им удастся сделать действительно что-то серьезное. Однако опыт показывает, что безымянная наука рано или поздно становится аморфной, плохо структурированной и неэффективной.

Отсутствие дани уважения коллегам и предшественникам помимо всего прочего не позволяет национальной экономической школе занять достойное место на мировой научной арене. Для России это означает, что в перспективе даже при осуществлении научного прорыва в экономическом знании наша страна не сможет обеспечить достойную пропаганду своих достижений, и, следовательно, мировая научная общественность пройдет мимо них, и в лучшем случае впоследствии все достигнутое будет переоткрыто. Отчасти это происходит уже сейчас. Например, в настоящее время в России имеются целые направления, в которых получены блестящие результаты. На мой взгляд, к ним можно отнести работы Л.А. Дедова, связанные с исследованием феномена структурного цикла [16], работы В.М. Полтеровича по теории институциональных ловушек [22, 24] и теории коллективных фирм [23], статьи Л.Е. Соколовского по теории фискального регулирования [21, 25], разработки В.В. Капитоненко, посвященные ценообразованию в многоуровневых хозяйственных структурах [19, 20], и т.д. Разуме-

ется, указанными направлениями список побед российских экономистов не исчерпывается.

Одновременно с этим Запад постепенно исчерпывает себя. Исчерпание происходит, прежде всего, в самом предмете исследования. Например, в издаваемом Чикагским университетом «Журнале политической экономики» можно встретить статью со следующим названием: «Сила таблеток: оральные контрацептивы, карьера женщин и брачные решения» [28]. Не вдаваясь в ее содержание и не подвергая сомнению важность рассматриваемых в ней проблем, можно смело утверждать, что ее тематика вряд ли соответствует тому кругу вопросов, которые должны рассматриваться политической экономией. Пожалуй, сюда же можно отнести и экзотическую статью под смелым названием «Теория проституции» [27]. Это, конечно, важная социальная тема, но вряд ли она может быть «коньком» политэкономии. Похоже, что западные экономисты шарахаются по всему спектру социальных недугов общества, а экономическая наука постепенно начинает принимать довольно уродливые формы.

Таким образом, российская экономическая наука не так уж плоха, а западная – не так уж величественна. Однако монолитный и монументальный мир западных экономистов пока просто подавляет разрозненных российских исследователей.

Критерий истинности научного результата в экономике

Все сказанное выше подводит к более общему вопросу: какие работы вообще в экономической науке можно считать выдающимися или хотя бы просто сильными и удачными?

Ортодоксальная традиция мейнстрима неявно, но очень навязчиво говорит о том, что сильная работа по экономике должна быть сложной, базирующейся на изощренном математическом аппарате. В противном случае она будет признана примитивной, а это уже заведомо отрицает ее признание в кругах экономистов-профессионалов.

На мой взгляд, этот критерий несет в себе определенный позитив, однако к настоящему времени в целом он безнадежно устарел. В качестве обоснования данного тезиса можно привести два простых факта. Во-первых, практически все классические результаты в области экономической науки являются довольно простыми по форме и основываются на довольно «легком» математическом инструментарии. Во-вторых, даже те серьезные достижения, которые основаны на сложных математических построениях, фигурируют в анналах

экономической науки как некая содержательная выжимка без соответствующего инструментального обрамления. Слишком сложные теории и модели не могут стать повседневным рабочим средством не только для широкой общественности, но и для узких специалистов. Классическим примером триумфа инструментальной простоты могут служить исследования Г. Беккера, служащие образцом того, как многого можно достичь, используя простые аналитические средства [18, с. 669]. Не будет преувеличением сказать, что использование Г. Беккером несложных формальных методов, не требующих изощренного математического аппарата, лежит в основе его популярности и того факта, что он является чуть ли не самым цитируемым из ныне здравствующих экономистов [18, с. 645].

Учитывая, что, в отличие от российской, западная модель экономической науки опирается на принципы и ценности мейнстрима, Россия имеет меньше ограничений для получения высококлассных результатов в экономическом анализе. В этой связи уместно вспомнить один любопытный факт из истории экономической науки. Так, еще во второй половине XX в. Дж. Форрестер развил новую идеологию экономического моделирования, основанную на построении сложных поведенческих моделей имитационного типа. Данный шаг был воспринят как революционный, и в России было немало сделано для укоренения и развития новой парадигмы моделирования. Однако сам мейнстрим с его аналитическим инструментарием противостоял имитационному моделированию и, может быть, не умышленно, но все же привел к тому, что нарождающееся научное направление было постепенно «забито» ортодоксальным математическим аппаратом и на время забыто широкими слоями ученых-экономистов. Потребовалось почти полвека для того, чтобы реанимировать и возродить имитационное моделирование.

Таким образом, ориентация западных экономистов на сложные научные построения способствует скорее ослаблению, нежели усилению получаемых научных результатов. Россия здесь имеет, если можно так выразиться, идеологическое преимущество. В определенном смысле научные результаты российских экономистов более прозрачны и, следовательно, в большей степени отвечают критерию истинности.

С проблемой сложности современных экономических работ непосредственным образом связан еще один критерий плодотворности научных результатов, заключающийся в их повторяемости и дублировании. Действительно, история науки недвусмысленно демон-

стрирует, что все более или менее значимое и ценное переоткрывается различными исследователями. Не составляет исключения из этого правила и экономика. Между тем по-настоящему сложные работы и результаты практически не имеют шанса на повторение, и тем самым утрачивается сама возможность идентификации открытий и наиболее значимых научных достижений. С этой точки зрения западный мейнстрим сильно осложняет процесс ревизии экономической науки в целях отфильтровывания из нее действительно ценного.

Надо сказать, что выдвинутый нами критерий повторяемости и дублирования научных результатов в качестве теста на их состоятельность имеет два уровня практического применения: общественный и индивидуальный. На первом тестирование происходит на высоком социальном уровне, когда его результаты принимаются большим числом экономистов. Так было, например, со знаменитым уравнением Е.Е. Слуцкого, впоследствии переоткрытым и переосмысленным Дж. Хиксом. Кстати говоря, сама модель, лежащая в основе уравнения Е.Е. Слуцкого, очень проста, что, по-видимому, и позволило повторить его логику анализа. В то же время Дж. Хикс получил соответствующее уравнение в форме, несколько отличающейся от формы Е.Е. Слуцкого. Таким образом, дублируются и переоткрываются простые аналитические конструкции, в то время как сложные выкладки уже предполагают расхождение путей разных исследователей.

На втором уровне тестирования полученных научных результатов происходит своеобразное самотестирование. Исследователь не получает признания в глазах общественности, но убеждается в правильности и плодотворности своих исследований. В качестве примера приведу два случая из моей биографии. В 2000 г. мною была опубликована работа, в которой, в частности, была предложена простая схема расчета величины номинального налогового бремени в виде суммы налоговых ставок с соответствующими весовыми коэффициентами [3]. Расчет этой величины имел основополагающее значение для уяснения истинных масштабов фискальной нагрузки на предприятия страны. В 2001 г. Р.Х. Ибрагимов защитил кандидатскую диссертацию, в которой была предложена та же самая вычислительная процедура [17], причем автор не был знаком с моей статьей и пришел к указанной идее независимо от меня. Учитывая, что моя работа носила преимущественно макроэкономический характер, а работа Р.Х. Ибрагимова — микроэкономический, дублирование методологии оценки номинального налогового бремени показало ее объективность, правильность, плодотворность и практическую полезность.

Другой пример. В 2000 г. я опубликовал статью, в которой показал, что высокие темпы экономического роста способствуют выходу экономической системы из состояния институциональной ловушки [6]. В 2002 г. этот результат был обобщен и детализирован в работе «Функциональные свойства институциональных ловушек» [11]. Однако между этими датами, в 2001 г., В.М. Полтеровичем была опубликована статья, в которой с помощью совершенно иной методологии и модельного аппарата был доказан тот же самый факт [29]. Он не знал о моей работе, я не знал о его, но содержательный результат совпал, что продемонстрировало нам объективность и плодотворность конечного вывода, который, как оказалось, может быть получен совершенно различными методическими способами.

В обоих случаях указание дат служит лишь для иллюстрации того, что вызревание тех или иных идей в головах разных исследователей происходило примерно в одно время. Учитывая близость дат получения указанных результатов, вопрос приоритета приобретает второстепенное значение, главное – совпадение основных научных тезисов.

Подобных примеров можно привести много, главный же итог заключается в том, что западный мейнстрим, акцентируя внимание на инструментальной стороне исследований и предъявляя довольно жесткие стандарты на используемый инструментарий, тормозит становление многих плодотворных идей. В России же, наоборот, сильно развито направление, связанное с поиском новой методологии и методов исследования экономических процессов без давления со стороны авторитета, которое присуще западной экономической науке.

Этапы становления индивидуального экономического мировоззрения

Продолжением разговора о роли инструментария в экономике является вопрос о закономерностях смены фаз научного поиска в экономических исследованиях. В данном случае мы имеем в виду, что каждый экономист проходит в своем развитии несколько качественно различных фаз. Рассмотрим их более подробно, учитывая определенную условность их разграничения и названия.

Первая фаза – математическое теоретизирование. Как правило, она характерна для начального этапа становления экономиста. Большинство молодых начинающих экономистов тяготеют к теоретическим построениям высокого уровня абстракции с широким применением серьезной математики. Подобное увлечение теорией

и математикой на раннем этапе становления экономиста обусловлено отсутствием большого опыта, знаний и всевозможных примеров развития экономических систем. Иными словами, молодой исследователь к данному моменту времени еще не «оброс» контекстным фактологическим материалом, что и предопределяет его стремление к универсальным схемам высокой степени общности. Однако с течением времени по мере накопления научного опыта данная фаза развития экономиста постепенно сменяется другой, которая обычно начинается в возрасте после 30 лет.

Вторая фаза – эмпирический анализ. На данном этапе становления профессионального экономиста происходит частичный отход от голого теоретизирования и осуществляется переход к эмпирическому обоснованию различных научных утверждений. Как правило, к этому времени экономист-исследователь начинает проявлять больший интерес к цифрам и конкретике и старается соотнести формальные теории с имеющимися числовыми данными. Такое стремление во многом связано с накоплением профессионального и жизненного опыта. На данном этапе исследователь начинает осознавать, что никаких универсальных экономических теорий не существует и что все они должны пройти числовую апробацию и цифровое тестирование на конкретных данных в определенный момент времени и в определенной точке экономического пространства. Вторая фаза свидетельствует о возросшей научной зрелости экономиста-исследователя и, как правило, включает в себя модельный инструментарий первой фазы, однако без присущего ей преувеличенного увлечения формализмом. Однако и этот период постепенно переходит в следующую фазу научного поиска, когда возраст исследователя достигает 40 лет.

Третья фаза – активизация методов кейс-стади. Здесь осуществляется переход не к количественной эмпирике, а к эмпирическому материалу качественного типа, когда фиксируются некоторые принципиальные факты без придания цифрам решающего значения. Можно сказать, что третья фаза – это фаза качественного анализа. При этом становление экономиста-исследователя продуцируется сильным «обрастанием» контекстной информацией и погружением его в такие глубокие области, которые не получают соответствующего статистического оформления. Как правило, на данном этапе начинают изучаться такие вопросы, ответ на которые может быть дан в рамках слабоформализуемых схем, причем эти ответы могут подтверждаться только косвенно, путем анализа от-

дельных частных случаев. По сути дела в этот период своей творческой жизни экономист научается делать далеко идущие выводы и обобщения на основе частной, спорадической информации.

Все три рассмотренные нами фазы становления экономиста напрямую связаны с «тройным тестом» на научность и правдоподобие экономических построений, в соответствии с которым все значимые научные результаты должны подтверждаться: 1) теоретическими построениями (математическими моделями); 2) эмпирическим материалом (эконометрическими расчетами); 3) методами кейс-стади (типовыми ситуативными примерами) [12, с. 66]. Фактически речь идет о том, что на каждом этапе своего профессионального развития исследователь с большим рвением осваивает тот или иной способ оформления и обоснования научных результатов.

Четвертая фаза – концептуальные и идеологические обобщения, – которая чаще всего начинается, когда исследователь переходит 40-летний рубеж, поднимается над отдельными мелкими фактами и старается сформировать глобальное видение реальных процессов. Здесь уже акцент делается не на отдельных экономических эффектах и их строгой идентификации, а на ключевых причинно-следственных связях и формировании целостной картины мира. На данном этапе увлечение инструментальными научными тестами отходит на задний план, а на передний план выходит некое глубинное понимание реальности. Экономист-исследователь формирует масштабные научные картины, принимающие форму концепций и идеологий. Можно сказать, что этот этап научного поиска является заключительным, так именно в это время достигаются наиболее значимые масштабные научные результаты.

Пятая фаза – практические рекомендации. На данном этапе понимание экономистом реальности достигает такого уровня, что у него возникает естественное желание материализовать свое знание экономики. Здесь научные знания уже не нуждаются в подтверждении, а, наоборот, сами выступают в качестве инструментария, с помощью которого экономист отыскивает правильные решения практических проблем. Как правило, само наступление пятой фазы является естественным следствием истощенности научного пути (возраст исследователя 45–50 лет), который заканчивается четвертой фазой. В этой связи пятая фаза выступает своеобразным способом выхода из науки с одновременным пребыванием в ней. Уже на этой стадии чисто рациональное знание дополняется изрядной долей интуиции. Если же пропорция между рациональным и интуитивным

знанием будет нарушена, то происходит либо возврат в чистую науку (четвертая фаза), либо окончательный выход из науки и уход в практическую сферу деятельности (экономическая политика).

Рассмотренные нами фазы научного поиска связаны со спецификой человеческого интеллекта и сознания. Однако такая градация имеет большое значение для формирования новой экономической науки. Дело в том, что западная модель науки и мейнстрим, в частности, нацеливают экономиста-исследователя, прежде всего, на первые две фазы. Между тем длительное заикливание их ведет к тому, что экономисту может не хватить времени и сил на большие концептуальные обобщения, которые необходимы для формирования нового видения экономики и новой научной парадигмы. В этом смысле по сравнению с западными коллегами российские экономисты не так сильно отягощены инструментальной «оболочкой». Данный факт дает определенные, можно сказать, парадоксальные преимущества российским экономистам, ибо им не надо преодолевать «тонны» инструментальных тестов при изучении современного экономического мира. Если правильно распорядиться имеющимся преимуществом, то не исключено, что Россия в некоторых областях экономической науки сможет даже обогнать западный мир.

В данной статье предпринята попытка сравнения сообществ ученых-экономистов России и Запада с точки зрения исторических традиций и мотиваций. Исследование показало очень неоднозначную ситуацию. С одной стороны, Запад обладает огромными преимуществами по сравнению с Россией, с другой – западная экономическая наука, как это ни странно, сейчас более идеологизирована, чем российская. Учитывая, что современная экономическая мысль находится в состоянии перелома (или надлома?), ни одно из этих преимуществ не может быть сброшено со счета. В этой связи можно утверждать, что у России есть определенные шансы для построения мощной и эффективной национальной экономической школы. Однако их реализация требует соблюдения многих условий. Обеспечение же этих условий – вопрос искусства государственного управления, который уже выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

1. Андреева И.С., Гулыга А.В. Шопенгауэр. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 367 с.
2. Балацкий Е.В. Антропогенный фактор «регресса» экономической науки // Наукоедение. – М., 2003. – № 4. – С. 141–163.

3. Балацкий Е.В. Воспроизводственный цикл и налоговое бремя // Экономика и матем. методы. – М., 2000. – Т.36, № 1. – С. 3–16.
4. Балацкий Е.В. Конец науки по Дж.Хоргану // Науковедение. – М., 2002. – № 3. – С. 186–199.
5. Балацкий Е.В. Мировая экономическая наука на современном этапе: кризис или прорыв? // Науковедение. – М., 2001. – № 2. – С. 25–45.
6. Балацкий Е.В. Непроизводственные издержки в теории институциональных ловушек // Актуальные проблемы государственного строительства и управления: Сб. – М.: ГУУ, 2000. – С. 113–130.
7. Балацкий Е.В. О виртуализации экономической науки // Науковедение. – М., 2003. – № 1. – С. 154–167.
8. Балацкий Е.В. О природе экономических открытий: прошлое, настоящее, будущее // Науковедение. – М., 2002. – № 2. – С. 31–50.
9. Балацкий Е.В. Понятие времени в экономической науке // Вестн. Рос. акад. наук. – М., 2005. – Т. 75, № 3. – С. 224–232.
10. Балацкий Е.В. Профессиональное сообщество экономистов: западная и российская модели // Вестн. Рос. акад. наук. – М., 2006. – Т. 76, № 1. – С. 38–43.
11. Балацкий Е.В. Функциональные свойства институциональных ловушек // Экономика и матем. методы. – М., 2002. – Т. 38, № 3. – С. 54–72.
12. Балацкий Е.В. Экономическая наука: новые вызовы современности // Мир. экономика и междунар. отношения. – М., 2006. – № 1. – С. 61–67.
13. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
14. Винер Н. Кибернетика. – М.: Наука, 1983. – 340 с.
15. Гинзбург В.Л. Почему советские ученые не всегда получали заслуженные ими Нобелевские премии? // Вестн. Рос. акад. наук. – М., 1998. – Т. 68, № 1. – С. 51–54.
16. Дедов Л.А. Макроструктурная динамика промышленного комплекса России // Экономика и матем. методы. – М., 2002. – Т. 38, № 3. – С. 3–10.
17. Ибрагимов Р.Х. Государственное регулирование налоговой нагрузки на российские промышленные предприятия: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – М.: ИМЭИ, 2001. – 170 с.
18. Капелюшников Р.И. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию // Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 645–671.
19. Капитоненко В.В. Моделирование процессов сближения внутренних цен с мировыми // Рос. экон. журн. – М., 1997. – № 2. – С. 55–62.
20. Капитоненко В.В. Преимущества вертикальной интеграции в формировании новых организационно-производственных систем (модельный анализ) // Рос. экон. журн. – М., 1994. – № 10. – С. 88–92.

21. Мовшович С.М., Соколовский Л.Е. Выпуск, налоги и кривая Лаффера // Экономика и матем. методы. – М., 1994. – Т. 30, № 3. – С. 129–141.
22. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и матем. методы. – М., 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3–20.
23. Полтерович В.М. Парадоксы российского рынка труда и теория коллективных фирм // Экономика и матем. методы. – М., 2003. – Т. 39, № 2. – С. 210–217.
24. Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и матем. методы. – М., 1998. – Т. 34, № 3. – С. 30–39.
25. Соколовский Л.Е. Налог на добавленную стоимость и предприятие, максимизирующее прибыль // Экономика и матем. методы. – М., 1992. – Т. 28, № 4. – С. 583–588.
26. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – 376 с.
27. Edlund L., Korn E. A theory of prostitution // J. of polit. economy. – Chicago, 2002. – Vol. 110, N 1. – P. 181–214.
28. Goldin C., Katz L.F. The power of the pill: oral contraceptives and women's career and marriage decisions // J. of polit. economy. – Chicago, 2002. – Vol. 110, N 4. – P. 730–770.
29. Polterovich V.M. Rent seeking, tax policy and economic growth // New economic school. – М., 2001. – N 27. – 25 p.

А.А. Храмчихин

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КИТАЯ:
ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ УГРОЗЫ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Рассмотрение проблемы внешних угроз для России, которые не могут сводиться к угрозам чисто военного характера, приводит к выводу о том, что наиболее серьезной из них является китайская угроза. Это сложная и многоплановая угроза, а ее реализация уже в среднесрочной перспективе может привести к утрате Россией значительной части своей территории и природных ресурсов.

За период с 1980 по 2005 г. ВВП Китая вырос в 15 раз и достиг 2,2 трлн. долл. При сохранении существующих тенденций в области экономики Китай в ближайшие 20 лет имеет возможность по абсолютному объему ВВП выйти на первое место в мире, обойдя по данному показателю США [53]. При этом он испытывает целый ряд серьезных экономических и социальных проблем, которые в обозримом будущем могут поставить под угрозу внутреннюю стабильность в стране, если не само ее существование, и которые достаточно сложно решить без внешней экспансии.

Если еще в начале 90-х годов XX в. Китай полностью удовлетворял свои потребности в нефти за счет собственных месторождений (а в 70–80-е годы даже экспортировал нефть), то в 2004–2005 гг. почти 45% потребляемой Китаем нефти было им импортировано (в 2005 г. собственная добыча составила 180,8 млн. т, импорт – 146,5 млн.). Ежегодный прирост импорта нефти превышает 30%. На долю Китая приходится 12% мирового потребления энергии (второе место после США, которые потребляют 24% энергии). К 2025 г. доля импортной нефти в общем потреблении Китая может достичь 75% (450 млн. т при собственной добыче не более 200 млн.) [8, 64]. Сейчас в 21 из 31 региона страны имеет место дефицит энергомоощностей и введены ограничения на потребление электроэнергии. Растущий импорт при растущих ценах создает все

большие проблемы для поддержания положительного платежного баланса, при этом их решение за счет внутренних ресурсов не представляется возможным. Имеет место дефицит и других ресурсов. Производя 4% мирового ВВП, Китай потребляет 7,4% нефти, 31% угля, 30% железной руды, 37% стали, 25% алюминиевого сырья и 40% цемента.

Еще более серьезной является проблема продовольственного обеспечения. В 2004 г. потребление зерна в Китае составило 382 млн. т (США – 278; в 1973 г. – 181 и 178 соответственно). Импорт сельхозпродукции растет более чем на 60% в год [81]. Китай стал крупнейшим импортером пшеницы в мире. Собственное производство зерна постоянно снижается, сейчас оно меньше, чем было в 1992 г., а уровень потребления постоянно растет. Возможностей решения проблемы за счет внутренних ресурсов также нет. Пустыни занимают 810 тыс. кв. км и, по данным ООН, каждый год отвоевают еще не меньше 2,5 тыс. кв. км (по некоторым другим данным – до 3,7 тыс. кв. км), несмотря на проводимые китайскими властями программы рекультивации и восстановления лесов (они были уничтожены в период «культурной революции» в качестве топлива для домен). За последние полтора десятилетия процесс усилился из-за глобальных климатических изменений. В Китай стали чаще вторгаться ураганные ветры. За десять последних лет на севере и востоке страны из-за наступления пустынь опустело 24 тыс. деревень. Разрушение почвы происходит также из-за хозяйственной деятельности людей. В некоторых районах провинции Внутренняя Монголия поголовье скота за 15 лет увеличилось почти в 2 раза – до 1,2 головы на гектар. При такой нагрузке растительность просто не успевает восстанавливаться. Если в начале 80-х годов XX в. на одного жителя Китая приходилось 0,1 га пахотной земли, то сейчас – менее 0,07 га. Скрытая безработица на селе, где проживает почти 1 млрд. из 1,3 млрд. граждан КНР, достигает, по западным оценкам, 200 млн. человек [12, 53]. Между тем, как бы не сдерживало правительство рост населения, он продолжается, а земель, учитывая истощение почв в традиционных сельскохозяйственных районах и передачу их под другие цели, становится все меньше. Пытаясь решить проблему интенсификации производства, правительство поощряет внедрение новых технологий, в том числе таких, которые в иных странах считаются рискованными (например, генномодифицированные растения). Это, с одной стороны, не решает проблему насыщения даже внутреннего рынка, не говоря уже об экспорте, с другой – приводит к дальнейшему увеличению безработицы на селе. Уровень механиз-

ции сельхозпроизводства близок к нулю, но изменение ситуации еще больше увеличит безработицу. Вступление Китая в ВТО открывает рынки для иностранных производителей зерна, цены которых на 15–20% ниже внутрикитайских, что делает собственное производство нерентабельным [11].

Весьма серьезной является в Китае экологическая проблема. По мнению многих экспертов, если рост китайского ВВП считать с учетом ущерба, нанесенного окружающей среде, то он будет составлять не 8–14%, а 1–3% в год, а в отдельные годы имел место не рост, а падение ВВП. Особенно серьезна ситуация с питьевой водой. На единицу ВВП китайская промышленность тратит в 4 раза больше воды, чем в среднем в мире. Считается, что пять из семи основных водных систем Китая настолько загрязнены, что опасны для здоровья человека при любом контакте. Вокруг Пекина вода непригодна для употребления на глубине до 1 км. В целом в городах Китая не хватает около 6 млрд. кубометров пресной воды, из 660 городов более 400 страдают от нехватки воды, причем в 136 – от очень острой. Более 360 млн. человек потребляют воду, не отвечающую санитарным нормам, официально зарегистрировано 120 млн. случаев заболевания гепатитом В. До 30 млн. человек являются «экологическими беженцами». По официальным данным, сброс неочищенных сточных вод в 2001 г. составил 42,8 млрд. т, в 2004 – 48,2 млрд. т. Треть территории страны страдает от кислотных дождей, о чем в августе 2006 г. официально заявил заместитель председателя постоянного комитета Государственного совета КНР Шен Хуарень. По сравнению с 2000 г. в 2006 г. выброс диоксида серы, вызывающего образование кислотных дождей, вырос на 27% [38, с. 350, 74].

В силу указанных причин на селе растет социальная напряженность. Опустынивание и отъем сельхозземель для промышленных и других целей ведет к росту безработицы и выступлениям крестьян против режима. Так, по официальным данным Министерства общественной безопасности КНР, в 1994 г. было 10 тыс. акций протеста, 2003 – 58 тыс., 2004 – 74 тыс., 2005 – 87 тыс. Число участников выступлений приблизилось к 5 млн. человек [38, с. 300–303]. В сельской местности отсутствуют социальные блага, включая бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование (школы и поликлиники сельские общины должны содержать за свой счет, что в 95% случаев невозможно по финансовым причинам). Растет разрыв между городом и деревней. За 1998–2005 гг. доходы горожан выросли на 74%, крестьян – на 2,5%. В итоге раз-

ница в доходах горожан и крестьян в Китае, возможно, самая большая в мире: по официальным данным, более чем трехкратная, по альтернативным – до 60–80 раз [26, 37, 44, 52, 78, 80]. При этом в китайской истории есть очень богатые традиции крупномасштабных крестьянских восстаний, продолжавшихся годами (или даже десятилетиями), охватывавших всю страну.

Весьма специфические проблемы вызывает принцип «одна семья – один ребенок», которому Китай вынужден следовать из-за крайней перенаселенности. Хотя страна занимает третье место в мире по размерам территории (после России и Канады), почти весь запад практически непригоден для жизни (он занят пустынями и самыми высокими на Земле горами). Подавляющее большинство населения сосредоточено в юго-восточной части, что приводит к непомерно большой нагрузке на инфраструктуру и окружающую среду. Таким образом, руководство страны вынуждено вводить жесткие ограничения на рождаемость. При этом система пенсионного обеспечения практически отсутствует (она есть только в городах, причем и там охватывает лишь незначительную часть пенсионеров). Ранее ее заменяла помощь многочисленных детей, в первую очередь сыновей (китайская культурная традиция до сих пор требует, чтобы сын приводил жену в дом родителей, но не наоборот) [62]. Поэтому теперь большинство китайских семей стремится иметь сына в качестве единственного ребенка (благодаря возможности определения пола ребенка до рождения). Это приводит к перекосу в половой структуре населения. Мальчиков рождается на 20–30% больше, чем девочек, причем разрыв увеличивается («нормальное» превышение мальчиков над девочками составляет 4–6%). При сохранении подобных тенденций в 2020 г. в Китае будет как минимум на 40 млн. молодых мужчин больше, чем женщин аналогичного возраста, что само по себе станет серьезнейшей социальной проблемой. Можно отметить, что в мировой истории аналогичных ситуаций не было. Во многих странах после больших войн имел место существенный перевес женщин над мужчинами, но никогда наоборот. Соответственно, нет возможности использовать мировой опыт.

Таким образом, перед страной стоят чрезвычайно серьезные проблемы, имеющие тенденцию усугубляться. При этом нельзя не отметить, что китайская цивилизация является единственной древней цивилизацией, дожившей до наших дней с сохранением юридической преемственности и генофонда (все остальные древние цивилизации Европы, Ближнего Востока и Южной Америки, в

отличие от китайской, сегодня являются не более чем историко-археологическими объектами). Она прошла через очень серьезные испытания, продемонстрировав уникальную выживаемость. Нет оснований сомневаться в том, что эта способность не утрачена китайцами до сего дня. Все указанные проблемы достаточно сложно решить, не прибегая к внешней экспансии. Фактически китайское руководство не скрывает своих экспансионистских устремлений.

Вооруженные силы (ВС) Китая строятся в соответствии с концепцией «стратегических границ и жизненного пространства», которая разработана для обоснования и правомочности ведения наступательных боевых действий. Концепция основана на той точке зрения, что рост населения и ограниченность ресурсов вызывают естественные потребности в расширении пространства для обеспечения дальнейшей экономической деятельности государства и увеличения его «естественной сферы существования». Предполагается, что территориальные и пространственные рубежи обозначают лишь пределы, в которых государство с помощью реальной силы может «эффективно защищать свои интересы». «Стратегические границы жизненного пространства» должны перемещаться по мере роста «комплексной мощи государства». Концепция подразумевает перенесение боевых действий из приграничных районов в зоны «стратегических границ» или даже за их пределы, при том, что причинами военных конфликтов могут стать сложности на пути «обеспечения законных прав и интересов Китая в АТР¹».

Долговременная программа строительства вооруженных сил Китая состоит из трех этапов. По окончании первого (2000) ВС достигли способности защитить жизненные интересы государства, в том числе путем успешного ведения локальных войн низкой и средней интенсивности по всему периметру границы, а также «эффективно сдерживать и устрашать потенциальных противников». На втором этапе (2010) ВС должны превратиться в силу, «гарантирующую расширение стратегических границ и жизненного пространства». На третьем этапе (2050) должны быть созданы ВС, способные «одержать победу в войне любого масштаба и продолжительности с использованием всех средств и способов ведения вооруженной борьбы» [3, 69].

Хотя указанная концепция не называет прямо направление, в котором будут расширяться «стратегические границы жизненного

¹ АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион.

пространства» Китая, достаточно очевидно, что это может быть только Россия, в первую очередь ее восточные регионы, прилегающие к границе с Китаем, а также Центральная Азия, прежде всего Казахстан. Восточная Сибирь и Дальний Восток РФ занимают гигантскую территорию и имеют природные ресурсы при очень небольшом, причем быстро сокращающемся населении. Аналогичная ситуация в Казахстане. В Индокитае (другом потенциальном направлении китайской экспансии) ситуация во всех отношениях является прямо противоположной (мало территории и ресурсов при высокой плотности коренного населения). Индия в качестве направления экспансии, разумеется, рассматриваться не может по причинам географического (между Китаем и Индией лежат Гималаи), демографического (население Индии почти равно китайскому при гораздо меньшей площади территории) и военного (Индия имеет очень мощные ВС, ядерное оружие и средства его доставки) характера.

В настоящее время Китай ведет активное политическое, экономическое и военное проникновение во многие ключевые регионы Азии, Африки и Латинской Америки. В определенной степени он выступает в роли «нового СССР», возглавляющего некий «антиамериканский фронт» и становящегося «опекуном» развивающихся стран. При этом Китай ведет себя гораздо прагматичнее, чем бывший Советский Союз. Он может легко оперировать левой и антиимпериалистической риторикой, преследуя чисто практические интересы без всякой идеологической нагрузки. В той или иной степени союзниками Китая являются или становятся Пакистан, Мьянма, КНДР, Таиланд, Иран, Саудовская Аравия, Туркмения, Судан, Нигерия, Ангола, Чад, Куба, Венесуэла, Белоруссия и др. В перспективе представляется весьма вероятным сближение Китая с ЮАР. Эти страны располагают значительными природными ресурсами, демографическим и военным потенциалом, занимают выгодное стратегическое положение, а режимы большинства из них (в перспективе – всех) готовы поддержать Пекин в противостоянии с США. Сближение с указанными странами имеет со стороны Пекина подчеркнуто неконфронтационный (по отношению к США, РФ, Европе), но очень упорный и последовательный характер.

Особое внимание Китай уделяет Ближнему и Среднему Востоку. Пакистан на протяжении как минимум 40 лет является его важнейшим стратегическим союзником. Характер отношений между Пекином и Эр-Риядом менее очевиден, однако есть основания думать, что они гораздо теснее, чем принято считать, причем Пакистан

является в данном случае «связующим звеном». Китай, Пакистан и Саудовская Аравия вместе с США и Великобританией в 80-е годы XX в. были членами неформальной антисоветской коалиции во время присутствия советских войск в Афганистане, при этом Пакистан служил основной базой этой коалиции. Пакистанская ядерная программа была осуществлена на саудовские деньги при существенной технологической поддержке Китая [43, 47].

Весьма симптоматичным является факт приобретения Саудовской Аравией в Китае в те же 80-е годы ракет средней дальности «Дунфэн-3», которые до сего дня являются единственным оружием незападного происхождения в арсенале саудовских ВС [28, 61]. Это единственный в истории прецедент продажи оружия такого класса из одной страны в другую. Ракеты могут нести как ядерную, так и обычную боевую часть (БЧ), при этом хорошо известно, что использование ракет средней дальности в неядерном снаряжении неэффективно. Поэтому нельзя исключать, что ядерные БЧ для саудовских ракет либо уже поставлены Китаем, либо могут быть поставлены в ближайшее время (другим возможным вариантом является приобретение Саудовской Аравией ядерных БЧ в Пакистане [88]). В абсолютной конфиденциальности подобной сделки можно не сомневаться, учитывая закрытый тоталитарный характер режимов как в Пекине, так и в Эр-Рияде. Следует отметить также, что министр обороны Саудовской Аравии принц Султан ибн Абдель Азиз аль Сауд (в настоящий момент он имеет статус наследного принца) уже сегодня является сторонником переориентации своей страны с США на Китай [92, 95].

В настоящее время на Ближнем и Среднем Востоке складывается ситуация, когда полный уход оттуда США становится все более вероятным. По целому ряду причин американская политика демократизации стран данного региона дает почти исключительно обратный эффект: происходит рост внутреннего сепаратизма и исламского экстремизма. Кроме того, военная организация США оказалась неадекватна тем задачам, которые ставит перед ней политическое руководство страны. Основной причиной этого является наемный принцип комплектования, который, как показывает мировая практика, приемлем лишь в случаях, если армия либо вообще не собирается вести войну, либо проводит лишь крайне ограниченные по масштабу операции не столько военного, сколько полицейского характера. Если же армии, комплектуемой по найму, приходится вести крупномасштабную войну с большими потерями, это рано или поздно ведет к психологическому слому личного состава, рез-

кому уменьшению притока новобранцев и еще более резкому падению качества (в первую очередь интеллектуального уровня) этих новобранцев. Ситуация усугубляется в том случае, если речь идет об армии высокоразвитой демократической страны, где отсутствует монополия на пропаганду, а молодые люди имеют большое количество альтернативных вариантов при выборе работы. В итоге, если в 50–60-е годы XX в. ВС США были способны вести одновременно «две с половиной войны» (с СССР, Китаем, какой-либо развивающейся страной Азии, Африки или Латинской Америки), в 70–80-е – «полторы войны» (тоже, но без Китая), то сегодня, достигнув огромного технологического превосходства над ВС всех остальных стран, они, тем не менее, могут одновременно вести лишь «половойны» (если речь не идет о чисто воздушных кампаниях с заведомо ограниченными целями).

В том случае, если Америке придется уйти из указанных регионов, это будет воспринято как поражение США. На Ближнем и Среднем Востоке возникнет «вакуум силы», усугубленный тем, что как минимум две страны (Ирак и Афганистан) превратятся по сути в географические понятия, подобно Ливану в 70–80-е годы, станут «питомниками» для террористов. Возможна ситуация «войны всех против всех» как между странами региона, так и внутри самих стран. В итоге единственной силой, способной стабилизировать ситуацию в регионе, окажется Китай. Он заменит в этом качестве США, формально никак не способствуя их уходу из региона.

Учитывая быстро развивающиеся связи Китая с Нигерией, Анголой и Венесуэлой, мировой рынок нефти и газа может со временем оказаться, в основном, под контролем Пекина.

Благодаря наличию новых союзников Китай может обеспечить диверсификацию источников сырья и создать серьезное напряжение для США по всему миру. Нельзя исключать появления, по крайней мере в некоторых из перечисленных стран, китайских военно-морских баз, на которых будут размещены в первую очередь подводные лодки. Это создаст очень сильную потенциальную угрозу для морских коммуникаций западных стран. При этом, однако, военно-морские силы (ВМС) Китая в обозримой перспективе не способны обеспечить поставки энергоресурсов морским путем из отдаленных регионов мира, если им придется противостоять американским ВМС. Кроме того, все указанные страны не могут служить объектом демографической экспансии Китая хотя бы из-за отсутствия общей границы с ним. Полномасштабная экспансия,

обеспечивающая решение всех вышеописанных проблем, возможна только в сопредельные страны, с которыми обеспечены надежные наземные коммуникации.

То, что экспансия Китая будет вестись главным образом в направлении России, подтверждается как ведущейся в этой стране официальной пропагандой, так и характером военного строительства. Следует подчеркнуть, что в стране вся полнота власти остается в руках коммунистической партии, поэтому как официальная пропаганда, так и научные труды находятся под полным контролем партийных органов и отражают исключительно официальную точку зрения.

В настоящее время официальная китайская историография рассматривает действия России в отношении Китая, начиная с XVII в., исключительно как агрессию, а все договоры, кроме Нерчинского (он был заключен 27 августа 1689 г., в соответствии с ним граница между Россией и Китаем существенно отличалась от нынешней, Китаю по этому договору принадлежали, если следовать нынешнему административному делению РФ, Амурская и часть Читинской области, Приморский и юг Хабаровского края, Еврейская автономная область), – «неравноправными» и «несправедливыми». Во многих источниках даже Нерчинский договор считается уступкой со стороны Китая [85, 86]. Так, если после его подписания в 1689 г. в отчете высшего правительственного органа Цинской империи (Верховного совета) императору Кан Си признавалось, что «земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав Ваших владений» [32, с. 10], то в книге Академии военных наук КНР «Военная история Китая» (1992) говорится: «Царская Россия, воспользовавшись “Нерчинским договором”, уступленный китайской стороной район к востоку от Байкала до Нерчинска включила в состав своей территории. Факты свидетельствуют, что царская Россия – агрессор, Китай – жертва агрессии. Китай в тех исторических условиях не мог не пойти на серьезные уступки, а царская Россия извлекла для себя серьезные выгоды».

Впервые территориальные претензии Китая к СССР были предъявлены в начале 60-х годов XX в. На консультациях в Пекине по поводу уточнения границы в 1964 г. Китай официально заявил, что 1540 тыс. кв. км отторгнуто Россией по неравноправным договорам, в том числе по Айгуньскому – более 600 тыс., по Пекинскому – более 400 тыс. В июле 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с группой японских социалистов заявил: «Примерно 100 лет назад район к

востоку от Байкала стал территорией России, с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру» [20]. 8 октября 1969 г. МИД Китая потребовал от СССР «подтвердить, что договоры о нынешней китайско-советской границе являются неравноправными договорами» [20]. В 1989 г. Дэн Сяопин заявлял, что «в результате заключения неравноправных договоров Россия захватила 1,5 млн. кв. км китайской территории» [23].

В конце 80-х Институт новой истории Академии общественных наук (АОН) Китая выпустил фундаментальный четырехтомный труд «История агрессии царской России в Китае». В нем, в частности, говорится, что «русская экспансия» была остановлена в XVI в. на рубеже «Енисей – верховья Лены – Байкал». Экспедиции первопроходцев (Пояркова, Хабарова и др.) являются «первыми случаями вторжения русских в пределы Китая, которые принесли неисчислимы страдания местному населению» [85, 86].

Несмотря на официальные заявления китайских властей о том, что никаких территориальных проблем между РФ и Китаем сегодня нет, содержание пропаганды не меняется, что означает возможность предъявления претензий в любой момент и моральную подготовку собственного населения к этому моменту. Пропаганда находит достаточно широкую поддержку в китайском обществе.

В качестве примера можно привести цитату из работы второй половины 90-х годов «И все-таки Китай способен сказать “нет”, написанной группой молодых журналистов и политологов: “Китайцы зарезервировали за собой право памяти, право возвращаться ко всему этому, т.е. оставили за собой если не право взыскивать, то право вспоминать.

...если бы Хайшэньвей (Владивосток) по-прежнему находилась бы в наших руках, тогда мы обладали бы нашей самой северной великолепной гаванью... а это в громадной степени способствовало бы процветанию нашего Северо-Восточного Китая... тогда честное и трудолюбивое население Китая распространилось бы на самые обширные и на более всего заслуживающие освоения районы Северо-Восточной Азии; процветание же этой части СВА явилось бы радостным известием и для народа России”» [20].

Совершенно свободно функционируют сайты китайского Интернета (www.unitedcn.com, www.china-hero.org, www.centralnation.com и др.), призывающие к отторжению у России «исконно китайских территорий» тем или иным способом (экономическим, демографическим,

военным). На них изображены карты Китая, где в состав страны включены территории РФ (по Нерчинскому договору, а также Тыва, принадлежавшая Китаю до 1911 г. под названием Урянхайский край), вся Монголия, значительная часть территории Казахстана, почти вся Киргизия, почти весь Таджикистан. Руководителей КНР, заявляющих об отсутствии территориальных претензий к РФ (в частности, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао) называют на этих сайтах предателями. Следует отметить, что Китай входит в число стран, власти которых осуществляют жесткую цензуру на контент Интернета (система этой цензуры является самой сложной в мире). В частности, из поисковых систем исключаются запросы по таким темам, как «события на площади Тяньаньмэнь», «власть КПК», «секта Файлуныгунь», «независимость Тайваня и Тибета», «деятельность далай-ламы». Только в 2005 г. за высказывания в Интернете было арестовано и осуждено 62 гражданина КНР. Это означает, что население не имеет возможности обсуждать темы, которые китайское руководство считает противоречащими интересам страны. Следовательно, если тема территориальных претензий к РФ обсуждается свободно, причем в связи с ней допускается даже жесткая критика партийного и государственного руководства, она, как минимум, не противоречит политике КПК, как максимум – отражает эту политику.

Следует отметить, что никакими реальными историческими фактами китайские территориальные претензии не подкреплены [20]. Как было указано выше, даже те территории, которые отошли к Китаю по Нерчинскому договору, не осваивались им не только до подписания договора, но и после него. На момент подписания Нерчинского договора северная граница самого Китая проходила по Великой стене, а границей Маньчжурии, незадолго до этого оккупировавшей Китай, был так называемый «Ивовый палисад» – система укреплений, самой северной точкой которой был Шэньян [57]. Следовательно, никаких реальных территориальных уступок России Китай не делал никогда. Даже по Пекинскому договору 1860 г., установившему нынешнюю границу, Китай передал России территорию, которую до этого не пытался осваивать (там проживало не более 3 тыс. маньчжуров и китайцев, которые тогда считались разными нациями, на площади немногим менее 1 млн. кв. км), что было признано в ответе китайской стороны от 20 июля 1859 г. по поводу заключения Айгуньского и Тяньцзиньского договоров (они предшествовали Пекинскому): «Наш великий государь дал пустые земли по левому берегу Амура для жилья бесприютному народу» [32, с. 22].

Что касается создания ВС Китая, то, согласно пекинской военной доктрине, с середины 60-х годов СССР рассматривался как «враг № 1», в связи с чем в соответствующем духе осуществлялось военное строительство и проводилась идеологическая обработка населения. После развала Советского Союза китайское руководство внесло коррективы в свою военную доктрину. Сегодня в отношении России используются такие термины, как «безусловный враг» и «воинственная сила». В перечне врагов она переместилась на третье место. Первое заняли Соединенные Штаты («открытый враг»), второе – Япония («сильный, процветающий враг», «вероятный противник № 1» среди стран Азии). С государствами, занимающими ранговые места врагов с первого по пятое (включая и Россию), «имеется непосредственная угроза войны» [59].

Из семи военных округов Китая наиболее мощными являются округа со штабами в Пекине и Шэньяне, прилегающие к границе с РФ (первый ориентирован на Сибирский военный округ ВС РФ, второй – на Дальневосточный). На них приходится четыре из девяти танковых и шесть из восьми механизированных дивизий, шесть из 14 танковых бригад сухопутных войск. Народно-освободительная армии Китая (НОАК – официальное название китайских ВС). Еще две танковые дивизии и одна бригада входят в состав округа со штабом в Ланьчжоу (занимает западную часть страны, ориентирован на Центральную Азию и Монголию), одна танковая, одна механизированная дивизия и две танковые бригады – в состав округа со штабом в Цзинане, который является стратегическим резервом для всех округов. Остальные подвижные соединения входят в состав Нанкинского военного округа, ориентированного на захват Тайваня. Наиболее слабыми являются округа со штабами в Чэнду и Гуаньчжоу, прилегающие к границам с Индией и Индокитаем. Они, в частности, не имеют ни одной танковой и механизированной дивизии, то есть на южном направлении китайское командование не предполагает вести какие-либо наступательные действия.

Китай, как США и РФ, может производить всю существующую номенклатуру вооружения и военной техники. В частности, в КНР созданы межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), причем как шахтного, так и мобильного базирования. К последним относятся МБР «Дунфэн-31», производство которых развернуто в последние годы. В ближайшей перспективе китайские МБР могут быть оснащены разделяющимися головными частями (сегодня все они являются моноблочными). Считается, что количество МБР

«Дунфэн-5» у Китая не превышает 50 (кроме того, начали поступать на вооружение первые образцы МБР «Дунфэн-31» и «Дунфэн-41»), однако точные размеры китайского ракетно-ядерного арсенала и его дислокация неизвестны. Часть ракет размещается в тоннелях и пещерах, что делает их практически неуязвимыми от превентивного, либо ответного удара с применением как ядерного, так и обычного высокоточного оружия. При этом следует отметить, что из-за наличия сухопутной границы большая часть китайских баллистических ракет по отношению к России являются стратегическими. В частности, в зоне досягаемости ракеты средней дальности «Дунфэн-4» (их количество оценивается в 20–25 единиц) Москва оказывается даже в том случае, если запуск ракеты производится из района Шэньяна (один из самых восточных городов Китая). Ракета средней дальности «Дунфэн-3» (их количество оценивается в 50–90 единиц), запущенная из района Урумчи, достигает Нижнего Новгорода. То же относится и к новейшей ракете «Дунфэн-21» (не менее 50 единиц). Приморский и Хабаровский края, Забайкалье, Алтайский край и Республика Алтай находятся в зоне досягаемости тактических и оперативно-тактических ракет НОАК («Дунфэн-11», «Дунфэн-15», М-7), численность которых достигает как минимум нескольких тысяч. Морской вариант МБР «Дунфэн-31» JL-2 будет развернут на атомных ракетных подводных лодках (ПЛАРБ – подводные лодки атомные с ракетами баллистическими) пр. (проект) 094. В 2006 г. была введена в строй первая ПЛАРБ. Всего предполагается построить от двух до четырех. Каждая ПЛАРБ будет нести 16 JL-2. Общее количество межконтинентальных баллистических ракет наземного и морского базирования к 2010 г., даже по официальным китайским данным, должно составить не менее 200 единиц [7, 29, 54, 70].

По численности личного состава ВС Китая занимают первое место в мире (2,25 млн. человек, мобилизационные ресурсы – 208,1 млн. человек), по числу танков (7,6 тыс.) – третье (после РФ и США), по числу боевых самолетов (ок. 4 тыс.) – второе (после США), по суммарному числу атомных многоцелевых (ПЛА – подводная лодка атомная) и дизельных подводных лодок (ПЛ) – первое. Слабой стороной ВС Китая является архаичность: большая часть В (вооружения) и военной техники (ВТ) (более 80% танков, более 90% боевых самолетов) не отвечает современным требованиям. Однако в последнее время Китай достаточно быстро улучшает качественный состав своих ВС, закупая в России наиболее современные образцы В и ВТ (истребители Су-27 и Су-30, зенитно-

ракетные комплексы (ЗРК) «Тор» и С-300ПМУ, ПЛ пр. 877 и 636, эсминцы (ЭМ) пр. 956, противокорабельные ракеты (ПКР) «Москит» и т.д.). Производится также собственное оружие, являющееся, как правило, своеобразным синтезом российских и западных технологий (например, танк Туре-96, истребитель J-10). Кроме того, Китай всеми легальными и нелегальными путями приобретает новейшие военные технологии (как в РФ, так и на Западе) [2, 4, 13, 14, 19, 40, 45, 46, 48, 51, 63, 72, 73, 83, 89, 93, 94, 96, 97]¹. Весьма высока вероятность того, что в ближайшие годы страны ЕС снимут эмбарго на поставки В и ВТ в Китай. В этом случае КНР, видимо, будет приобретать в Европе в ограниченных количествах наиболее современное оружие с целью, в первую очередь, изучения и дальнейшего копирования технологий. Не исключены массовые закупки средств связи и РЭБ (радиоэлектронная борьба), оптических приборов, радиолокационной и гидроакустической техники и другого оборудования, не являющегося оружием, но значительно повышающего эффективность его применения.

Военно-техническое сотрудничество России и Китая носит характер «выкачивания» из России новейших технологий. Так, подписав соглашение о лицензионном производстве в Китае 200 истребителей J-11 (Су-27), Китай закупил в России комплектующие для 105 самолетов и отказался от остальных 95, что привело к существенным убыткам российских предприятий ВПК, участвовавших в этом проекте. Судя по всему, таким способом Пекин «выбивает» у Москвы доступ к технологии производства истребителя пятого поколения. Достаточно симптоматично, что, приобретая в РФ Су-27, Китай закупал к ним по три комплекта запасных двигателей, что достаточно странно в случае, если между странами в будущем подразумевается сохранение отношений «стратегического партнерства» [34–36, 41, 49, 55, 58, 60].

При этом следует отметить, что военное строительство в Китае отличается от военного строительства в бывшем СССР гораздо большей адекватностью. Китайское руководство не собирается заниматься бессмысленным наращиванием вооружений и боевой техники, надрывающим собственную экономику. Освоив производ-

¹ См. также издания Jane's Information Group (Jane's All the World's Aircraft, Jane's Amphibious and Special Forces, Jane's Armour and Artillery, Jane's Fighting Ships, Jane's Infantry Weapons, Jane's Land-Based Air Defense, Jane's Missiles and Rockets, Jane's Naval Weapon Systems, Jane's Strategic Weapon Systems, Jane's World Air Forces, Jane's World Armies).

ство современных образцов В и ВТ, китайский ВПК выпускает их в ограниченном количестве (например, танков Туре-96 произведено не более 1 тыс., дальнейшее производство пока, видимо, не планируется). С одной стороны, это означает, что ВПК способен при необходимости выпускать данный образец В и ВТ в необходимых количествах, с другой – позволяет ограничивать военные расходы, не омертвляя средства госбюджета.

В обозримой перспективе в Китае, судя по всему, будет создаваться «двухкомпонентная» армия. Первой из них станет относительно небольшая (по китайским меркам) современная высокотехнологичная армия, способная успешно противостоять ВС США, РФ, Японии и Индии, не говоря уже о любой другой стране. Она составит примерно 15% общей численности НОАК (имеется в виду численность до мобилизации). Для этой армии будут в максимальной степени учитываться новейшие американские концепции военного строительства, в частности концепция «сетцентрической войны». Упор будет сделан на информационном обеспечении войск данными о боевой обстановке в реальном масштабе времени с немедленным применением оружия по выявленным целям. При этом все составные части армии вплоть до отдельных боевых машин будут представлять собой единую информационную сеть. Значительное внимание будет уделено воздействию на «нервные узлы» вражеской армии, под которой, в первую очередь, подразумеваются ВС США (при этом командование НОАК понимает, что, обеспечив возможность успешно вести боевые действия против американской армии, оно тем более победит любую другую армию). Речь идет об электронном и огневом поражении командных пунктов, искусственных спутников земли, центров связи противника, а также о мерах по дезинформации и маскировке. В частности, уже сейчас в Китае создаются для этой цели подразделения «хакеров». Кроме того, КНР, подобно США, будет активно развивать Силы специального назначения, а также подводный флот, который уже сегодня является крупнейшим в мире [22, 30, 66, 67, 75, 79]. Если Китай создаст военно-морские базы в Мьянме, Пакистане, какой-либо из стран Персидского залива, Танзании, ЮАР, Нигерии, Венесуэле, на Кубе, разместив там часть подводных сил, он будет иметь потенциальную возможность парализовать морскую торговлю по всему миру, что станет важнейшим средством психологического воздействия на страны Запада. При этом уже сегодня Китай фактически контролирует такой важнейший узел морских коммуникаций, как Панам-

ский канал. С 2000 г. портами канала управляет гонконгская (то есть фактически китайская) фирма Hutchison Whampoa. Ее владельцем является один из богатейших людей мира, гонконгский бизнесмен Ли Цзячен, известный хорошими отношениями с китайским генералитетом [16, 25, 42, 68].

Вторым компонентом НОАК будет гигантская «традиционная» армия, позволяющая «задавить массой» любого противника в ходе как наступательных, так и оборонительных (противодесантных) операций в пределах Евразии. Для такой армии не существует психологической проблемы потерь (как противника, так и своих) как из-за особенностей китайского менталитета, так и из-за неисчерпаемости людских ресурсов. В большинстве случаев единственным эффективным способом борьбы против нее является массированное применение тактического ядерного оружия. Однако нельзя не учитывать, что Китай тоже имеет такое оружие, то есть существует возможность адекватного ответа с его стороны. Подобное сочетание обеспечит Пекину максимальную свободу внешнеполитического маневра, позволяя, в соответствии с учением Сунь-Цзы [71], выигрывать любую войну до ее начала. Составной частью реализации этого учения будет ведение информационной войны, чему руководство НОАК сегодня уделяет очень большое внимание.

Следует отметить, что значимость психологической войны была осознана в Китае гораздо раньше, чем в Европе. Из древних китайских военных трактатов следует, что в штабе китайской армии в начале нашей эры 25% сотрудников отвечали именно за ведение психологической войны. Сегодня руководство КНР считает, что принцип совершенствования информационных технологий и информационного оружия должен лежать в основе процесса модернизации всей военной организации государства. Психологическая война рассматривается китайскими специалистами как столкновение восточной и западной культуры, стремление навязать другим народам свою систему ценностей. Наиболее эффективная стратегия такой войны состоит в том, чтобы противник утратил способность к принятию управленческих решений. При этом особый упор делается на ведении психологической войны в мирное время [1].

Очевидно, что ближайшей политической и военной целью Пекина является воссоединение материкового Китая с Тайванем. Для него предпочтительным вариантом является присоединение Тайваня мирным путем, однако при невозможности его реализации

Китай не остановится и перед военным вариантом. Есть основания полагать, что Пекин намеревается присоединить Тайвань до 2010 г.

Мирный вариант присоединения Тайваня, разумеется, наиболее выгоден для Пекина. Он обеспечит мгновенный очень значительный прирост экономической, финансовой, технологической и военной мощи объединенного Китая и колоссальный рост его международного престижа. Для реализации плана мирного присоединения Тайваня Пекин действует по нескольким направлениям. Во-первых, в качестве «приманки» сохраняется принцип «одна страна – две системы» применительно к Гонконгу. Пекинская пропаганда предлагает применить этот принцип и к Тайваню, хотя есть некоторые основания подозревать, что, если Тайвань пойдет на объединение, указанный принцип очень быстро утратит силу и для него, и для Гонконга. Во-вторых, КПК активно воздействует на оказавшийся в последнее время в оппозиции на Тайване Гоминьдан. Руководство этой партии выступает против независимости Тайваня, считая именно себя легитимной властью «всего Китая». Однако, поскольку возможность установления власти Гоминьдана в Пекине сегодня представляется откровенно иллюзорной, партия стремится вернуться к власти хотя бы в Тайбэе, используя при этом финансово-пропагандистский ресурс КПК, но одновременно превращаясь в «пятую колонну» Пекина на острове. В-третьих, Пекин несколько лет назад допустил в страну тайваньский капитал. Его вложения в экономику материкового Китая сегодня превысили 100 млрд. долл. [31, 65], что сделало большинство крупнейших тайваньских бизнесменов заложниками политики Пекина. Руководство Китая может в любой момент произвести внесудебную конфискацию тайваньских капиталов, что вынуждает большинство бизнесменов острова выступать в поддержку объединения.

Силовой вариант объединения также не исключен [27]. Еще в середине 90-х годов XX в. НОАК не имела возможности для захвата Тайваня, так как ее ВВС и ВМС в целом не имели превосходства над ВВС и ВМС Тайваня (количественное превосходство НОАК в боевых самолетах, ПЛ и боевых катерах компенсировалось превосходством Тайваня в крупных надводных кораблях, а также качественным превосходством В и ВТ во всех компонентах). В последние годы при помощи РФ Китай очень быстро ведет количественное и качественное наращивание своих ВВС и ВМС. В настоящее время авиация и флот страны получили некоторое превосходство над тайваньскими даже по количеству современных образцов, а с учетом

многочисленных устаревших самолетов, ПЛ, кораблей и катеров преимущество НОАК становится подавляющим (устаревшая техника, несмотря на низкую эффективность, создает «эффект массы», вызывая быстрое истощение оборонительных средств противника). Абсолютного превосходства Китай достиг в классе тяжелых истребителей и истребителей-бомбардировщиков. Более чем 300 J-11/12 (Су-27/30) противостоят лишь легкие истребители F-16, «Мираж-2000» и «Чжунго» ВВС Тайваня (всего немногим более 300). При этом Китай имеет свои современные легкие истребители J-10 и новые модификации более старых истребителей J-7 и J-8 (всего до 1000 машин). Значительное превосходство достигнуто Китаем по современным дизельным ПЛ (12 против двух). Тайвань на сегодняшний день не имеет аналогов китайских эсминцев российской постройки пр. 956 и средств защиты от ПКР «Москит», которыми они вооружены. Резко возросли десантные возможности НОАК (как на море, так и в воздухе) [84, 87]. Имеет место тенденция к дальнейшему росту превосходства ВВС и ВМС Китая над ВВС и ВМС Тайваня, поскольку Китай закупает и производит В и ВТ более быстрыми темпами, чем Тайвань. Поэтому возможность отразить удар с материка без помощи США для Тайваня становится все более проблематичной [6, 9, 10, 14].

Что касается США, то еще десять лет назад они гарантированно обеспечивали защиту Тайваня в военном плане почти без потерь со своей стороны, при этом имели политическую волю для проведения такой операции. Сегодня, а также в ближайшем будущем ВВС и ВМС США сохраняют возможность отразить китайское вторжение на остров. Задействовав большую часть своих ВМС (не менее пяти авианосных соединений, не менее 20 многоцелевых ПЛА) и перебросив на Тайвань силы и средства ПВО (ЗРК «Пэтриот» и 2–3 авиакрыла истребителей F-15 либо, в перспективе, F-22), ВС США смогут «выбить» большую часть ВВС и ВМС Китая, лишив их возможности высадить на острове десант, но неизбежно понесут заметные потери в авиационном, а возможно, и в корабельном составе [90, 91]. Это резко снижает вероятность участия США в такой операции по причинам политического характера. Уже сегодня в американской политике проявляются тенденции к ухудшению отношений с действующим президентом Тайваня и ориентации на Гоминьдан, то есть, по сути, к копированию политики самого Пекина. Если же руководство и население Тайваня убедятся в том, что Вашингтон не готов оказывать острову помощь в случае вторжения, практически неиз-

бежна капитуляция Тайваня перед Китаем еще до того, как остров потерпит реальное военное поражение.

Достаточно симптоматичными являются высказывания посла КНР в ООН Ша Цзукана по поводу возможного вмешательства США в конфликт между Китаем и Тайванем, которые он сделал в интервью британской корпорации ВВС в августе 2006 г. В частности, он сказал следующее: «Население Китая в 6 раз больше, чем население США. Так что пусть американцы заткнутся и сидят тихо – так будет лучше для них. У США есть право самостоятельно решать внутренние вопросы, так пусть не суют нос во внутренние вопросы Китая... Вопрос не в том, насколько велик Тайвань. Нам каждый сантиметр китайской земли намного важнее жизни наших солдат» [15]. Последняя фраза данного высказывания свидетельствует о том, что собственные потери не имеют для Китая никакого значения в том случае, если его руководство приняло решение добиться цели.

По ряду косвенных данных можно предположить, что критическим периодом станет осень 2008 г. Китай постарается провести Олимпийские игры в Пекине на максимально высоком организационно-техническом уровне и убедительно победить в них. После этого в мировом общественном мнении на некоторое время возникнет своеобразный эффект «сверхлегитимации Китая», представшего в образе новой сверхдержавы-победителя. В сочетании с происходящими в этот момент выборами президента США, на которых нынешняя республиканская администрация имеет очень большие шансы проиграть, для Пекина возникнет идеальная ситуация для предъявления Тайбэю ультиматума с требованием немедленного объединения. А в этом случае очень высока вероятность того, что он станет «предложением, от которого невозможно отказаться». Тем более, что Китай развернет полномасштабную информационно-психологическую войну против острова, сочетая запугивание его жителей войной или, как минимум, полной морской и воздушной блокадой (это чрезвычайно серьезная угроза, учитывая очень высокую зависимость Тайваня от импорта, в частности, по продовольствию на 90%), с рекламой привлекательности объединения с новой экономической, политической, военной и спортивной сверхдержавой. Вполне вероятно, что к этому моменту нынешний президент Тайваня Чень Шуйбянь будет дискредитирован в глазах общественности острова с помощью умело инспирированного коррупционного скандала, что позволит Гоминьдану вернуть себе как исполнительную, так и законодательную власть [5].

Чрезвычайно показательным является тот факт, что Китай весной 2002 г. (менее чем через год после получения права на проведение Олимпийских игр в Пекине) заказал в России восемь новейших ПЛ пр. 636 с условием поставки всех восьми до 2007 г. Для выполнения этого заказа пришлось задействовать сразу три судостроительных завода (в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Северодвинске). Такая спешка, не имеющая аналогов в практике военнотехнического сотрудничества РФ и КНР да и вообще в современной торговле оружием, однозначно свидетельствует о том, что Пекин планирует боевое применение своих ВМС в конце текущего десятилетия, причем главной ударной силой станет подводный флот (он будет применяться для блокады Тайваня, борьбы с ВМС Тайваня и, при необходимости, США). При этом ПЛ будут доставлены в Китай не своим ходом, как обычно, а на борту специального плавдока с целью максимальной экономии моторесурса ПЛ [39].

Параллельно с присоединением Тайваня будет происходить процесс экономического, политического и военного проникновения Китая в Центральную Азию. Главными объектами на первом этапе станут Туркмения и Узбекистан, которым Пекин предоставит гарантии сохранения режимов в обмен на поставки энергоносителей. Режимы в Ашхабаде и Ташкенте по своей политической сути родственны режиму в Пекине (наличие либо отсутствие коммунистической риторики в данном случае не имеет никакого значения). При этом только Пекин способен оказать им как политическую, так и силовую поддержку в случае революционных выступлений (под демократическими или исламскими лозунгами) населения этих стран (китайские войска смогут подавить любые выступления, не считаясь со своими и чужими потерями). Предлогом для ввода контингентов НОАК на территорию Туркмении и Узбекистана может стать охрана трубопроводов. В апреле 2006 г. президент Туркмении и председатель КНР уже подписали соглашения о строительстве газопровода из Туркмении в Китай и о борьбе против терроризма, экстремизма и сепаратизма, под которыми могут пониматься любые революционные выступления [24, 33]. Вполне вероятно подписание аналогичных соглашений с Узбекистаном. После этого со стороны Пекина может быть оказано жесткое давление на Астану с целью принудить Казахстан также разрешить ввод на свою территорию частей НОАК под предлогом охраны трубопроводов (которые заведомо пройдут через Казахстан). Противостоять такому давлению Казахстану будет чрезвычайно сложно, учитывая несопоставимость

военных потенциалов сторон. Если ввод войск состоится, это станет, по сути, оккупацией Казахстана, что чрезвычайно усложнит военно-политическую ситуацию и для России.

После этого Китай начнет полномасштабную реализацию концепции «стратегических границ и жизненного пространства» с помощью «комплексной мощи государства» в направлении РФ. Скорее всего, будет происходить экономическая интеграция дальневосточных и восточносибирских (а затем, возможно, и западносибирских) регионов России в китайскую экономику и постепенное изменение демографического баланса в этих регионах в пользу этнических китайцев путем легальной и нелегальной миграции («косовский вариант»). В конечном счете может последовать ввод на территорию регионов контингентов ВС Китая «для защиты законных прав и интересов граждан КНР». В этом случае окажутся бесполезными как обычные ВС, так и стратегические ядерные силы (СЯС) РФ, поскольку ядерное оружие невозможно применять на своей территории, а обычные ВС не смогут противостоять НОАК, которую будет поддерживать гигантская «пятая колонна» на российской территории.

Китайская миграция в РФ носит совершенно особый характер, отличающий ее от миграционных потоков из любой другой страны ближнего и дальнего зарубежья. Мировая практика свидетельствует о том, что «демографическое оружие» часто оказывается более эффективным, чем любое другое. Так, Албания и Палестина по своим экономическим и военным потенциалам абсолютно несопоставимы с Югославией (Сербией) и Израилем соответственно. Тем не менее исключительно с помощью «демографического оружия», то есть изменения этнического баланса в Косово, на Западном берегу Иордана и в секторе Газа им удалось добиться отторжения этих территорий у несравненно более мощных противостоящих государств. В будущем такая ситуация может сложиться в отношениях между Мексикой и США, хотя сейчас подобное предположение кажется откровенным абсурдом. Китай уже сегодня значительно сильнее России в экономическом плане и практически сравнялся с ней по военному потенциалу, что существенно облегчает для него задачу отторжения у РФ части территории.

Количество китайских мигрантов в России на сегодняшний день неизвестно даже приблизительно (не определен порядок величины, не говоря уже о точном количестве). По переписи населения 2002 г., 35 тыс. граждан РФ назвали себя этническими китайцами. Что касается граждан самого Китая, находящихся на российской

территории легально и нелегально, то сегодня их количество может оцениваться в несколько миллионов человек, однако такая оценка носит скорее интуитивный характер (в 2005 г., по данным Федеральной миграционной службы, общее число нелегальных мигрантов из всех зарубежных стран на территории РФ составляло 10 млн. человек, из них не менее 20% – китайцы). Даже на границе между Китаем и Россией учет мигрантов следует признать условным из-за нелегального перехода границы. При этом на границе между РФ и Казахстаном не ведется, по сути, вообще никакого учета въезда и выезда. Следует отметить, что российско-казахстанская граница является самой длинной в мире границей между двумя государствами. Вся она пролегает по степи и равнине, где беспрепятственный проход людей и движение автомобильного транспорта возможны в любом направлении не только по дорогам, но и без таковых. Поскольку граница между Китаем и Казахстаном контролируется весьма условно, то количество китайских мигрантов, проникающих через российско-казахстанскую границу, корректно оценить не представляется возможным. При этом уже сегодня миграционный потенциал Китая равен всему населению РФ. По данным Госкомитета по демографической политике и плановому деторождению КНР, в 2003 г. число внутренних мигрантов в Китае составило 140 млн. человек, причем из-за продолжающейся урбанизации имеется устойчивая тенденция к росту данного показателя [52].

Как правило, китайские мигранты (не только в России, но и в других странах) проживают обособленными общинами, в подавляющем большинстве не проявляя склонности к ассимиляции (исключения являются единичными). На сегодняшний день китайская миграция в РФ носит в основном экономический характер. Мигранты занимаются торговлей, сельским хозяйством, строительством, другими работами, не престижными для граждан РФ из-за низкой оплаты при значительных трудовых затратах и общем отрицательном имидже (хотя в России работают и китайские бизнесмены, причем их количество постепенно растет). Некоторая часть мигрантов рассматривает РФ как транзитную территорию для дальнейшей миграции в Европу.

Для Пекина миграция китайцев в Россию в краткосрочной перспективе является способом сброса социального напряжения. Безработица в Китае по различным данным составляет от 150 до 200 млн. человек, причем имеет склонность к дальнейшему росту. Уровень жизни даже большинства работающих граждан пока еще

достаточно низок. Поэтому отъезд представителей активной части населения за рубеж снижает напряженность на рынке труда. В долгосрочной перспективе миграция обеспечивает создание на территории России «пятой колонны», готовой действовать в интересах китайского руководства.

По этому поводу можно привести высказывания известного российского Китаиста, профессора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова В.Г.Гельбраса, активно занимающегося изучением китайской миграции в РФ. «Миграционный поток из КНР в Россию, со всеми присущими китайской миграции особенностями, в т.ч. с применением самых различных методов легального и нелегального проникновения и укоренения на чужой территории, набирает силу» [17, с. 259].

«Китайцы появились почти во всех крупных городах европейской части России, так же как в Западной Сибири. Однако конкретной ситуации никто не знает. Необходимых исследований никто не проводил» [17, с. 123].

«Приходится констатировать явления, способные действительно создать угрозу государственно-национальной безопасности страны, – во-первых, самоорганизация китайцев в землячества, которое развивается быстрыми темпами на всей территории страны (в т.ч. и на криминальной почве), во-вторых, “теневой” характер их хозяйственной деятельности. Они достигли в своем саморазвитии уровня самодостаточности, способности принимать и обеспечивать укоренение в России значительного числа мигрантов» [17, с. 249].

Безусловно, главным «поражающим фактором» китайской миграции является демографический. Именно серьезное изменение демографического баланса в сибирских и дальневосточных регионах РФ позволит китайскому руководству использовать мигрантов и в экономических (переориентация экономики данных регионов на Китай), и в политических (выдвижение требований, как минимум, о создании китайской автономии в составе РФ, как максимум – о передаче территорий Китаю) целях.

Ряд российских экспертов выдвигают возражения по поводу того, что китайская миграция представляет собой опасность для РФ. Одно из возражений состоит в том, что масштаб миграции преувеличивается. Например, можно привести слова руководителя Центра по изучению экстремизма и ксенофобии Института социологии РАН Э.А. Паина: «Количество китайцев, проживающих сегодня в Сибири и на Дальнем Востоке, просто несопоставимо с количеством китай-

цев, населяющих такие города, как, например, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж, Лондон» [56]. По этому поводу можно заметить, что число китайцев в РФ, как было сказано выше, неизвестно даже приблизительно, потому и сравнение с западными странами является некорректным. Кроме того, страны Европы и тем более Северной Америки не имеют с Китаем общей границы, что делает отторжение их территорий невозможным. Другим традиционным возражением является ссылка на ситуацию конца XIX – начала XX в., когда доля китайцев и корейцев в населении восточных регионов России значительно превышала сегодняшнюю, что также вызывало серьезные опасения в российском обществе, однако ни к какой катастрофе это не привело. В связи с этим можно заметить, что в тот период Китай представлял собой скорее географическое понятие, а не реальную геополитическую силу. Правящая Цинская династия переживала острейший кризис, окончившийся ее крушением в результате Синьхайской революции в 1911 г., а западные страны могли делать на территории Китая, по сути, все, что хотели. Достаточно вспомнить, что сухопутные сражения русско-японской войны 1904–1905 гг. целиком прошли на территории Китая, при этом Санкт-Петербург и Токио даже не поинтересовались, согласна ли эта страна на такое использование своих земель. Опасаться экспансии со стороны Китая в тот момент, следовательно, было бессмысленно из-за отсутствия субъекта экспансии, а миграция из него в Россию была бегством местного населения из разваливающегося государства. Вполне очевидно, что сегодняшняя ситуация в этом плане кардинально отличается от ситуации 100-летней давности.

Как следует из всего вышесказанного, китайская угроза для РФ носит вполне объективный характер. Для Китая экспансия в Россию является, по сути, способом выживания. Говоря другими словами, Китай угрожает России самим фактом своего существования. Уместно будет еще раз процитировать В.Г. Гельбраса: «Пекин намерен добиваться увеличения ВВП в 4 раза к 2020 г. По подсчетам китайских специалистов, Китай использует значительную часть своих природных ресурсов до 2010 г., а к 2020 г. у него возникнут проблемы даже с удовлетворением потребностей в каменном угле. Китай нуждается в природных ресурсах всей планеты. Нельзя исключать жестких акций Китая в отношении сопредельных государств, включая Россию. Проблема обмена территории и ресурсов на мир может стать реальной. Тем более, что в Китае о территории

альных претензиях к России, вопреки официальным заверениям, на деле не забывают» [18].

Положение усугубляется процессами, имеющими место в самой России. Это весьма сложная ситуация в Вооруженных силах страны, которая, несмотря на отдельные краткосрочные улучшения, имеет тенденцию к ухудшению в долгосрочном плане. К этому добавляется транспортная проблема. Регионы к востоку от Урала находятся в критической зависимости от одной железнодорожной и одной автомобильной магистралей, проходящих в непосредственной близости от госграницы, а на одном из участков (между Курганом и Омском) даже перерезаемых территорией Казахстана (государства хотя и дружественного, но иностранного). Слабая транспортная связность с Европейской Россией в сочетании с очень высокими и продолжающими расти тарифами на грузовые и пассажирские перевозки усугубляет экономическую, социальную и психологическую оторванность этих регионов от центра страны, способствует сокращению населения (оно стремится переехать в «настоящую Россию», то есть в европейскую часть страны) и чрезвычайно облегчает переориентацию их экономики на страны АТР, в первую очередь Китай.

Еще более серьезной для России является демографическая проблема. Процесс роста смертности и одновременного падения рождаемости начался еще в 60-е годы XX в. и к началу 90-х достиг той стадии, когда смертность превысила рождаемость. Это привело к быстрому сокращению населения страны, что чрезвычайно усложняет проблему сохранения контроля над гигантской территорией. В последнее время ситуация усугубляется тем, что официально провозглашенный руководством России чисто сырьевой характер экономики объективно ведет к депопуляции («экономика трубы» заинтересована в сокращении населения страны).

В Сибири и на Дальнем Востоке данная проблема стоит гораздо более остро, чем для страны в целом, поскольку усугубляется массовым переездом жителей этих регионов в Европейскую Россию и за пределы РФ *(по данным автора, экономически активные жители Хабаровска даже переезд в Иркутск считают большой удачей, а на Урал или западнее – «пределом мечтаний»)*. В итоге соотношение численности населения в восточных регионах РФ и в Китае становится все более угрожающим.

Наконец, чрезвычайно остро проявляется в последнее время проблема внутренней психологической дезинтеграции российского общества. Следствием подобных явлений стала утрата психологи-

ческой связи между страной и ее гражданами (большая их часть не связывает напрямую свое будущее с будущим России), падение общего морального уровня населения, рост межнациональной и межконфессиональной напряженности даже между коренными народами РФ. Общество утрачивает способность ассимилировать мигрантов, делать их сознательными лояльными гражданами России.

Нельзя однозначно оценить и заключение крупных контрактов на поставки в Китай энергоносителей из РФ. С одной стороны, такое решение кажется разумным, поскольку позволяет снизить напряженность энергетической проблемы для Китая. С другой стороны, здесь возникает ряд достаточно опасных моментов. Во-первых, может возникнуть ситуация, когда Китай окажется единственным покупателем энергоносителей (по крайней мере, на Востоке). В этом случае вполне возможна ситуация, когда покупатель диктует цену продавцу, а не наоборот, что особенно вероятно, учитывая чрезвычайно жесткий стиль ведения бизнеса, характерный для китайской деловой культуры. Во-вторых, сегодня есть сомнения, что российские нефтяные и газовые компании способны одновременно выполнить европейские и китайские контракты по объемам и срокам поставок. Учитывая указанный стиль ведения бизнеса и полное подчинение бизнеса государству, китайская сторона может потребовать выплаты неустойки либо в денежной форме, либо, что более вероятно, путем передачи в собственность месторождений и трубопроводов с допуском на них китайского персонала.

Ситуация еще более усугубится в том случае, если прямыми конкурентами России в области поставок нефти и газа в Китай выступят страны Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркмения), которые кроме поставок собственного сырья могут стать транзитными странами для аналогичных поставок из стран Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь Ирана. Это, с одной стороны, создаст базу для экспансии Китая в данный регион, о чем уже говорилось выше, с другой – породит ситуацию, когда на локальном рынке имеется несколько (не менее пяти) продавцов одного и того же товара и всего один покупатель (по сути, такая ситуация уже складывается сегодня, поскольку контракты на поставку нефти и газа в Китай заключили Казахстан и Туркмения). Совершенно очевидно, что ценовой диктат Китая в данной ситуации будет абсолютным, а, учитывая тот факт, что себестоимость добычи нефти и газа в РФ самая высокая из всех стран-продавцов, поставка энергоносителей в Китай для российских компаний может оказаться убыточной [21, 55, 76, 77,

82]. Попытки же разрыва контрактов приведут к описанной выше жесткой реакции Пекина. Одновременно европейские потребители нефти и газа из России могут добиться диверсификации источников и путей поставок этого сырья и изыскать альтернативные источники энергии (в настоящее время именно таким образом на Западе понимается «энергетическая безопасность»), что приведет к быстрому разрушению всей российской экономики.

Прообразом подобного развития событий можно считать переговоры между РФ и Китаем о поставках в эту страну газа с расположенного в Иркутской области Ковыктинского месторождения. Минимальная рентабельность добычи на этом месторождении обеспечивается только в том случае, если продавать газ по цене не ниже 75 долл. за тыс. куб. м, однако Китай соглашается его приобретать по цене не выше 35 долл. за тыс. куб. м [49].

Совершенно бесперспективной представляется идея «задобить» Пекин и тем более разыграть «китайскую карту» против США. Здесь имеет смысл еще раз процитировать В.Г. Гельбраса. «Можно сказать, что равноправное доверительное партнерство имеет место тогда, когда оно не приходит в столкновение со стратегическими интересами Китая. Что касается России, из-за неопределенности стратегических интересов она строит свои отношения с КНР на антиамериканской и антинатовской основе. В результате Россия порой принимала точку зрения, предпринимала практические действия, отражавшие в первую очередь и главным образом позиции и интересы КНР» [17, с. 259].

«Россия должна последовательно добиваться равноправного партнерства и отстаивать свои интересы с не меньшей последовательностью и жесткостью, чем китайская сторона» [17, с. 307].

В целом можно отметить, что решение проблемы китайской угрозы требует осознанных целенаправленных усилий руководства и населения РФ одновременно по многим направлениям.

Вполне очевидно, что китайская миграция является особым случаем, поэтому применительно к ней требуются особые меры. «Следует подумать, во-первых, об экономических методах “рассеивания” намечающихся скоплений мигрантов-китайцев. Во-вторых, об установлении ежегодной квоты для трудовых мигрантов из Китая – с предоставлением им вида на жительство – и системы ротации для контрактных рабочих... Наконец, предстоит позаботиться о сохранении и развитии национально-культурной самобытности для российских граждан китайского происхождения и граждан Китая,

находящихся на территории страны на законных основаниях. Это позволит легализовать, а значит, и контролировать существующие и вновь возникающие китайские землячества, облегчит изучение китайцами русского языка, истории и культуры России, то есть создаст условия для адаптации китайских мигрантов, а в дальнейшем – и для их частичной ассимиляции» [17, с. 309].

«Уже сейчас можно подумать не только об ужесточении пограничного контроля, но и об изменении его форм. В России южные границы традиционно находились под наиболее пристальным государственным надзором. Прилежавшие к ним территории имели статус не губерний, а краев – административных единиц, в управлении которыми гражданские и военные функции были соединены. Представляется, что некоторые элементы дореволюционной системы охраны сухопутных границ можно позаимствовать и сейчас – как для пресечения нелегальной миграции, так и для эффективной борьбы с преступностью» [17, с. 310].

Таким образом, если сегодня миграция в РФ идет под контролем Китая в интересах Китая, то необходимо добиться того, чтобы она шла под контролем России в интересах России. Китайская трудовая миграция может быть очень полезна для РФ, учитывая традиционно высокую трудоспособность и низкие даже по российским меркам материальные запросы китайских рабочих и крестьян. Однако польза может быть извлечена только в том случае, если китайская рабочая сила будет привлекаться под конкретные проекты, при этом количество въехавших в страну и выехавших из нее китайцев должно жестко контролироваться.

Должны также предприниматься меры по ликвидации китайских землячеств, являющихся основной базой потенциальной экспансии. Китайские мигранты должны быть максимально «атомизированы» и рассеяны по стране.

Наиболее выгодным, хотя и наиболее трудноосуществимым вариантом является адаптация и ассимиляция значимого количества китайских мигрантов в РФ. Это позволило бы в значительной степени решить наши демографические и экономические проблемы без угрозы территориальных потерь и утраты национальной идентичности. Реализация этого варианта потребует серьезной, часто индивидуальной работы с мигрантами из Китая с учетом интеллектуальных способностей, психологических особенностей, состояния здоровья и т.д. Достаточно перспективным направлением в этом плане является создание в России вузов (или переориентация части

уже существующих), ориентированных на обучение исключительно китайских студентов. При этом характер учебно-воспитательного процесса должен подразумевать, что выпускник такого вуза станет либо дружественно настроенным к РФ гражданином Китая («агентом влияния»), либо сознательным лояльным гражданином РФ, получившим российское образование и принявшим российские культурно-поведенческие стандарты.

Очевидно, что адаптация и ассимиляция китайских мигрантов невозможна без подавления ксенофобии внутри самой России. Здесь необходимо сочетание предельно жестких полицейских мер по отношению к проявлениям как русского, так и антирусского национализма (это относится не только к действиям чисто уголовного характера, но и в еще большей степени к деятельности СМИ) с целенаправленной идейно-пропагандистской работой. По-видимому, должна быть разработана и приведена в жизнь идеологическая концепция России как государства действительно многонационального. Соответственно, история России должна интерпретироваться не как история русского народа, а как синтезированная история всех народов, проживающих на ее территории.

Сочетание жесткой борьбы с нелегальной, а отчасти и с легальной миграцией со столь же жестким подавлением ксенофобии является чрезвычайно сложной задачей, однако решать ее необходимо, что должно быть осознано как властью, так и обществом.

Важнейшей задачей с экономической, военной и социально-психологической точек зрения является строительство новых железных и автомобильных дорог, а также развитие ближне- и дальнемагистрального авиасообщения.

Для стимулирования роста населения Восточной Сибири и Дальнего Востока потребуются специальные меры (при этом совершенно очевидно, что какие-либо меры принудительного характера полностью исключены хотя бы из-за их заведомой неэффективности): снижение транспортных тарифов, налоговой нагрузки (в отдельных случаях, возможно, полное освобождение от налогов) на юридические лица, осуществляющие экономическую деятельность в данных регионах. В первую очередь следует стимулировать развитие транспорта, добычи полезных ископаемых, науки, туризма и отдыха, сельского хозяйства.

Более подробное описание возможных мер в этой области, а также в сфере демографии и военного строительства выходит за рамки данной статьи.

В целом можно отметить, что борьба с угрозой китайской экспансии в РФ должна носить четко осознанный, хорошо продуманный комплексный характер. В силу сложности и многоплановости проблемы концентрация усилий на ее отдельных составляющих не может принести успеха. В то же время, если проблема будет осознана как стратегическая, в ходе ее решения можно «попутно» решить значительную часть наиболее серьезных задач, стоящих перед Россией.

Список литературы

1. Авраменко А., Старунский А. Психологические операции Народно-освободительной армии Китая // Заруб. воен. обозрение. – М., 2005. – № 4. – С. 14–19.
2. Аганов А. Бронетанковая техника сухопутных войск Китая // Заруб. воен. обозрение. – М., 2000. – № 11. – С. 22–24.
3. Агафонов Г. Потенциал флотов стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Мор. сб. – М., 2003. – № 2. – С. 72–77.
4. Алексеев А. Перспективы повышения боевых возможностей ВВС Китая // Заруб. воен. обозрение. – М., 2000. – № 3. – С. 29–32.
5. Андреев И. На Тайване пытаются отправить в отставку президента // Коммерсантъ. – 2006. – 27 сент.
6. Барабанов М. Военно-морские силы Тайваня на современном этапе // Экспорт вооружений. – М., 2003. – № 4. – С. 43–47.
7. Белоус В. Стратегическая триада Поднебесной // Независимое воен. обозрение. – 2006. – 7–13 июля.
8. Бремнер Б., Робертс Д. Погоня за нефтью // Профиль. – М., 2004. – № 42. – С. 80–82.
9. Вадимов В. Военно-морские силы Тайваня // Заруб. воен. обозрение. – М., 2004. – № 2. – С. 55–61.
10. Викторов С. Военно-воздушные силы Тайваня // Заруб. воен. обозрение. – М., 2003. – № 12. – С. 33–37.
11. Виноградов А. Китайцы побегут в Россию. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/archive/2004/06/22/56308>.
12. Власова О. Очень голодный миллиард // Эксперт. – М., 2004. – № 37. – С. 51–58.
13. Военные самолеты Китая // Новости зарубежной науки и техники. Авиационная и ракетная техника. – М.: ЦАГИ им. Н.Е.Жуковского, 1991. – № 22. – С. 1–24.
14. Вооруженные силы зарубежных стран // Заруб. воен. обозрение. – М., 2006. – № 2. – С. 49–79.

15. Габуев А. Посол Китая в ООН попросил США «заткнуться» // Коммерсантъ. – 2006. – 18 авг.
16. Габуев А. Уго по-пекински // Коммерсантъ. – 2006. – 24 авг.
17. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. – М.: Муравей, 2001. – 320 с.
18. Гельбрас В.Г. Перспективы китайской миграции в Россию // Status Quo. – М., 2005. – № 3. – С. 85–96.
19. Главы военных ведомств России и Китая проведут в Пекине заседание межправительственной комиссии по ВТС. – Режим доступа: <http://www.armstass.su/?page=article&cid=24&aid=14842&part=18>.
20. Границы Китая: история формирования / Под ред. Мясникова В.С., Степанова Е.Д. – М.: Памятники истор. мысли, 2001. – 470 с.
21. Гриб Н., Сидоренко А. Туркменбаши положил газ на Китай. – Режим доступа: http://www.gazo.ru/file/Gaz_Lenta/2006/April/GL_12.04.06.doc.
22. Грумов А. Части специального назначения Китая // Заруб. воен. обозрение. – М., 1998. – № 9. – С. 57.
23. Дэн Сяопин. Избранное. – Пекин, 1994. – 311 с.
24. Ефимов А. Туркмения намерена построить газопровод и поставлять газ в Китай. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/cis/20060403/45131383.html>.
25. Забелло Я., Мажаров И. Удар ниже Мексики // Эксперт. – М., 2001. – № 14. – С. 68–70.
26. Завадский М. Нереволюционная ситуация // Эксперт. – М., 2006. – № 4. – С. 66–69.
27. Зарубежные военные эксперты о возможном характере вооруженного конфликта между КНР и Тайванем // Заруб. воен. обозрение. – М., 2004. – № 11. – С. 79.
28. Ильин В. Баллистические ракеты третьих стран // Техника и вооружение. – М., 2001. – № 9. – С. 12–14.
29. Ильин В. Баллистические ракеты третьих стран // Техника и вооружение. – М., 2001. – № 10. – С. 19–20.
30. Качан Г. Боевые пловцы в ВМС Китая и Тайваня // Заруб. воен. обозрение. – М., 2000. – № 2. – С. 58.
31. Кашин В. Тайваньский рынок В и ВТ и его влияние на экспорт российского оружия в КНР // Экспорт вооружений. – М., 2003. – № 4. – С. 48–55.
32. Киреев Г.В. Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. – М.: РОССПЭН, 2006. – 416 с.
33. Китай и Туркмения договорились о строительстве газопровода. – Режим доступа: <http://www.neftegazexpert.ru/neftegazline/neftegaztext7445.html>.
34. Китай остается основным заказчиком для ММПП «Салют». – Режим доступа: <http://www.rtigruzavto.ru/news3-13722.html>

35. Китай отказался от устаревших истребителей Сухого. – Режим доступа: <http://www.defense-ua.com/rus/news/?id=14775>.
36. Китай отказывается от производства Су-27. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2004/11/04/167618>.
37. Китайский поворот // Ведомости. – 2005. – 18 окт.
38. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. Михеева В. – М.: Моск. Центр Карнеги. – 2005. – 647 с.
39. К месту базирования отправлены две ДЭПЛ, построенные для ВМС Китая. – Режим доступа: <http://industrialnews.ru/oboronka/k-mestu-bazirovaniya-otpravlenyi-dve-depl-postroennyye-dlya-vms-kitaya/>.
40. Коротченко И. Москва и Пекин наращивают стратегические связи // Независимое воен. обозрение. – 2000. – 10 нояб.
41. Кузменкин В. Россия – Китай: смех сквозь слезы?! // Веч. Новосибирск. – 2004. – 13 апр.
42. Куртишвили Ш. Эпоха династии Ли. – Режим доступа: http://ko.demo.metric.ru/document.asp?d_no=1506&p=1.
43. Летунов С. Экспорт китайского оружия в страны Азии и Африки // Заруб. воен. обозрение. – М., 1993. – № 8. – С. 12–15.
44. Лим Л. Разрыв в доходах в Китае увеличивается. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3488000/3488476.stm.
45. Макаров М., Величко Е. Система противовоздушной обороны Китая // Заруб. воен. обозрение. – М., 1993. – № 9. – С. 37–42.
46. Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: Достижения, тенденции, перспективы. – М.: Гендальф, 2002. – 66 с.
47. Малевич И.А. Внимание, Китай! – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 320 с.
48. Марков М., Селиванов Л. Сухопутные войска Китая // Заруб. воен. обозрение. – М., 1993. – № 5. – С. 22–28.
49. Милов В. Китай – рынок весьма жесткий // Время новостей. – 2006. – 16 авг.
50. ММПП «Салют» планирует к середине года отгрузить Китаю последнюю партию двигателей АЛ-31ФН. – Режим доступа: http://www.salut.ru/news_avia_2006/12_04_06.html.
51. Моисеенков О., Смолковский А. Военно-морские силы Китайской Народной Республики // Мор. сб. – М. – 2003. – № 9. – С. 62–68.
52. Натиск на города: разница в межрегиональном развитии и внутренняя миграция в Китае. – Режим доступа: http://www.asiapacific.narod.ru/countries/china/natisk_na_goroda.htm.
53. Островский А. Догнать и перегнать Америку // Полит. журн. – М., 2004. – № 37. – С. 58–60.
54. Оценка США ракетно-ядерных сил и обстановки в операционной зоне ВМС НОАК // Мор. сб. – М., 2005. – № 9. – С. 71.

55. Павлова О. Туркменбаши перебежал дорогу хозяину Кремля // *Telegraf*. – 2006. – 6 апр.
56. Паин Э. Объектом ксенофобии становится даже правительство // *Независимая газ.* – 2006. – 6 марта.
57. Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. – М.: Астрель: АСТ: Ермак, 2004. – 511 с.
58. Пухов Р. Россия превратилась из старшего брата Китая в младшего партнера. – Режим доступа: <http://www.kreml.org/interview/97015914>.
59. Репко С. Мы никогда не будем союзниками // *Независимая газ.* – 1996. – 25 июля.
60. Россия тайно продала Китаю 273 истребителя Су-27 и Су-30. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/29mar2004/сухо.html>.
61. Русинов Р. Вооруженные силы Саудовской Аравии // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 1994. – № 1. – С. 9–11.
62. Сачер Б. Нью-Йорк показался мне маленьким // *Ведомости.* – 2004. – 14 дек.
63. Семенов А. Китайский тактический истребитель J-10 «Вэнгард» // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 2004. – № 10. – С. 43–49.
64. Скорлыгина Н. Китайский синдром // *Коммерсантъ.* – 2005. – 14 дек.
65. Скосырев В. Тревожное затишье // *Время новостей.* – 2006. – 25 сент.
66. Смолковский А. Факторы нестабильности и рисков в операционной зоне Тихоокеанского командования ВС США // *Мор. сб.* – М., 2005. – № 2. – С. 70–77.
67. Снегов В. Мобильные силы НОАК // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 1996. – № 7. – С. 20–22.
68. Солдатов А. Азиатская мечта чекиста // *Сегодня.* – 2000. – 31 мая.
69. Стефашин В. Военно-стратегические концепции Китая // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 1994. – № 9. – С. 2–7.
70. Стефашин В. Ядерная стратегия Китая // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 1995. – № 1. – С. 2–8.
71. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 558 с.
72. Сысоев С. Состояние и перспективы строительства военно-морских сил Китая // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 1999. – № 3. – С. 41–47.
73. Сысоев С. Состояние и перспективы строительства военно-морских сил Китая // *Заруб. воен. обозрение.* – М., 1999. – № 4. – С. 37–46.
74. Сюэ Гохун, Юань Голин. Жэньши гоцин чжэнцзюэ чжидин Чжунго нэньюань фачжань чжаньлюэ (Познавать положение страны, правильно определять стратегию развития энергетики в Китае). – Mode of access: <http://shp.com.cn/zhwx/showcontent.asp?idn=3760>.
75. Терехов В. Военный фактор в формировании ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Экспорт вооружений.* – М., 2003. – № 4. – С. 36–42.

76. Туркмения пустила газ в Китай. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/2006/04/04/oa_194704.shtml.
77. Туркменский газ на пути в Китай. «За» и «против», – немецкий эксперт Р.Гетц. – Режим доступа: http://www.iicas.org/libr_rus/enbz/04_04_06_bz.htm.
78. Уравнение достатка. – Режим доступа: <http://www.innov.spbu.ru/shownews.php?id=30130>.
79. Финансирование ВС (ВМС) КНР // Мор. сб. – М., 2005. – № 3. – С. 72.
80. Ху Аньган. Китайским крестьянам надо бежать от земли как можно дальше // Время новостей. – 2003. – 31 марта.
81. Худяков Н. Китайскому дракону нужно все больше “еды” // Мировая энергетика. – М., 2006. – № 5. – С. 76–79.
82. «ЦЕРИХ Кэпитал Менеджмент»: Планы Туркмении по продажам газа в Китай будут сдерживать рост акций Газпрома. – Режим доступа: <http://www.finansmag.ru/17230/17231/27511/print/>.
83. Цыкало В.В. Российско-китайские отношения в области торговли вооружениями и передачи технологий // Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Материалы “круглого стола”, 17 сент. 1998 г. – М., 1999. – С.160–168.
84. Чуприн К. Десант по-китайски // Независимое воен. обозрение. – 2006. – 15 июня.
85. Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России против Китая): В 4 т. / Под ред. Мо Юнмина. – Шанхай, 1986. – Т. 1–2.
86. Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России против Китая): В 4 т. / Под ред. Мо Юнмина. – Пекин, 1990. – Т. 3–4.
87. Шеповаленко М. Морская пехота Китая // Мор. сб. – М., 1997. – № 10. – С. 76–78.
88. Ядерные тайны // Заруб. воен. обозрение. – М., 2006. – № 6. – С. 80.
89. FYO4 Report to Congress on PRC Military Power. – Mode of access: <http://www.defenselink.mil/pubs/d20040528PRC.pdf>.
90. Glosny Michael A. Strangulation from the sea? // International security. – Cambridge (Mass.), 2004. – Vol. 28, № 4. – P.125–160.
91. Goldstein L., Murray W. Undersea Dragons // International security. – Cambridge (Mass.), 2004. – Vol. 28, № 4. – P.161–196.
92. Luf G., Korin A. The Sino-Saudi connection. – Mode of access: http://www.konflikt.ru/index.php?top=3&status=show1news&news_id=26302&page=3&search.
93. The Military balance, 2006/07 / International institute for strategic studies. – L.: Oxford university press, 2006. – 500 p.

94. Mulvenon James C., Yang Andrew N.D. The People's liberation army as organization. – Mode of access: http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF182/index.html.
95. Saudis consider nuclear bomb // The Guardian. – 2003. – Sept. 18.
96. Squires N. China tried to poach supergun inventor // The Daily Telegraph. – 2006. – Oct. 4
97. The World defence almanac. 2005–06 // Military Technology and economics. – Bonn: Wehr und Wissen, 2006. – Vol. 30, Issue 1. – 370 p.

С.В. Карелов

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ – ОСТАЛСЯ ЛИ У РОССИИ ЭТОТ ШАНС?

Осенью 2005 г. был опубликован новый международный рейтинг 37 стран мира, отражающий уровень зрелости национальных рынков ИТ-услуг (ITS-CMI¹). Россия заняла в нем последнее место. Ну что ж, нам не привыкать. Сегодня в мире существует немало международных рейтингов, в которых Россия занимает совсем не престижные места, располагаясь в хвосте длинных списков из десятков стран. Так что, рейтингом больше, рейтингом меньше... Тем более что речь идет всего лишь об информационно-технологических услугах – вопросе, конечно, достаточно актуальном, но, как считается, для России далеко не стратегическом. Ведь это не добыча энергоносителей и не строительство газопроводов, а посему к национальной стратегии отношения как будто бы не имеет. Развитие ИТ-услуг считается сегодня в России вопросом узковедомственным (вроде как телефонизация или интернетизация). Вот Мининформсвязь им и занимается в меру своего понимания и заинтересованности. И рапортует при этом о рекордном росте числа пользователей Интернет и количества персональных компьютеров на душу населения. Еще несколько технопарков планируется создать, дабы вывести российский экспорт офшорного программирования на заоблачные высоты. А по поводу последнего места России по уровню зрелости ее рынка ИТ-услуг Мининформсвязь, как говорится, по comments: ну последнее и последнее – что с того? А ведь такой подход лишает Россию шанса на модернизацию и, как результат, не оставляет места на мировом рынке труда постиндустриальной глобальной экономики. «Так уж и лишает, – усомнится властный российский чиновник, – а уж последний шанс тут при чем, для красного словца?» Увы, как бы не так. Говоря словами Алена Туре,

¹ <http://www.linex.ru/pr0003.html>

«все человечество разделяется на пилотов, управляющих самолетом, который летит к будущему, пассажиров самолета и выброшенных за борт, которым не нашлось места ни в пилотской кабине, ни в пассажирском салоне». И все же сегодня, в начале XXI в., Россия все еще имеет шанс оказаться «не выброшенной за борт» новой постиндустриальной мировой экономики.

IT Everywhere

С количественной точки зрения за 50 лет, с момента появления ИТ, объем инвестиций в их развитие в ведущих странах мира неуклонно растет, и в настоящее время наблюдается уже четвертая «волна» этого роста (рис. 1).

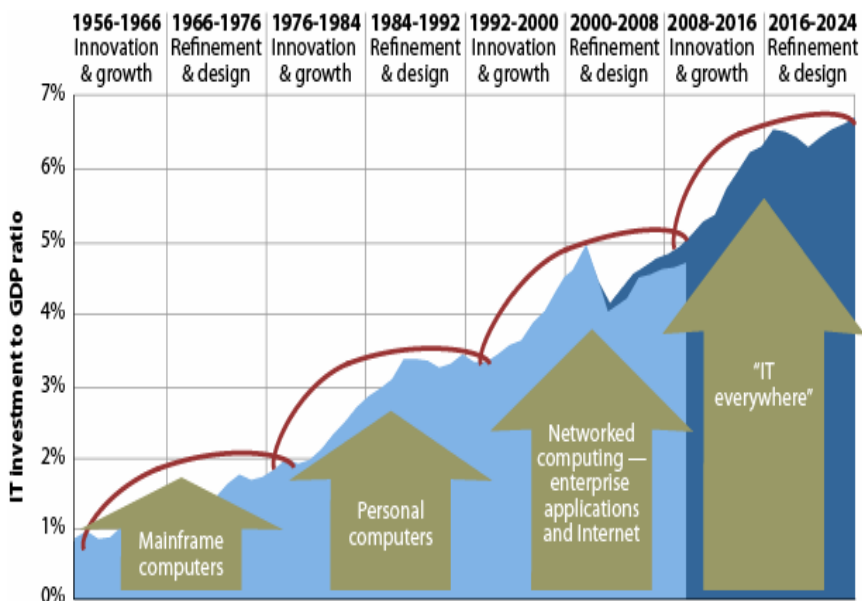

Рис. 1. Четыре волны инвестиций в ИТ

Источник: Forrester Research 2005.

В ходе «четвертой волны», которая, по прогнозу экспертов Forrester Research, продлится еще лет 20, инвестиции в ИТ дойдут до уровня 5–7% ВВП развитых стран. Это немало, но и не настоль-

ко много, чтобы считать ИТ доминантным направлением экономики развитых стран.

Помимо количественного аспекта существует еще и качественный, который заключается в превращении ИТ из чисто технологического прикладного направления по использованию компьютеров для обработки и передачи информации в цифровой форме в некий универсальный и тотальный метод повышения эффективности практически любой интеллектуальной деятельности. Именно в этом качестве, а не в качестве персональных компьютеров, мобильных устройств связи, программного обеспечения и т.п. ИТ стали основой построения постиндустриальной информационной экономики знаний в развитых странах мира.

То, что постиндустриальная экономика будет информационной экономикой, предполагали еще в прошлом веке. Однако с приходом нового тысячелетия проникновение ИТ во все сферы человеческой деятельности (IT Everywhere) стало уже как бы само собой разумеющимся, и создалась ситуация, когда ИТ-аспекты любого бизнеса уже не отделяются от него, растворяются в нем и перестают восприниматься как некие самостоятельные технологии. Более того, проникнув во все сферы управления (от управления технологическими процессами до управления финансами, ресурсами, персоналом, клиентами, знаниями), ИТ стали даже не инструментом и даже не методологией бизнеса, но создали другое концептуально-информационное измерение, иное виртуальное пространство. В виртуальном пространстве по законам и метрикам нового информационного измерения теперь существует и работает экономика не только отдельных корпораций¹, но и всех глобальных рынков продуктов и услуг, а также глобальных рынков финансовых и человеческих ресурсов. В наступившем постиндустриальном информационном настоящем самостоятельные ИТ в экономике как бы перестали существовать, превратившись в ее «нервную систему»: локальную («периферическую») – на уровне отдельных корпораций, и глобальную («центральную») – на уровне целых рынков и даже всей национальной экономики.

При таком повсеместном растворении ИТ в экономике стало крайне трудно измерять эффективность инвестиций в этой сфере, по-

¹ Я останавливаюсь здесь лишь на корпоративном направлении, всегда являвшемся и остающимся локомотивом применения ИТ (на него приходится порядка 80% ИТ-расходов). Именно этот локомотив «выбирает, по какому пути и с какой скоростью» будут развиваться новые направления ИТ, а все остальные «вагоны» за ним покорно едут, повторяя его маневры, остановки и даже пробуксовки.

добно тому, как если бы были предприняты попытки измерить «эффективность инвестиций в улучшение параметров нервной системы» человека: время реакции уменьшилось вдвое, уровень мотивации возрос, а энергозатраты уменьшились, скорость прохождения управляющих импульсов также возросла, а время адаптации к изменяющимся внешним условиям уменьшилось. По отдельности все это измерить можно, а свести вместе и оценить в комплексе совсем не просто.

Тем не менее проведенные недавно исследования показали, что у компаний-лидеров в своем бизнесе (10% отраслевых/индустриальных списков) корреляция между расходами на ИТ и так называемой Business Value (комплексная оценка повышения конкурентного качества бизнеса) составила 95% (рис. 2). А возврат инвестиций в ИТ (ROI), измеряемый отношением экономической отдачи от инвестиций к объему инвестиций (EVA/IT Spend), оказался равен 533%. Исследование, проведенное компанией Alinean в США, показало, что увеличение объема затрат на ИТ вовсе не означает автоматический рост отдачи от их применения. Однако было показано, что корреляция между вложениями в ИТ и бизнес-отдачей от этих вложений тем выше, чем выше рыночное положение компании в сравнении с ее основными конкурентами. То есть компании-лидеры демонстрируют исключительно убедительную корреляцию между затратами на ИТ и финансовой отдачей для их акционеров.

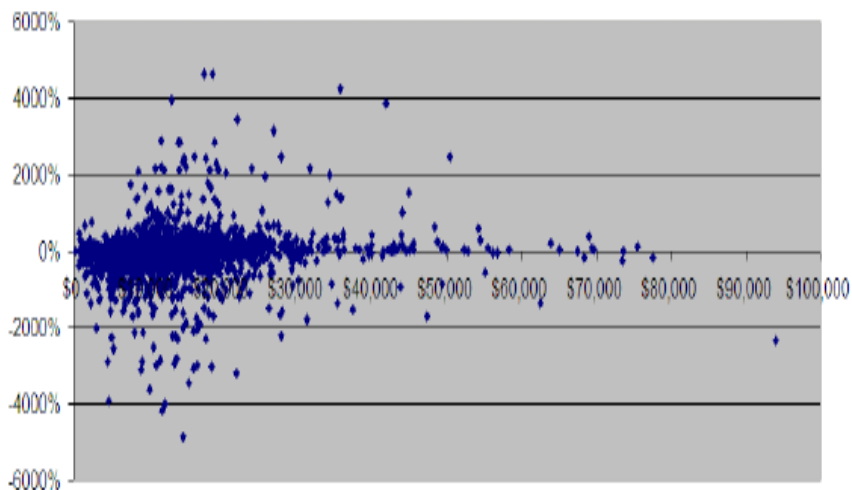

Рис. 2. Корреляция между расходами на ИТ и Business Value
Источник: Alinean 2005.

«Локомотив» ИТ-услуг

Говоря об инвестициях в ИТ, необходимо понимать структуру этих инвестиций в развитых странах мира, поскольку в России традиционно считается, что инвестировать в ИТ – значит купить себе новый сервер, обновить парк персоналок и т.д.

В развитых странах, уже вступивших в постиндустриальную эру, структура инвестиций в ИТ кардинально отличается от российской. Львиную долю составляет отнюдь не ИТ-оборудование (HW), а ИТ-услуги (Services). Мировые лидеры индустрии ИТ идут в своем развитии от оборудования к услугам (например, в IBM 20 лет назад услуги приносили менее 10% выручки, сегодня – более 50, а в планах компании довести этот процент до 80% к 2015 г.). Рост нематериальной составляющей информационных технологий лежит в рамках общей тенденции перехода от экономики вещей к экономике знаний. В России инвестиции в оборудование составляют примерно 70% от суммарных инвестиций в приобретение оборудования, программного обеспечения и услуг, инвестиции же в услуги – лишь 15–17% от суммарных инвестиций. В странах с постиндустриальной экономикой ситуация обратная: инвестиции в приобретение ИТ-услуг превышают 65–70%, а инвестиции в оборудование составляют примерно 20%.

Если же принять во внимание, что более половины инвестиций в оборудование являются следствием получения клиентами разнообразных ИТ-услуг в виде консалтинга и системной интеграции (и это также справедливо для приобретения ПО), то становится очевидным, что ИТ-услуги в постиндустриальной экономике напрямую и косвенно определяют более 80% всех инвестиций в ИТ. Таким образом, ИТ-услуги являются «локомотивом» современных ИТ, которые проникли во все сферы управления бизнесом (ИТ-менеджмент, БП-менеджмент¹, ПЗ-менеджмент²) и переместили управление бизнесом в другое (информационное) измерение и в иные пространства управленческих решений (удаленный менеджмент, аутсорсинг и т.д.).

Значение «мощности» этого «локомотива» показывает, в частности, проведенное недавно исследование зависимости конкурентоспособности национальных экономик мира от уровня зрело-

¹ Менеджмент бизнес-процессами (BP-management).

² Менеджмент процессами извлечения и оперирования знаниями (KM – Knowledge Management).

сти их национальных рынков ИТ-услуг¹. Взаимозависимость между конкурентоспособностью национальных экономик и уровнем зрелости их национальных рынков ИТ-услуг оказалась весьма высока. Коэффициент корреляции между этими двумя показателями, рассчитанный для 37 стран мира, составил 0,76.

Достаточно посмотреть на список пяти мировых лидеров и пяти мировых аутсайдеров среди национальных рынков ИТ-услуг (рис. 3), и вопрос о принадлежности упомянутых в этих списках стран к постиндустриальному обществу получит еще одну яркую иллюстрацию.

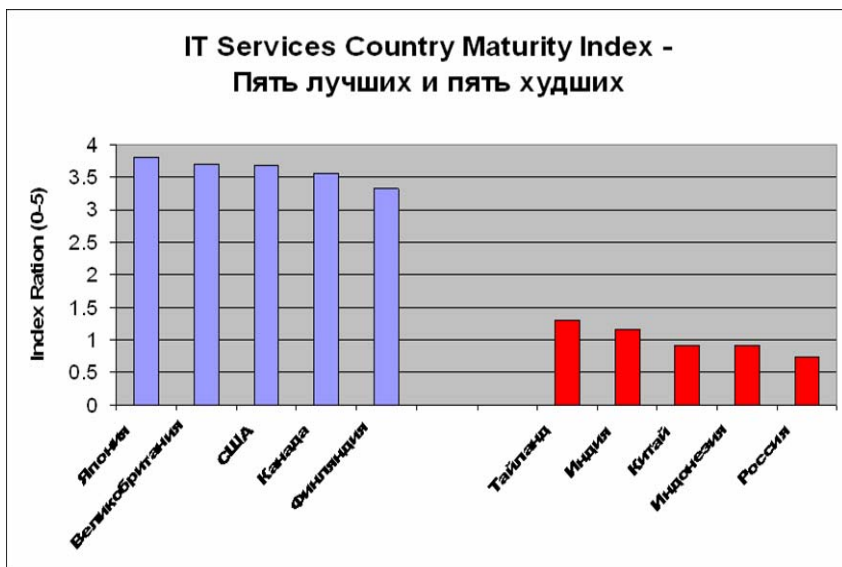

Рис. 3. Список пяти мировых лидеров и пяти мировых аутсайдеров среди национальных рынков ИТ-услуг

Почему же так происходит?

Вопрос о причинах положения России в рейтинге уровня зрелости национальных рынков ИТ-услуг по сути превращается в вопрос о причинах неспособности (нежелания?) страны двигаться по

¹ <http://www.linex.ru/pr0004.html>

пути модернизации в сторону постиндустриального информационного общества.

Как уже отмечалось ранее, ИТ в постиндустриальных странах – это «нервная система» отдельных предприятий, отраслей, рынков и всей национальной экономики в целом, решающая одну главную задачу – обеспечение максимальной эффективности (конкурентоспособности) бизнеса. Как и во всякой иной «нервной системе», информация позволяет управлять скоростью и качеством бизнес-процессов, а автоматизация – их оптимизировать. В результате растет эффективность бизнеса¹.

Следовательно, последнее место России в рейтинге уровня зрелости национальных рынков ИТ-услуг можно объяснить тем, что эффективность бизнеса ей просто не нужна. Несмотря на кажущуюся странность такого предположения (кому же не нужна эффективность?), оно хорошо согласуется с выводами экспертов Gartner о характеристиках национальных экономик, стимулирующих или тормозящих спрос на эффективность бизнеса в условиях конкретных институциональных и экономических режимов. Хотя Россия напрямую и не являлась объектом исследования «Creating an Economic Framework That Exploits IT»², посвященного выработке рекомендаций для правительств различных стран мира, выводы авторов отчета поразительно созвучны российским реалиям. Так, в качестве основных преград, тормозящих повышение эффективности бизнеса путем инвестиций в ИТ, авторы называют:

- принятие решений и в бизнесе, и во власти, исходя из принципов nepoтизма (доминирование групповых, «семейных» интересов), кронизма (назначение руководителями на ответственные посты лишь людей из своего ближнего круга знакомств), коррупции и госкрышевания (проталкивание группами инсайдеров-фаворитов во власти выгодных для «крышуемого» ими бизнеса решений);

- автократический менеджмент (решения, базирующиеся на интуиции, а не на детальном анализе и исследованиях);

- неравные условия конкуренции, порождаемые монополиями, олигополиями, картельными соглашениями, а также участием чиновников в бизнесе;

¹ Например, согласно базе данных GGDC, коэффициент корреляции между долей ИТ-инвестиций в общем объеме инвестиций и производительностью труда в сфере услуг составляет 0,88.

² <http://www.gartner.com/pages/story.phl.id.2283.s.8.jsp>

– отсутствие экономических стимулов для эффективного применения имеющихся знаний и инноваций в предпринимательстве.

В условиях, когда в национальной экономике доминируют вышеуказанные тенденции, по мнению экспертов Gartner, эффективность ведения бизнеса отстает на второй и даже на более дальний план, поскольку получаемая прибыль определяется не эффективностью, а совсем иными факторами. В то же время, согласно исследованию «Creating an Economic Framework That Exploits IT», ключевыми факторами, стимулирующими повышение эффективности бизнеса путем инвестиций в ИТ, являются:

– выгода от накопления, создания и использования бизнес-знаний и бизнес-инноваций в коммерческой деятельности;

– наличие достаточного числа образованных и обученных людей, способных работать в области создания и использования бизнес-знаний и бизнес-инноваций;

– наличие национальной инновационной системы, включающей коммерческие компании, исследовательские центры, университеты, консалтинговые и внедренческие фирмы, способные эффективно оперировать с нарастающим мировым пулом знаний, ассимилируя, адаптируя их к локальным нуждам и создавая при этом новые знания и технологии;

– наличие в национальной экономике значительного по объему и быстро растущего спектра продуктов интеллектуальной собственности – разработки, патенты, идеи, концепции, методологии, исследования, контент, программное обеспечение и интеллектуальные услуги.

Институциональные и экономические режимы, способствующие повышению спроса на эффективность в бизнесе и не обладающие свойствами, тормозящими этот спрос, характеризуются следующим набором основных институциональных и экономических аспектов.

1. Доминирование в экономике чисто финансовых интересов, свободных от госвмешательства и цензуры. Отсутствие интересов власти в бизнесе конкретных компаний.

2. Четкое и последовательное законодательство, а также его правоприменение в вопросах интеллектуальной собственности.

3. Высокая степень дерегуляции и либерализации отраслей экономики (в особенности, в области телекоммуникации).

4. Эффективный обмен информацией, стимулирующий рост коммерции на основе интегрированной среды финансовых и юри-

дических фирм, кредитных бюро, рейтинговых компаний и рыночных аналитиков.

5. Наличие значительного числа крупных независимых банков, не аффилированных с промышленными группами.

6. Наличие стабильного национального рынка капиталов с хорошей ликвидностью и активными акционерами (такими как, например, институциональные инвесторы).

7. Ясное и эффективное законодательство и его правоприменение в случае банкротств.

8. Совместные целенаправленные действия государства и бизнеса по стимулированию роста прозрачности, аудируемости и управляемости бизнеса.

9. Максимальное сокращение барьеров для импорта.

Следует особо сказать, что помимо названных аналитиками Gartner стимулов и препятствий информатизации и повышению конкурентоспособности бизнеса, универсальных для любой страны мира, в России существуют и свои собственные «стимулы и препятствия». Ее специфика заключается в векторе мышления российской власти и бизнеса, направленном в прошлое, а не в будущее. Это прошлое, продолжающееся, к сожалению, и в настоящем, характеризуется единственной экономической доминантой – экспортом энергоносителей. В то время, когда все наиболее развитые страны мира движутся в направлении построения у себя экономики знаний, Россия, будучи баснословно богата энергоресурсами и обладая при этом неприлично бедным населением, не рассчитывает на получение статуса энергетической кладовой (Petrostate). По сути, такая позиция не только препятствует каким-либо попыткам начать постиндустриальную модернизацию, но и является откровенно антимодернизационной. Цены на углеводородное сырье рано или поздно упадут, а вот останется ли к тому времени место для России в международном разделении труда на постиндустриальных мировых рынках – это большой вопрос.

Есть ли для нас место в пассажирском салоне?

В приводимой выше метафоре Алена Туре на пути человечества в постиндустриальное будущее есть страны, определяющие направление движения (пилоты), и страны, участвующие в этом движении (пассажиры). Остальные страны оказываются за бортом этого движения в будущее со всеми вытекающими последствиями. Оставим пока вопрос о том, сможет ли Россия стать одним из «пи-

лотов». Попробуем оценить ее шансы оказаться в «пассажирском салоне», представляющем собой место, которое смогут занять разные страны на глобальных рынках труда постиндустриальной мировой экономики (если не рулить, так хоть участвовать в движении). Дать такую оценку, к сожалению, несложно, поскольку речь идет лишь о тех видах продукции или услуг, в которых Россия может устойчиво выигрывать конкуренцию на мировом рынке, а их немного. Например, авиация и космонавтика. Но какой объем инвестиций потребуется, чтобы выигрывать конкурентную борьбу с такими гигантами, как, например, Боинг? Тут, по-видимому, может пойти речь о суммах того же порядка, что и золотовалютные резервы России. А на что же тогда создавать внутреннюю инфраструктуру в России, бороться с демографическим кризисом, строить жилье? Тогда, может, атомная промышленность? Но, пожалуй, и здесь для выигрыша тендеров на мировом рынке нужны сверхвысокие инвестиции, как минимум не уступающие по объемам тем средствам, которые вкладываются в атомную промышленность развитыми странами мира. И это опять сотни миллиардов долларов.

Аналогичная ситуация получается и при рассмотрении любых иных сфер материального производства высокотехнологической продукции. Объем инвестиций, необходимых для реальной конкуренции на мировых рынках, оказывается столь гигантским, что не спасают никакие ссылки на наличествующие и потенциальные финансовые поступления от экспорта энергоносителей. Более того, экономика России сейчас построена так, что при замедлении роста мировых цен на энергоносители (не говоря уже об их падении), стабилизационный фонд останется единственным «спасательным жилетом», чтобы продержаться на плаву хотя бы два-три года.

Что же тогда, тупик, и вариантов нет? Да нет. Есть один вариант. Только в сфере не материального производства, а производства интеллектуальных услуг. В этом случае конкуренция переносится с глобальных товарных рынков на глобальные рынки услуг, предоставляемые по так называемой «глобальной модели предоставления услуг» (ГМПУ). Эта модель в последние годы становится главным фактором, определяющим структуру и динамику развития мирового рынка ИТ-ориентированных услуг. К ним помимо уже ставших привычными услуг по внедрению, поддержке и развитию самих ИТ относятся услуги по аутсорсингу бизнес-процессов (Business Process Outsourcing – BPO) и знаний (Knowledge Process Outsourcing – KPO).

Аутсорсинг бизнес-процессов касается, прежде всего, различного рода call-центров, бухгалтерии и финансов, а также систем, обеспечивающих работу с корпоративными кадровыми ресурсами (HR). Спрос на этот класс сервисов по ГМПУ составит, по оценке Evalueserve, к 2010 г. более 150 млрд. долл. и удовлетворяться в связи с нехваткой людских ресурсов будет лишь на 40%. При этом мировой рынок ВРО составит около 200 млрд. долл.

Аутсорсинг знаний включает в себя такие виды сервисов, как работа с базами знаний, инжиниринг и дизайн, биотехнологические и фармакологические расчеты, обработка юридических, патентных и страховых данных и т.д. Потребность в получении этого класса сервисов по ГМПУ составит, по оценке Evalueserve, уже к 2010 г. не менее 20 млрд. долл.

Главными потребителями услуг по ГМПУ являются высоко-развитые страны и, прежде всего, США. Для них использование ГМПУ является одним из важнейших факторов эффективности экономики. По данным Global Insight, Inc., США, создавая сотни тысяч рабочих мест в других странах, тем самым создает у себя как минимум вдвое больше рабочих мест, обеспечивая прирост ВВП на десятки миллиардов долларов (рис. 4).

Число рабочих мест

Прирост ВВП

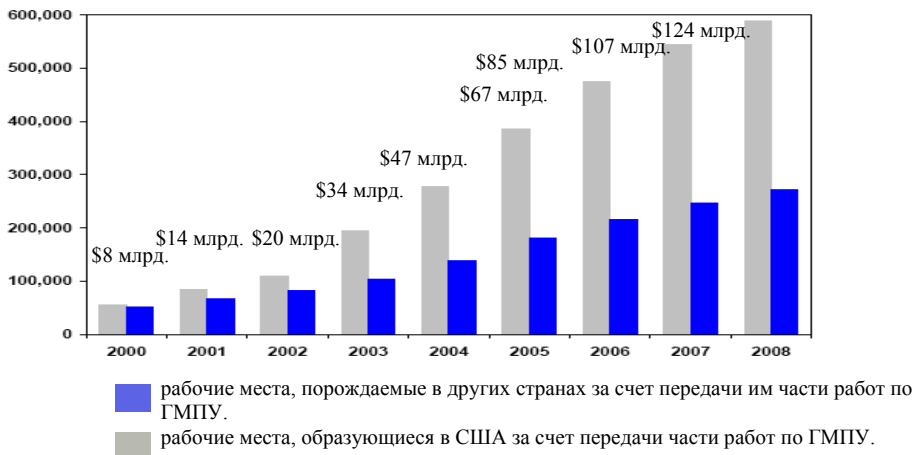

Рис. 4. Число мест, создаваемых и тем самым порождаемых США при использовании ГМПУ. Прирост ВВП, получаемый США в результате использования ГМПУ (Источник: Global Insight, Inc. 2005).

Что же касается стран, располагающих, по мнению экспертов, наибольшим потенциалом в использовании ГМПУ, то Россия находится в группе лидеров (рис. 5).

Объясняется это следующим. Во-первых, по главному критерию – стоимости людских ресурсов, потенциально пригодных для использования в бизнесе по ГМПУ, – Россия выглядит совсем неплохо (рис. 6). И хотя в Индии и Китае стоимость людских ресурсов еще ниже, во многих других странах из группы лидеров она выше российской.

Во-вторых, даже по сводному рейтингу, разработанному в 2005 г. экспертами Gartner и учитывающему девять основных индикаторов пригодности стран для ГМПУ, Россия практически ничем не уступает таким странам из лидирующей группы, как Южная Африка, Северная Ирландия, Ирландия и Филиппины (рис. 7).

По сути, лучший рейтинг имеют лишь безусловный лидер – Индия, а также Китай, Израиль и Чешская республика. Однако уже сегодня большинство западных экспертов считают, что монопольному лидерству Индии в данном вопросе скоро придет конец. Дело в том, что мировой бизнес более не желает «складывать яйца в одну корзину», тем более что оценка политико-экономических рисков для офшорных инициатив в Индии немногим меньше, чем, например, у России (рис. 8).

Развитые страны уже начали искать альтернативы Индии при использовании ГМПУ. И если по части так называемых низкоуровневых видов услуг (Low-End Services) потенциальным преемником Индии скорее всего станет Китай, то по части высокоуровневых видов услуг (High-End Services) наилучшие шансы имеет Россия.

К группе высокоуровневых услуг относятся наиболее сложные виды ИТ-услуг (например, разработка новых классов заказных приложений) и практически все виды аутсорсинга знаний. С каждым годом они увеличивают свою долю в общем объеме предоставляемых услуг. Объясняется это, в первую очередь, чисто экономическими причинами (за них платят более чем в 2 раза дороже). Переход наиболее подготовленных провайдеров услуг от предоставления низкоуровневых услуг к высокоуровневым уже начался и будет, по мнению экспертов, играть весьма важную роль в трансформации ГМПУ (рис. 9).

Лидер и его основные конкуренты	Перспективные игроки	Новички, которым еще нужно подтянуться
Венгрия Индия Ирландия Канада Китай Израиль Малайзия Мексика Северная Ирландия Филиппины Польша Россия Чешская республика Южная Африка	Австралия Беларусь Болгария Бразилия Коста-Рика Египет Эстония Ямайка Латвия Литва Маврикий Новая Зеландия Румыния Сингапур Словакия Испания Украина	Аргентина Куба Фиджи Гана Марокко Непал Никарагуа Пакистан Сенегал Словения Южная Корея Шри-Ланка Тайвань Таиланд Тунис Турция ОАЭ Венесуэла Вьетнам

Рис. 5. Страны мира, потенциально пригодные для использования ГМПУ.
Источник: Gartner (июнь 2005).

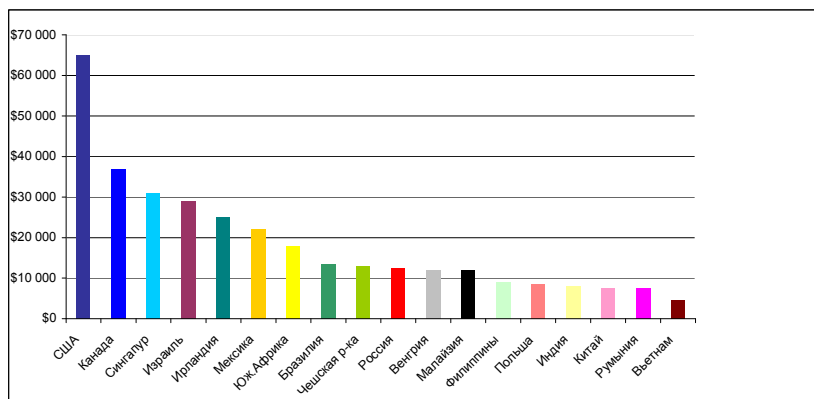

Рис. 6. Средние зарплаты программистов в 2004 г.
Источник: Gartner (июнь 2005).

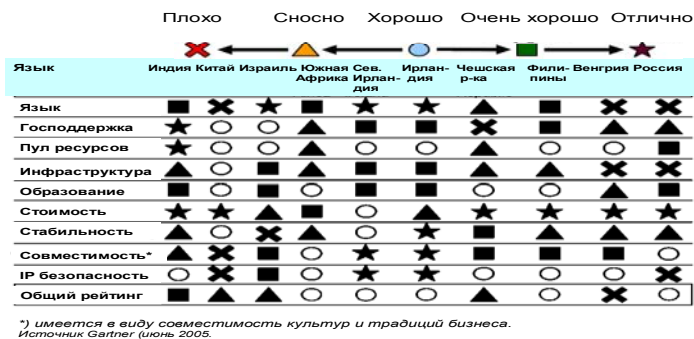

Рис. 7. Квалификационные индикаторы оценки стран для использования ГМПУ

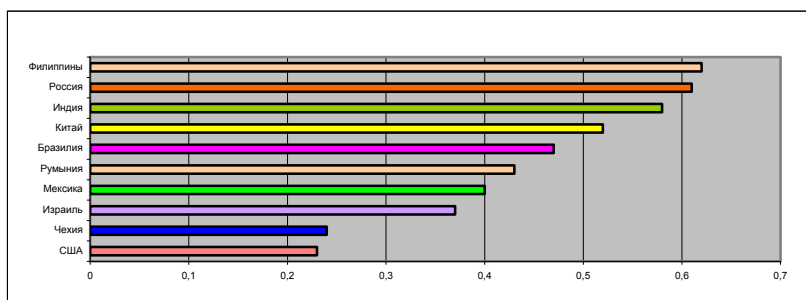

Рис. 8. Национальный индекс политико-экономических рисков для офшорных инициатив.
Источник: Gartner (июнь 2005).

Рис. 9. Трансформация глобальной модели
в сторону повышения доли предоставляемых
высокоуровневых услуг

По оценке аналитиков LINEX (с учетом данных Gartner, Evaluate, NASSCOM и McKinsey), мировой рынок низкоуровневых видов услуг (включая ИТ-услуги и ИТ-ориентированные услуги), предоставляемых по ГМПУ, составил в 2005 г. порядка 37 млрд. долл., тогда как сегодняшний объем рынка высокоуровневых услуг не превышает 8 млрд. долл. Согласно прогнозам LINEX, к 2010 г. объемы этих рынков составят соответственно 70 млрд. и 33 млрд. долл., а к 2015 г. – соответственно 150 млрд. и 130 млрд. долл.

Индия, по оценке экспертов Evaluate, готова к 2010 г. взять на себя реализацию низкоуровневых видов услуг на сумму около 18 млрд. долл., а высокоуровневых – порядка 12 млрд. долл. Для достижения этих показателей ей нужно будет к уже занятым сегодня экспортом услуг 270 тыс. ИТ-специалистов мобилизовать примерно 800 тыс. ИТ-специалистов.

Чем сможет ответить на это Россия, зависит от того, будет ли, как и прежде, российская ИТ-индустрия находиться вне сферы на-

циональных российских интересов или же, наконец, ситуация изменится и появится новый национальный проект в этой области.

Потенциал для кардинального прорыва в экспорте высокотехнологических услуг у России есть. Если бы, подобно странам, близким России по образовательному уровню (США, Великобритания и т.д.), мы смогли бы привлечь для работы в ИТ-индустрии, скажем, 3% населения, то количество ИТ-специалистов составило бы более 4 млн. человек (по данным за 2004 г., в США работали более 10 млн. ИТ-специалистов, Великобритании – около 1,7 млн.). Задействовав, подобно Индии, две трети этих специалистов в области экспорта ИТ-ориентированных услуг и ИТ-услуг, Россия могла бы получить ресурсный пул из более чем 4 млн. человек (до 20% из которых, согласно оценкам экспертов, можно было бы задействовать для предоставления высокоуровневых услуг), что позволило бы зарабатывать суммы, соизмеримые с получаемыми от экспорта энергоносителей (рис. 10).

Конечно, все не так просто. И для достижения столь масштабной цели недостаточно продекларировать строительство в России нескольких технопарков. Более того, подобная цель не может быть достигнута, даже если эти технопарки действительно построить, поскольку ее масштаб требует мобилизации гораздо более серьезных финансовых и людских ресурсов, а главное, не мыслима без долгосрочного стратегического планирования на уровне национального проекта. Тем не менее инвестиции, которые могли бы потребоваться для подобного проекта, на порядок меньше тех, что необходимо вложить в отраслевое развитие для успешной конкуренции любой материальной продукции (самолеты, спутники и т.д.) российского производства на мировом рынке.

Помимо этого чисто финансового аргумента есть другой важнейший аргумент в пользу выбора конкуренции в сфере нематериального, а интеллектуального производства (и не продукции, а услуг) для завоевания Россией своего места в международном разделении труда в постиндустриальной мировой экономике – использование интеллектуального ресурса нации. Именно этот ресурс (а вовсе не углеводородное сырье), будучи правильно и эффективно использован, мог бы позволить нашей стране занять достойное место в новой мировой экономике, основанной на знаниях.

Вид услуг	Низкоуровневые услуги	Высокоуровневые услуги
Цена за час	\$15	\$33
Годовой доход на одного ИТ-специалиста	\$30 000	\$66 000
Число ИТ-специалистов сегодня занятых в этой области	11 000	5000
Выручка от их деятельности (млн.)	\$330	\$330
Потенциальное число ИТ-специалистов для этой области	2130000	530000
Выручка от их деятельности (млн.)	\$63 900	\$34 980

Рис. 10. Оценка объемов экспорта ИТ-ориентированных услуг и ИТ-услуг в сравнении с экспортным потенциалом России в 2005 г.

По заключению экспертов Evaluesere, Россия наряду с Израилем и Ирландией обладает самым мощным в мире человеческим потенциалом для оказания высокоуровневых услуг по ГМПУ (причем на нее приходится более 90% человеческого потенциала указанных трех стран, пригодного для оказания высокоуровневых услуг). Уникальными преимуществами России в этой области являются:

- весьма сильная (даже в сравнении с самыми развитыми странами) система высшего образования;
- большое число супервысококласных ученых и инженеров, доставшихся России еще с советских времен, изрядно уменьшенное утечкой мозгов и вымыванием специалистов из своей профессиональной деятельности необходимостью хоть какого-то заработка, они и по сей день представляют собой уникальный о резерв нации;
- третий по величине в мире пул инженерных и научных кадров на душу населения;
- уникальная «заточенность» ряда российских (советских) научно-практических школ в области инжиниринга;
- общепризнанный высочайший уровень российских ученых и специалистов в прикладных математических направлениях и задачах комплексной оптимизации;

– «переизбыток» специалистов многих интеллектуальных профессий, от дефицита которых страдают сегодня развитые страны (патентоведы, расчетчики, аналитики, инженеры-проектировщики и т.д.).

Реальное использование вышеназванных уникальных преимуществ есть не что иное, как превращение российской экономики из экономики экспорта энергоресурсов в экономику знаний. И другого продуктивного способа для России занять достойное место на глобальном рынке трудовых ресурсов мировой постиндустриальной экономики, похоже, нет.

Последний ли это шанс?

Россия уже не раз в своей истории упускала шанс начать модернизацию. И сейчас, когда речь идет о постиндустриальной информационной модернизации, она может «наступить на те же грабли». Экспорт информационных услуг мог бы дать один из немногих шансов занять достойное место в международном разделении труда. Россия обладает многомиллионным человеческим ресурсом, способным работать на мировом уровне в области глобального предоставления ИТ-услуг. В нашей стране существует достаточно многочисленный слой образованного населения и сохранившиеся еще с советских времен весьма продвинутые научно-технические школы, продолжающие, несмотря ни на что, готовить интеллектуальные кадры, дефицит которых в постиндустриальном обществе становится главным сдерживающим фактором развития. Именно эти интеллектуальные кадры могли бы сформировать социальный субъект постиндустриальной модернизации. А если подобный субъект в России не появится, и модернизация, как это бывало прежде, будет лишь декларироваться властями и спускаться на тормозах, то нас ожидает легкопрогнозируемый отрицательный результат.

В то же время формирование социального субъекта постиндустриальной модернизации на мировом рынке конкурентных услуг может произойти только пока остаются свободные ниши. Риск упустить момент в процессе сегментации мирового постиндустриального рынка рабочей силы крайне высок. Дефицит национальных кадров для оказания информационных услуг¹ и широкое распространение ГМПД для снижения собственных затрат крупнейшими корпорация-

¹ По оценкам Evaluesere, этот дефицит в 2010 г. составит в США около 6 млн. человек, а в Великобритании приблизится к 1 млн. человек.

ми мира¹ будет еще как минимум 10–15 лет стимулировать страны с более дешевой рабочей силой ориентировать свои трудовые ресурсы на офшорное и ниешорное² предоставление ИТ и ИТ-зависимых услуг. Индия уже приняла стратегическое решение воспользоваться этим глобальным трендом, дабы обеспечить себе «место в пассажирском салоне летящего в будущее самолета» (к 2010 г. она планирует экспортировать из своей страны ИТ и ИТ-зависимые услуги на сумму 50 млрд. долл.). Однако и другие государства (Филиппины, Малайзия, Вьетнам, страны Латинской Америки и т.д.) уже осознали, что глобальная модель предоставления ИТ-услуг может дать им шанс занять свое место на международном рынке труда в постиндустриальном мире. И они уже бьются за эти места, а инвестиции крупнейших международных ИТ-сервис-провайдеров (а также их крупнейших клиентов из списка Fortune TOP500) на развитие инфраструктуры предоставления ИТ-услуг по глобальной модели из этих стран насчитывают миллиарды долларов.

Упустит ли Россия в этом процессе свой шанс, неизвестно. Но если упустит, то о постиндустриальной модернизации можно будет забыть очень надолго, если не навсегда.

¹ По оценкам Gartner, объем услуг, получаемых во всем мире по ГМПУ, будет расти в ближайшем будущем со скоростью +35% в год.

² Ниешорное предоставление услуг аналогично офшорному, но услуги предоставляются не из «дальних», а из соседних стран.

Игумен Иннокентий (Павлов)

ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СТРАТЕГИЮ РОССИИ

Будучи специалистом в области библейского богословия и церковной истории и взявшись выступить на тему «Христианский взгляд на государственную стратегию России», я в полной мере отдаю себе отчет в том, какой скепсис может вызвать такая формулировка у экспертного сообщества.

Так, социолог обратит внимание на то, что практикующих христиан в России, по данным исследований, проводившихся в последние 12 лет (первый такой опыт, ставший образцовым, ВЦИОМ провел в 1993 г. при непосредственном участии автора) [4, с. 105], будет не более 5% ее населения, при том, что постоянная клиентская база крупнейшей христианской структуры страны – Русской Православной Церкви – Московский Патриархат (РПЦ-МП) окажется в 2 с лишним раза меньше. Но главное здесь даже не эти цифры, вполне достойные нашего секулярного века и нашей безусловно передовой в культурном отношении страны, а в том, что российские христиане, точнее приверженцы РПЦ-МП, составляющие их абсолютное большинство, не представляют собой сколько-нибудь консолидированную массу, обладающую тем, что покойный Л.Н.Гумилёв называл «пассионарностью», и способную предложить, прежде всего, самим себе реалистичный социальный проект.

В свою очередь скепсис историка будет базироваться на том простом соображении, что в истории России церковь была не столько социальным и культурным, сколько ритуальным институтом, и остается таким до сих пор. Достаточно сказать, что попытка Петра Великого придать ей в своем модернизаторском проекте социально-карикативные и идеологические функции, подобно тому, как это имело место в тогдашней Западной Европе, оказалась безрезультатной. Общеизвестно, что как богоугодные заведения, устраивавшиеся

в послепетровской России вплоть до Октябрьского переворота, так и общественные структуры каритативного характера лишь в редких случаях являлись результатом церковной инициативы.

Наконец, религиовед вообще обратит внимание на эсхатологический характер христианства, ищущего полного осуществления своего идеала за гранью истории, а не в этой жизни, подчеркнув при этом, что историческое православие, в форме которого оно веками присутствовало в России, делает на этом особый акцент. Это действительно так, в связи с чем можно вспомнить слова основателя Московской Патриархии митрополита Сергия (Страгородского), писавшего в 1926 г.: «Прогресс церковный мы видим не в приспособляемости церкви к “современным требованиям”, не в урезке ее идеала и не в изменении ее учения или канонов, а в том, чтобы при современных условиях в церковной жизни и в современной обстановке суметь зажечь и поддержать в сердцах нашей паствы весь прежний огонь ревности о Боге и научить пасомых в самом зените материального прогресса находить подлинный смысл своей жизни все-таки за гробом, а не здесь»¹. Другое дело, что наши нынешние политические прожектеры, грезящие неоимперской идеей, апеллируют к православию, не ведая, с чем они имеют дело. Решая взять его в качестве идеологического знамени, они, толком не зная отечественной истории, не учитывают его неэффективность в этом качестве в ситуации XX, а тем более XXI в., что наглядно показали революционные события 1917–1920 гг. Поэтому с учетом сказанного встает вопрос: а нужно ли вообще государству, светский характер которого оправдан всем ходом его истории, учитывать взгляд на свою стратегию религиозного учения, основывающегося на вере в воскресение мертвых и окончательный Божий суд, которые произойдут уже вне исторического времени²?

Тем не менее, учитывая все приведенные выше замечания, я дам положительный ответ на поставленный вопрос, приведя следующие

¹ Цит. по: Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 [1, с. 474].

² Учитывая необходимость как для экспертного сообщества, так и для всех, кто в нашей стране так или иначе интересуется христианством, иметь систематическое представление о его идеях на основе первоисточников, автор, будучи в первую очередь специалистом в области библейского богословия, подготовил специальное пособие *«Новый Завет. Избранные тексты. Интерпретации и комментарии»* [10], включающее новый литературный перевод наиболее актуальных новозаветных текстов с поясняющими примечаниями, а также необходимые вводные статьи и глоссарий библейских терминов.

очевидные соображения. Прежде всего следует сказать, что наряду с эсхатологическим базовым элементом христианство, находясь в контексте библейской традиции, содержит также весьма важный как для себя, так и для развития европейской цивилизации компонент, который я определяю таким вышедшим ныне из моды в нашей гуманитарной среде термином, как общечеловеческий. Речь идет о *справедливости* как о высочайшей, не подверженной никакой исторической девальвации ценности, или, правильнее было бы сказать, бесценности. К государству это имеет уже самое непосредственное отношение, поскольку поддержание справедливости во все века считалось его первейшей функцией, и именно с точки зрения того, как эта функция им выполнялась, о нем судили как современники, так и последующие историки. В свою очередь о том, что справедливость выступает в качестве высочайшей общечеловеческой святыни, можно судить по известной римской юридической максиме: *Pereat mundus, fiat justitia*¹. Впрочем, смысл ее состоит вовсе не в желании гибели этого мира, а в том, что само существование человеческих институтов, и прежде всего именно государства, теряет смысл, если в своей деятельности они не следуют началам справедливости. Далее я хотел бы обратить внимание вот на какое обстоятельство. Хотя догма античного, еще римского, права до сих пор лежит в основе правового регулирования и судопроизводства государств, которые принято называть цивилизованными, имея в виду именно модель обретшей ныне глобальную перспективу евроатлантической цивилизации, все-таки не столько оно, сколько именно христианство определило ее лицо, имея в виду ее нынешнюю аксиологическую ориентацию. Собственно, речь здесь должна идти о таком очевидном теперь принципе справедливости, как всеобщее равенство перед законом. С этим связана такая же несомненная святыня, или же бесценность современной европейской цивилизации, как права человека, которые также носят универсальный характер. В связи с этим необходимо указать на то, что, в отличие от таких исторически значимых цивилизаций, как египетская, ассиро-вавилонская, персидская и греко-римская, окружавших евреев, то есть народ, в котором зародилась библейская традиция, в их среде осознание себя народом Божиим подразумевало равенство всех принадлежащих к нему перед Богом независимо от их преходящего социального статуса. Это следует из имеющей центральный, если так можно сказать, политический характер библейской заповеди о любви к ближнему как к самому себе

¹ Да будет справедливость, даже если ради этого погибнет мир.

(Лев. 19:18). Кстати, с ней напрямую связана другая фундаментальная заповедь Моисеева законодательства, весьма актуально звучащая в современной России, а именно – о справедливом и главное своевременном вознаграждении наемных работников (Лев. 19:13). Заповедь о любви к ближнему, представляющая собой в библейском контексте не столько даже этическую, сколько юридическую норму, присутствует во всех передовых этических учениях древности – от Конфуция до Цицерона и Сенеки, – имея в разных вариантах такую формулировку: Не делай другому ничего того, чего ты не желаешь себе. Христианский богослов должен здесь сказать, что отмеченный универсализм требования справедливости, по учению апостола Павла, относится к Божьему закону, начертанному на сердцах людей (Рим. 2:15), что, говоря светским языком, должно быть охарактеризовано как естественный (или врожденный) нравственный закон. Отсюда следует и другое воззрение Павла, будь-то еврейского учителя, каковым он был до своего обращения, будь-то апостола Христа, а именно: пока существует этот мир, государство, даже если оно и не религиозно в библейском понимании, все равно выступает как Божье установление, призванное охранять своих подданных от преступных посягательств как на отдельных индивидов, так и на общество в целом (Рим. 13:1–10). Впрочем, для современной глобальной аксиологии куда большее значение имеет радикализация Павлом библейского учения о любви к ближнему, которое в раскрытии учения Иисуса формулируется им в том смысле, что в церкви Христовой нет уже никаких социальных, культурных, национальных и гендерных различий (см. Гал. 3:28, ср. Кол. 3:11). При этом, в отличие от ветхозаветной эксклюзивности, когда ближним является лишь принадлежащий к обществу Израиля, в Новом Завете в этом качестве рассматривается уже любой человек, независимо от его происхождения и социального статуса, поскольку к нему обращено церковное свидетельство о пришедшей во Христе любви Божьей к роду человеческому.

Однако встает естественный вопрос: а как рассмотренные выше морально-юридические нормы, будь то Ветхого Завета в Древнем Израиле, будь то Нового Завета в провозгласившей себя в IV в. христианской Римской империи и затем в государствах, включая и наше, заимствовавших от нее христианство в качестве государственной религии, реализовывались на практике? Вопрос этот, понятно, риторический, поскольку ответ на него являет нам трагический разрыв между теорией и практикой, о чем ниже придется сказать особо. Здесь же необходимо отметить то очевидное обстоятельство, что,

воспитанное на христианской идее универсальной справедливости и всеобщего равенства пред Богом, ставшее автономным (то есть мыслящим себя независимым от Бога в своей практической жизни), сознание Нового времени¹ в своем политическом развитии выдвинуло в качестве категорического императива требование справедливости на основе всеобщего равенства уже не перед Богом, что в конечном итоге предполагает эсхатологическую перспективу, а в имманентной реальности. Христианская мысль отреагировала на этот вызов нарастающего секуляризма лишь на рубеже XIX–XX вв., когда Европа и Америка успели пройти через не одну социальную революцию. Ответ ее сводился к той простой идее, что общество, провозглашающее себя христианским, должно радикально проводить в жизнь христианские начала в своей политике. В связи с этим в качестве христианского социального мыслителя Сергей Булгаков писал в 1906 г.: «Если мерить исторические формы правления по степени их приближения к идеалу, то христианской формой правления по преимуществу является никоим образом не деспотический автократизм татарско-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью, а федеративная демократическая республика, как это хорошо понимали в свое время английские диссиденты, эмигрировавшие в Америку. Какова бы ни была форма политического устройства, она должна ограждать естественные права человеческой личности: свободу слова, свободу совести, свободу общения людей между собой, иначе говоря, свободу союзов и собраний и т.д., и должна исключать сословные и всякие иные привилегии, нарушающие правовое равенство людей. Эти права должны быть аксиомой христианской политики, и если подвергать сравнительной оценке разные политические формы с точки зрения их целесообразности, то те формы, которые не способны обеспечить этих прав свободного развития личности, подлежат безусловному осуждению» [5, с. 14]. Касаясь рассматриваемой нами сегодня темы, весьма интересно взглянуть на мысли Булгакова, высказанные им столетие тому назад, учитывая, что в перспективах своего развития Россия возвращается теперь к необходимости решения стоявших перед ней тогда стратегических задач. Говоря о российском народе, лишенном полноценного исторического бытия, Булгаков писал в

¹ Об автономизации сознания в Новое время весьма интересно пишет один из крупнейших современных христианских богословов Вальтер Каспер в своей известной книге *«Бог Иисуса Христа»* (см. раздел *«Отрицание Бога в современном атеизме»* (с. 20–90)) [9].

1903 г.: «Вынужденный аскетизм и смирение, нищета и бесправие еще стоят на пути его развития» [6, с. 286]. Отсюда следует и постановка стратегической задачи: «Освобождение его (народа), создание условий не зоологического, а человеческого существования есть насущная историческая необходимость» [6, с. 286]. При этом настоящий «русский ренессанс», в том числе и духовный, по его мнению, наступит тогда, когда произойдет «поднятие личности, ее прав, потребностей и имущественного благосостояния» [6, с. 287]. Думаю, нет смысла здесь много говорить о том, насколько все сказанное Булгаковым и спустя более чем 100 лет звучит актуально в нынешней России. Одно лишь обращение к российской прессе последнего пятидесятилетия могло бы дать нам многие тома примеров. Так что в постановке своей государственной стратегии, если смотреть на нее с христианской точки зрения, с каковой на нее и смотрел Булгаков, нам во многом следует обратиться к тому, о чем он говорил на заре XX в.

Но вернемся к автономии человеческого сознания Нового времени, в котором современные христианские мыслители видят причину нового вектора социального развития, хотя и базирующегося на христианской аксиологии, но решительно порвавшего с христианством как в философском, так и в практическом отношении. Первым наиболее ярким примером такого разрыва явилась Великая революция во Франции. Однако, начертав на своих знаменах лозунг «Свобода, равенство, братство», она в конечном итоге породила политический режим, явивший нам классический образец коррупции государственных институтов. Кстати, связанный с современной российской коррупцией термин «новый русский» есть не что иное, как калька с родившегося в послереволюционной Франции термина «nouveau riche» («новый богатый»). Этот банальный пример я привел для того, чтобы показать, что ни осознание себя древними евреями или древними христианами народом Божиим, ни осознание атеистами Нового времени себя людьми, отстаивающими равенство и справедливость, никогда не гарантировало ограждение общества от беззакония или, как теперь принято говорить, коррупции. Сие латинское слово означает порчу. Однако эта самая порча государственных институтов, хорошо известная и по истории Древнего Израиля, и по истории Римской империи, и по истории Нового времени, и, наконец, по нашей отечественной истории, что называется, от Рюрика до Путина, если на нее смотреть с библейской, а следовательно, и с христианской точки зрения, лежит в испорченности самой человеческой природы. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышле-

ния сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6:5). Так священный автор в самой первой книге библейского канона обозначает начальную драму человеческой истории. Обращаясь к библейской традиции, мы увидим, что она вся полна глубокого антропологического пессимизма, который в полной мере был затем воспринят христианской мыслью. Это может быть темой весьма пространной самостоятельной работы, во много раз превышающей рамки статьи. Здесь же я лишь отмечу то очевидное обстоятельство, что антропологический пессимизм, а проще говоря, неверие в человека как в существо, способное к законопослушному поведению без эффективного контроля, также является не только важным компонентом христианства, но и господствующей общечеловеческой идеей, которая без лишних деклараций вполне реализуется в современной глобальной теперь уже цивилизации (другое дело, что иные локальные цивилизации не готовы пока в нее вписаться). О чем идет речь? А о том, что современный уровень информатизации позволяет просто-напросто исключить коррупционное поведение. Хрестоматийным примером этого является автоматизированный контроль за автомобильным движением, осуществляемый в западноевропейских странах, когда то же превышение водителем дозволенной скорости фиксируется монитором, его идентификация осуществляется компьютером, и от дорожного инспектора уже не зависит принятие (или же коррупционное неприятие) по отношению к нарушителю законных санкций. Не случайно также и то, что в современном политическом и экономическом лексиконе центральное место занимает понятие транспарентности, или, по-русски говоря, прозрачности, когда речь идет о принятии политических и правовых решений или же об имеющей общественную значимость экономической деятельности.

В связи с этим сейчас в самый раз поставить проблему даже более масштабную. А не настало ли время выработки новой социальной философии, исходящей из уже наступившей информационной эпохи? Суть ее я вижу в дегуманизации, то есть в философском обосновании исключения, насколько это возможно, теперь и в обозримом будущем человеческого участия в принятии решений там, где вероятны либо непреднамеренная ошибка, либо слабая эффективность, либо все то же коррупционное поведение. Здесь можно было бы говорить об очень многом, и я надеюсь, что такой разговор у нас состоится. А сейчас укажу только на два характерных обстоятельства современной российской жизни. Например, наша общественность, мыслящая себя «прогрессивной», ратует за такую архаику, как суд присяжных, правовая неэффективность которого в Рос-

сии была очевидна уже в XIX в., вместо того чтобы ставить вопрос о компьютеризации судопроизводства, позволяющей минимизировать возможный произвол. Или же возьмем пресловутое противление единому государственному экзамену на аттестат о среднем образовании, уже давно показавшему свою надежность в Западной Европе. О чем это говорит, как не о глубочайшей коррумпированности российского образовательного сообщества, отражающей, впрочем, историческую коррумпированность российского общественного сознания в целом, последствия чего для страны станут в самом ближайшем будущем довольно неприятными.

Ну а как же быть с государственной стратегией России в свете всего вышесказанного? Позволю себе в связи с этим применить традиционный библейский прием аналогии, наиболее ярко представленный в притчах Иисуса. Моя аналогия взята из не слишком давнего советского прошлого, когда в 70-е годы, имея шальные нефtedоллары, советское руководство предпринимало попытку наладить сферу производства товаров народного потребления. В связи с этим имел место и такой ставший анекдотическим случай. Для одной из многочисленных тогда макаронных фабрик была закуплена итальянская автоматизированная линия по производству спагетти. Итальянские специалисты линию установили, наладили, выпустили образцовую партию изделий и уехали. Однако, когда эту линию стал эксплуатировать советский персонал, она через несколько часов вышла из строя. Вызванные вскоре представители итальянской компании – производителя указанной линии, обратившись к записи установленного на ней компьютера, в то время еще довольно примитивного, показали советским товарищам, в чем причина. Оказывается, линия не может работать, если строго не соблюдаются технологические условия. Проще говоря, если уменьшается закладывание исходного сырья: муки, масла, яиц и т.д. Отсюда вывод: стоит ли говорить о какой-то государственной стратегии в стране, которая осталась на том же советском уровне мышления, когда все в ней только и думают о том, как бы урвать свой кусок от общественного пирога. Ведь коррупция – всегда явление двухстороннее и, будучи феноменом традиционным, предполагает наличие не только патроната, но и клиентуры. Очевидно, нынешнюю российскую клиентуру (экономически активный класс) пока устраивает характер отношений, сложившийся у нее с ее патронатом (классом политическим). И пока этот кризис так или иначе не разрешится, думаю, что разговоры о государственной стратегии будут носить чисто

теоретический характер. Другое дело, что думать о ней, безусловно, нужно уже теперь, причем не иначе, как имея в виду включение России в глобальную цивилизацию, поскольку другого пути у нее просто нет, что бы нам ни говорили разного рода горе-идеологи. А что касается реализации такой стратегии, то остается только надеяться, что она начнется еще при нашей жизни.

Однако, рассуждая о государственной стратегии нашей страны, нам следует обратиться еще к трем фундаментальным темам, имеющим, можно сказать, коренное значение для ее нормального существования и развития, поскольку именно в связи с ними теперь как раз просматривается ее явное выпадение из своего цивилизационного контекста. Причем речь здесь идет отнюдь не о передовых технологиях и инновациях. Речь идет о ставших в рамках современной евроатлантической цивилизации весьма консервативными явлениях политики, под которыми, следуя цитировавшемуся выше Сергею Булгакову, следует понимать не что иное, как общественную мораль¹, имеющую, несмотря на весь современный секуляризм, библейские корни.

Основой Закона (Торы), данного, согласно вере древних евреев, Богом через пророка Моисея, являются Десять заповедей, с которых как иудеи, так и христиане по сей день начинают свою катехизацию, то есть научение основам своей веры. Следует сказать, что в Древнем Израиле Моисеев Закон был не столько сводом нравственных предписаний, сколько кодексом юридических норм. При этом, если первые четыре заповеди определяли религиозные обязанности членов общества Израиля, то последующие касались их фундаментальных общественных обязанностей. Первая среди этих, можно сказать, социальных заповедей формулируется так: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе» (Исх. 20:12; Втор. 5:16). Если даже отделиться от религиозного компонента сказанного, то все равно остается признать, что мы имеем здесь фундаментальный постулат общественного бытия, кстати, имеющий аналоги в законодательных памятниках иных цивилизаций и потому опять же носящий обще-

¹ О политике (от греч. *πολις* – город, то есть совместное проживание многих, отсюда *политик* – следование правилам и обычаям, связанным с таким проживанием) именно как об *общественной морали* С.Н.Булгаков рассуждает в цитированной выше работе, игравшей роль манифеста несостоявшегося российского христианско-социального движения «*Неотложная задача. (О Союзе христианской политики)*» (с. 11).

ловеческий характер. Итак, о чем же в первую очередь идет речь? Специалисты-библеисты знают, что библейский язык порой прибегает к эвфемизмам, то есть в нем имеет место использование возвышенной терминологии, когда следует указать на довольно грубые и вполне материальные явления. Так и здесь под почитанием родителей понимается не только и даже не столько оказание им знаков внешнего почтения, что, впрочем, в древних цивилизациях было делом само собой разумеющимся, но именно заботу взрослых детей о материальном благополучии вырастивших их родителей, когда они состарятся и уже не смогут «в поте своего лица» добывать хлеб свой (Быт. 3:19). Впрочем, забота о престарелых, равно как и о тех, кто не мог в силу объективных причин добывать свой хлеб (вдовах, сиротах, убогих, то есть инвалидах), или же о тех, кто оказался в бедственном положении, согласно Закону Моисея, была в Древнем Израиле не только обязанностью близких родственников, но и, в случае необходимости, всей местной еврейской общины¹. Но вернемся к пятой заповеди Моисеева Десятословия. Здесь-то мы как раз и сталкиваемся с фундаментальной с точки зрения социальной мысли идеей о том, что долгоденствие и благополучие, причем не столько даже индивидуального человека, но именно прежде всего народа, к которому и обращены заповеди Божьи, ставятся в прямую зависимость от того, как он относится к старшему поколению, вырастившему его и подготовившему к самостоятельной жизни.

Уже в рамках христианской (а теперь и постхристианской) цивилизации, следуя требованию рассмотренного выше непреложного закона общественного бытия, предписывающего заботу о старших, постепенно выработалась эмеритальная система, равно как и система общественного призрения (по советской терминологии, социального обеспечения), когда заботу о престарелых членах общества и, прежде всего, тех, кто имеет перед ним заслуги, а также о тех, кто объективно не в состоянии себя материально обеспечить, стала делегироваться соответствующим общественным и государственным институтам, которые поддерживаются трудоспособным населением через систему социального страхования.

В связи с этим, обращаясь к недавнему советскому прошлому, остается сказать, что система социального обеспечения в нашей стране, причем, прежде всего, именно пенсионеров, имевших перед

¹ Об этом см. статью «Бедность, бедный, попечительство о бедных» в *«Библейской энциклопедии Брокгауза»* [2].

обществом трудовые заслуги, мягко говоря, оставляла желать много лучшего. Однако уже просто возмутительным является то, что, оставшись практически той же «социалистической», эта система существует уже в условиях рыночного экономического уклада, обрекая представителей старшего поколения на, говоря библейским языком, униженное положение, то есть положение крайней бедности, если не нищеты. Речь об этом тем более следует начать, касаясь именно государственной стратегии России, поскольку нынешнее российское руководство видит одним из ее компонентов создание в 2007 г. «фонда будущих поколений», первоначальный объем которого предположительно должен составить 50 млрд. долл., а в 2009 – 6–7% ВВП¹.

Идея создания такого фонда, как и многое в нынешней российской политической и политико-экономической мысли, не оригинальна и является прямым заимствованием опыта современной Норвегии, где такой фонд имеется. Однако, как и некоторые иные заимствования, подобный опыт в условиях нашей страны с учетом ее нынешних социальных проблем не применим. В самом деле, население Норвегии – страны, богатой полезными ископаемыми, а теперь еще нефтью и газом, традиционно эксплуатирующей опять же богатые морские биоресурсы и к тому же имеющей достаточно конкурентную промышленность, составляет менее 5 млн. человек. Все это позволяет ей в условиях развитой демократии и правовой системы иметь едва ли не лучшие в мире системы социального обеспечения и экологической защиты. При таких показателях создание некоего «фонда будущих поколений» с учетом невосполнимости запасов нефти и газа, равно как и вероятного падения цен на них, может представляться чем-то разумным. Хотя, с другой стороны, думая о будущем, не рациональнее ли было бы инвестировать эти средства в передовые технологии, которые позволят стране сохранить конкурентоспособность в дальнейшем? Мой недавний (в июле 2006 г.) опыт знакомства с Норвегией, в том числе с ее вполне обустроенным Заполярьем, показывает, что политика, связанная с «фондом будущих поколений», представляется отнюдь не бесспорной, поскольку порождает весьма опасное для развития любой нации социальное изживенчество. Достаточно сказать, что теперь любой норвежский школьник может без экзаменов поступить в

¹ Об этом со ссылкой на высокопоставленные источники в Министерстве финансов РФ сообщила газета «Ведомости» [3].

университет, и это при том, что специалистов с высшим образованием как в сфере норвежского народного хозяйства, так и на государственной службе реально требуется меньше, чем в стране имеется студентов. Более того, в Осло да и в других крупных городах страны весьма развитая сфера обслуживания занята уже преимущественно не коренными жителями, а выходцами из стран, представляющих иные цивилизации, пока, увы, еще малосовместимые с евроатлантической, что в обозримом будущем поставит перед страной весьма непростые социальные проблемы.

Кстати, Норвегия до сих пор позиционирует себя как христианская страна. Ее Церковь, имеющая национальный характер (евангелическо-лютеранская по своей конфессиональной принадлежности), при наличии в стране реальной свободы совести (процент атеистов по сравнению с другими европейскими государствами достаточно высок) продолжает оставаться государственным институтом. Можно также в связи с этим указать на довольно эффективную систему катехизации верующих, притом что упор делается именно на изучение Библии. Да и богословский факультет университета Осло должен быть признан одним из лучших в Европе теологическим высшим учебным заведением. Все это я говорю потому, что как раз с библейской точки зрения создание «фонда будущих поколений» представляется затеей не слишком нравственной. В связи с этим вспоминается сетование автора, пожалуй, самой философской книги Библии – Екклесиаста: Бывает, человек трудится умело, со знанием и успехом, а остается все тому, как будто это его, кто не трудился. Вот в чем никчемность и великое зло! (Екк. 2:21). Очевидно, что здесь имеется в виду не кто иной, как потомок труженика, получивший в наследство то, что позволяет ему беззаботно существовать и к чему он не приложил своего собственного труда¹.

¹ Из этой же аксиологии выводится и мораль притчи Иисуса о безумном богаче (Лк. 12:16-21), успешном сельском хозяине (в современном понимании зажиточном фермере), у которого уродился богатый урожай, способный обеспечить ему безбедную жизнь «на многие годы». И когда он об этом подумал, то Бог, явившийся ему во сне объявить, что в эту же ночь забирает его душу, задает ему странный с точки зрения современного человека вопрос: «Кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12:20). Очевидно, что у этого богача, как это было принято у евреев в древности, была семья и наследник, скорее всего даже не один. Сознание того, что он сам не сможет воспользоваться плодами своих трудов и все достанется тем, кто к этому не приложил усилий, составляет его трагедию, как это понимали непосредственные слушатели Иисуса. Однако из этой притчи Иисус делает следующий вывод: «Так бывает с тем, кто для себя собирает сокровища, а не для Бога богатеет»

Однако то, что норвежцам можно лишь попенять, имея в виду скорее теоретический вопрос о более или менее рациональном способе размещения и/или инвестировании излишних (после безусловного выполнения государством всех своих довольно высоких социальных обязательств) средств, вырученных от эксплуатации природных богатств, в современной России следует рассматривать как национальный позор, поскольку в связи с идеей «фонда будущих поколений» речь должна прежде всего пойти о бедственном положении поколения, отдавшего стране многие годы воистину самоотверженного труда. Здесь, кстати, мы сталкиваемся с интересным парадоксом социальной политики, напрямую связанным с библейской заповедью о почитании родителей. Ее исполнение, как уже отмечалось выше, обеспечивает долголетие и благополучие нации. И это не случайно. Воздавая должное тем, чье существование нынешнее российское чиновничество, кажется, превзошедшее все возможные пределы цинизма, называет «дожитием», государство, безусловно, делает самые эффективные инвестиции в будущие поколения, показывая им лучше любой пропаганды (которая, увы, кажется, стала финансироваться теперь в России едва ли не в советских масштабах), что оно надежно, что на него можно положиться, что, живя именно в нем, стоит честно и эффективно трудиться и платить установленные им налоги и сборы. Иными словами, речь идет о государственной стратегии обеспечения России поступательного развития, участие в котором призваны принять как раз будущие поколения¹. А что касается тех, кто уже завершил свой

(Лк. 12:21). Последнее выражение для непосредственных слушателей притчи означало необходимость следования Божьей заповеди о помощи нуждающемуся (Втор. 15:7–11), что в историческом контексте, имея в виду значительное социальное и имущественное расслоение общества Израйля в I в. н.э., указывало на его значительное отступление от тех принципов общинной (или же национальной) солидарности, которые провозглашал в качестве нормы Моисеев Закон.

¹ Когда я писал эти строки, мне на глаза попала, пожалуй, первая виденная мной за весь постсоветский период внятная политическая программа, точнее пока еще ее проект, составленная в недрах Союза правых сил, пусть и не во всем бесспорная, но зато дающая оптимальные ориентиры государственной стратегии нашей страны в области социальной и экономической политики. Любопытно, что опубликовавший ее (причем даже не полностью) в «Московских новостях» со своими «маргиналиями» главный редактор указанного издания Виталий Третьяков, выступающий с позиций пропагандиста в роли оппонента СПС, пеняет составителям проекта: *«Нужен всего лишь яркий и лапидарный раздел о молодежи. У вас слово “молодежь” вообще, по-моему, отсутствует. Зато раз пять возвращается к “старикам” и “пенсионному обеспечению”»* [7]. Прочтя это, я вос-

трудовой путь, то обеспечение достойной старости путем расходования средств, в том числе и тех, что было задумано вложить в совершенно социально безответственный в нынешних российских условиях «фонд будущих поколений», также имеет самое непосредственное отношение к решению стратегической задачи увеличения на отечественном рынке доли российских товаров народного потребления, поскольку очевидно, что даже заметное повышение пенсий все равно не позволит пенсионерам в полной мере ориентироваться на более дорогой импорт.

Следующая идея, на которой я бы хотел остановиться, была недавно высказана директором Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академиком Виктором Ивантером и касалась, несомненно, важной стратегической задачи отечественного развития, а именно – выработки с учетом множества локальных целей социального и экономического плана российского стандарта образа жизни, достижение которого в обозримом будущем собственно бы и определило национальную государственную стратегию¹. На мой взгляд, разработку данного стандарта следует начать именно с проблемы достойного социального обеспечения, имея в виду как пенсионеров, так и тех, о ком российское общество в лице соответствующих государственных институтов имеет попечение. Такой подход был бы наиболее морален с христианской (она же традиционно библейская) точки зрения, и наиболее политичен с позиции формирования образа страны, прежде всего, в глазах ее собственных граждан.

Однако вышеупомянутая идея академика Ивантера касается, прежде всего, другой, хотя и связанной самым непосредственным образом с предыдущей, проблемы, на которую также может быть высказан христианский взгляд, опирающийся на библейскую традицию. Речь идет о справедливой оплате наемного труда.

кликнул про себя: «Браво, СПС!». Лучшего комплимента от идейного противника, кажется, и получить невозможно. Ведь «старики» и «пенсионное обеспечение» – это то, что реально болит в современной России и это та проблема, которую в первую очередь следует решать, думая о будущем. А зачем, спрашивается, специальный раздел о молодежи, коли есть разделы об образовании, о военной организации, то есть о тех сферах, где как раз и задействована молодежь, наконец, когда речь идет о социально ориентированной экономике, в которую также будут вливаться молодые кадры. Вообще-то специальное апеллирование к молодежи – удел тоталитарных идеологий и авторитарных режимов, против чего и выступает СПС.

¹ Автор этих строк узнал об этой идее академика В.В. Ивантера из его интервью газете «Гудок» [8].

Опять же справедливая и своевременная оплата наемного труда есть фундаментальное требование библейской морали, связанной с заповедью о любви к ближнему, как к самому себе (Лев. 19:18). Не случайно ей предшествует соответствующий постулат Моисеева Закона, который гласит: «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев. 19:13). Таким образом, речь идет о том, что расчет за проделанный труд должен был осуществляться, как это было принято в древности, в конце рабочего дня, должен быть справедливым и, во всяком случае, покрывать необходимые расходы трудящегося. Другое дело, что общество Израиля по мере классового и связанного с ним имущественного расслоения все более и более отступало от этого идеала. Поэтому уже в VII в. до н.э., закончившемся национальной катастрофой евреев, связанной с разрушением Иерусалимского храма как места богопочитания и вавилонским пленением значительной части народа, пророк Иеремия произносит слова, которые весьма актуально звучат в нынешней России: «Горе тому, кто дом свой строит несправедливостью, чертоги свои – беззаконием. Ближнего заставляет работать даром, за труд ничего не платит!» (Иер. 22:13). Таким образом, проблема справедливой оплаты труда, способной поднять потребности населения, а с ними и увеличить спрос на продукцию, прежде всего отечественного производства, имеет традиционный библейский, а следовательно, и христианский подход.

Понятно, что я не возьмусь указывать конкретные меры для решения данной болезненной проблемы. Отмечу лишь, что связанный с этим инновационный сценарий, разработанный Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, который озвучил академик Ивантер в упомянутом выше интервью, представляется достаточно убедительным. Другое дело, что эти рекомендации не новы. И здесь следует лишь посетовать на то, что в начале 90-х годов, когда страна перешла к рыночной экономике, тогдашнее российское руководство, вместо того чтобы пойти путем соответствующей ей социальной настройки, которая привела бы к конкуренции на рынке труда, выбрало инерционный путь, оставив лишаящую труд мотивации низкую «социалистическую» оплату труда, да еще не вовремя выплачивавшуюся, тем самым во многом повторив сталинский опыт «ликвидации безработицы» в конце 20-х – начале 30-х годов. Но в любом случае и нынешнее положение с оплатой труда в России ни в коей мере не может быть признано нормальным. А если иметь в виду

проблему государственной стратегии, то она оказывается даже острее, чем это было 14 или 12 лет тому назад.

В заключение статьи я считаю нужным обратиться еще к одному феномену нынешней российской жизни, представляющему заметное препятствие для социального развития, а по сему требующему устранения именно в рамках возможной государственной стратегии. Однако, прежде чем я этот феномен обозначу, следует обратиться к соответствующему цивилизационному контексту, безусловно, имеющему свое христианское измерение.

Покойный папа Иоанн-Павел II и здравствующий понтифик Бенедикт XVI, равно как и другие европейские христианские лидеры, включая Патриарха Московского Алексия II, выражали и выражают свое недовольство тем, что в проекте Конституции Европейского союза не нашлось места упоминанию о «христианских корнях Европы». Действительно, историк, причем не только церковный, также мог бы поспорить с таким подходом. Однако в том-то и дело, что нынешняя политическая история Европы, включая Россию, берет свое начало не столько от христианских корней, сколько от уже упоминавшейся Великой революции во Франции, свершившейся под уже приводившимся лозунгом «Свобода, равенство, братство». Путь, который прошла евроатлантическая цивилизация за истекшие 200 с лишним лет, был прежде всего путем борьбы за эгалитаризм, то есть за утверждение реального равенства в правах и обязанностях всех членов общества, что привело уже в XX в. к утверждению соответствующей ментальности и политической культуры. При этом необходимо заметить, что стоявшие на позициях атеизма творцы Французской революции в формулировании ее основного лозунга не были оригинальны, более того, он был прямым заимствованием из библейской традиции, известной в Европе благодаря многим векам христианской проповеди. Другое дело, что церковь Христова, первые три века своего исторического бытия стоявшая в свободе во Христе и строившая свою внутреннюю жизнь на библейских началах братства (Лев. 25:46; 1 Петр. 2:17) (собственно, термин «равенство» есть не что иное, как его синоним), пойдя затем на союз с Римской империей и прочими государствами, образовывавшимися на ее обломках или в окрестностях былой *Rex Romana*, не смогла их социально преобразовать, и, более того, сама стала существенным элементом образовавшейся феодальной системы, хотя и продолжала возвещать равенство всех перед Богом во Христе Иисусе. Так что, начиная с эпохи Просвеще-

ния достижение библейского в своей основе идеала свободы и равенства стало осуществляться в Европе уже на путях секуляризации. При этом как католическая церковь, так и другие европейские христианские деноминации оказались в положении догоняющих, имея в виду несомненный нравственный (и он же политический) прогресс, который прошла за два последних столетия евроатлантическая цивилизация. При этом церкви, с одной стороны, приходится заново осмысливать свое социальное учение, основанное на библейской традиции и Новом Завете (в этом отношении, прежде всего, показателен опыт именно католической церкви, нашедший в 1965 г. отражение в пастырской конституции II Ватиканского собора «*Gaudium et spes*» – «Радость и надежда»), а с другой – быть участником конфликта с окружающим ее секулярным обществом, который связан, как мне представляется, с тем, что современная церковь еще не осознала свой новый формат, точнее, возвращение к своему изначальному формату «малого стада» (Лк. 12:32), когда ее границы не совпадают с границами некогда христианских наций.

Что в связи с этим можно сказать о России? Октябрьский переворот, как известно, также проходил под лозунгом свободы и равенства, к которому был добавлен тезис об уничтожении эксплуатации человека человеком. Следует отдать должное большевистской аксиологии: благодаря ей эгалитаризм вошел в народное сознание. Тем не менее уже последующая политическая практика привела к появлению новой аристократии в лице партийной номенклатуры. Казалось бы, этому уродливому во всех отношениях явлению был дан бой на завершающем этапе «перестройки», когда объявленная борьба с привилегиями обнаружила в обществе демократические тенденции. Увы, но последовавший затем развал СССР как бы снял эту тему, притом что уже очень скоро в России и других постсоветских странах (за исключением, пожалуй, Эстонии и в меньшей степени Латвии и Литвы) появилось куда более постыдное явление, нежели прежняя номенклатура, для которой не было найдено иного обозначения, как «элита», в коей нашлось место и наиболее ловким представителям прежней партийной номенклатуры, успешно занявшей конвертацией власти в собственность. История и анатомия новой российской «элиты», насчитывающей теперь уже как минимум две генерации, может стать предметом масштабного научного исследования, в рамках которого было бы что изучать представителям многих гуманитарных дисциплин. Теперь

можно утверждать, что данный феномен является основным тормозом экономического и политического развития страны.

Здесь следует сказать, что в развитых демократических странах мы встречаем успешных политиков и бизнесменов, в отношении которых еще прежняя советская политология использовала этот заимствованный термин. Однако в той же Британии, где сохраняется родовая титулованная аристократия, ни одному политику или публицисту не придет в голову апеллировать к элите, вместо того чтобы убеждать в правильности своих взглядов на развитие страны избирателей и искать поддержку в общественном мнении. Между тем, в России апелляция именно к новоявленной «элите» не столько официальная политика ввиду ее малой публичности, сколько стойкий стереотип в сознании экспертного сообщества и публицистов.

Заинтересовавшись темой «элиты», я за короткое время собрал немало иллюстраций связанных с ней стереотипов в печатных и сетевых СМИ. Приведу только один весьма показательный пример, тем более что речь идет о весьма ценимом мной авторе, выступления которого я стараюсь не пропускать. Итак, в августе 2006 г. на страницах либеральной «Новой газеты» известный политический аналитик и при этом высококвалифицированный ученый-географ Дмитрий Орешкин представил в высшей степени интересный и весьма убедительный материал «РФ. Идеология пространства» [11, 12]. Касясь вопроса дальнейшего пути России в связи с ее огромной и весьма неоднородной территорией, он пишет: «Итак, две проблемы. Первая, объективная, заключается в том, что с середины прошлого века роль лидеров в политике, культуре, международной конкуренции и вообще в жизни человечества начинают играть не просто большие, а интенсивные, плотные, насыщенные (наука еще не придумала подходящих терминов) территории». Что ж, это действительно, объективный факт, с которым приходится считаться. Ну а в чем же вторая проблема, которую Орешкин определяет как «субъективную». Оказывается, она «заключается в том, что наши элиты не готовы эту объективность признать и объяснить народу» [11, с. 7]. Вот это да! Оказывается не экспертное сообщество, не ученые должны народу объяснить объективные закономерности развития современной цивилизации, а пресловутая «элита», которая вместо народа должна что-то признать, а затем ему же и «объяснить», хотя здесь более правильным был бы термин «навязать». Увы, но Дмитрий Орешкин по сути дела констатирует ту печальную реальность, что россияне еще не состоялись как нация,

поелику лишены субъектности по примеру других европейских наций, которые сами при помощи известных правовых механизмов решают свою судьбу (как, к примеру, те же норвежцы, не желающие, чтобы их страна вступила в Европейский союз). Заканчивая свое выступление на страницах «Новой газеты», Орешкин задается вопросом: «В какой степени элитные группы (на самом деле только они сегодня обладают реальными экономическими интересами и реальными рычагами политического влияния) согласны быть Востоком?» [12, с. 13]. Право же, горько читать такое. Ведь совершенно очевидно, что без того сознания, что россияне являются одним народом, в котором интересы пресловутых «элит» не могут противопоставляться интересам всего общества, ни о какой реальной государственной стратегии России как целостного сообщества не может быть и речи¹.

Список литературы

1. Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. / Сост. Губонин М.Е. – М.: Правосл. Свято-Тихоновский богословский ин-т, 1994. – 1063 с.
2. Бедность, бедный, попечительство о бедных // Библейская энциклопедия Брокгауза. – Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung, 1999. – С.72–73.
3. Беккер А. \$50 млрд. – детям // Ведомости. – 2006. – 28 июня.
4. Борзенко В., Павлов И. Читатели Библии в России: групповой портрет в цифрах // Мир Библии. – М.: Рос. библ. об-во, 1994. – Вып. 2. – С. 105–106.
5. Булгаков С.Н. Неотложная задача: (О Союзе христианской политики). – М., 1906. – 47 с.

¹ В упомянутом выше проекте программы СПС слово «элита» неизменно берется в кавычки и о ней пишется с нескрываемой иронией. При этом здесь важны два тезиса. Первый: «Они (читай: представители “элиты”. – *Авт.*) хотят жить по своим особым законам, мы хотим, чтобы в стране было построено общество равных возможностей». Второй: «Свобода не просто абстрактная, но и утилитарная ценность. Демократия и капитализм выгодны каждому гражданину России. Мало того, они в большей степени выгодны бедным, чем богатым. Потому что четкие, прозрачные, единые правила игры уравнивают шансы граждан страны, а не создают преимущественные условия для “элиты”» [7, с. 23].

6. Булгаков С.Н. Об экономическом идеале: Вступительная лекция в курс «Критическое введение в политическую экономию», (1903) // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: Сб. ст. (1896–1903). – СПб., 1903. – С. 263–287.
7. Горизонт–2017. Вернуть России будущее // Моск. новости. – 2006. – 1–7 сент. – С. 22–24.
8. Ивантер В. Нужно заставить бизнес повысить зарплаты в обмен на снижение налогов // Гудок. – 2006. – 28 июля. – С. 5.
9. Каспер В. Бог Иисуса Христа: Пер. с нем. – М.: Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 2005. – 444 с.
10. Новый Завет. Избранные тексты. Интерпретации и комментарии. – М.: Высш. шк., 2005. – 439 с.
11. Орешкин Д. РФ. Идеология пространства // Нов. газ. – 2006. – 17–20 авг. – С. 6–7.
12. Орешкин Д. РФ. Идеология пространства // Нов. газ. – 2006. – 21–23 авг. – С. 12–13.

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2007

Сборник научных трудов

Дизайн – Л.А. Можаяева
Компьютерная верстка – Ж.Н. Горшелева
Технический редактор – Н.И. Романова
Корректор – Н.С. Сотникова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 5/IV – 2007 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 300 экз. Заказ № 15

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (495) 120-45-14
E-mail: market@INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

